

*Ганская Ю.
Гравитация*

В жизни всё работает по определенным законам и правилам. Но что, если мир вокруг больше не является настоящим, и больше некому верить? И снова судьба закладывает вираж, отнимая всё, и ставит перед выбором — насколько Ивана сильна, чтобы перешагнуть через все возможные границы, ради того, чтобы выжить. У неё нет времени сомневаться. Она может сделать только шаг навстречу незнакомцу. Самому близкому незнакомцу, от которого логика требует держаться как можно дальше, но к которому её неумолимо тянет непонятное опасное притяжение.

Часть 1. Главы 1- 4

Глава 1

Вечер опускается на город незаметно и растворяет остатки дневного света в жарком сумраке. Кофе пенится, закипает. Я подхватываю раскалённую турку, снимая с плиты. Мне нравится варить его вручную, а не покупать растворимый и заваривать прямо в чашке. Так его варили мои родители очень давно, когда я была совсем маленькой. Так что, это старая привычка, напоминающая о счастливом детстве.

Допивая кофе, я проверяю запасы лекарств. Обнаруживаю, что моё излюбленное средство от головной боли закончилось. После того, как в старшей школе я неудачно отдохнула с друзьями и закончила тот веселый день в госпитале, где мне зашивали голову, мигрень частенько меня навещает. Придется завтра зайти в аптеку и закупить спасительных таблеток. Конечно, кофе и таблетки не очень дополняют друг друга, но у каждого из нас есть привычки, отказаться от которых не так-то просто.

Утро встречает меня именно так — туман, влажный как мокрое одеяло, и ни малейшего признака улучшения погоды. Ближайшая круглосуточная аптека ещё пуста, одни стеклянные стенды и тишина, приятно пахнущая мятой, сладковатой лакрицей и привкусом лекарств. За прилавком с лекарствами сидит симпатичная пышная женщина, которой впору быть на полотне Рубенса, и она полностью поглощена чтением объемной книги. Заметив меня, фармацевт интересуется — что я хочу. Под строгим взглядом отвлеченной от чтения дамы я расплачиваюсь и забираю лекарство.

У меня есть час заскочить домой, чтобы переодеться, взять сумку, а затем отправиться на работу. Горожане еще только начинают просыпаться, на улицах не многолюдно и машины не заполнили проезжую часть. По веткам небольших деревьев, высаженных вдоль улицы, скачут птицы, и их перья причудливо отливают разными цветами радуги.

Квартал, где я живу, не является престижным, но и беспокойным его нельзя назвать. Один сосед пьет, и его регулярно забирает полиция. Второй по пятницам ругается с женой, которая кричит на мужа так, что непонятно — кому из них не повезло с супругом больше. Но это не настолько невыносимо и криминально, здесь никогда не стреляют и не убивают, как это происходит и в самых тихих, и в самых беспокойных районах. Мы ценим место, где живем, и не разрушаем благополучие. И словно в подтверждение этому, впереди, прямо посреди дороги трое здоровенных парней бьют кого-то.

Иногда дело зависит не от кулаков супергероя или оружия, а от уверенности и твердости. Это — основной залог победы, даже если ты не можешь ничего больше противопоставить врагу. Надо просто быть уверенным в каждом своем шаге, даже если вариант того, что тебе тоже разобьют лицо, более чем вероятен. Поэтому я продолжаю шагать в сторону побоища, и с облегчением вижу, как троица останавливается, трусливо оглядывается по сторонам, а затем бежит на другую сторону в проулок. Великолепно.

— Эй, Вы меня слышите? — я присела на корточки и попыталась навскидку оценить — насколько все плохо, — Не шевелитесь, я вызову сейчас скорую.

Лежащий поднимает голову, кашляя и роняя капли крови на землю. Судя по всему, его дела не настолько плохи.

— Не надо, со мной всё в порядке — он поднимается, качая головой. Не тащить же его силком к врачу, в самом деле. Но затем, внезапно мужчина теряет равновесие и начинает

неловко заваливаться. Уцепившись за его рубашку, я стараюсь затормозить падение, и он вяло опускается на асфальт. Выглядит пострадавший плохо, и кровь льется из порезов на голове, а, значит, просто так ее не остановить, и у него есть риск свалиться от кровопотери. Есть только один выход.

Всё, что можно сделать — дотащить его до моего дома, усадить его на диван и рыться в холодильнике в поисках льда. Я вытаскиваю застывший пакет с куском мяса, ждущий своего часа. Вот он и настал. Протягиваю его сидящему пациенту.

— Приложи к носу, — советую я. Вроде кровь уже не идет, второе полотенце не покраснело от неё, а вот первое безнадежно испорченно. Пострадавший сидит, закрыв глаза и удерживая одной рукой голову, а вторую прижимая к ребрам. Либо перелом, либо сильный ушиб. Наконец, мужчина убирает от лица холодный пакет и, шевеля разбитыми губами, явно пытается что-то сказать

— Спасибо, — доносится до меня, наконец, его полусшепот.

— Не за что, — я смотрю на то, как кровь всё еще продолжает стекать с его разбитого носа на распухшие и посиневшие губы, — но тебе надо все-таки пойти в больницу.

Он слегка покачивает головой, видимо более резкие движения доставляют ему неудобства. Пострадавший от уличных хулиганов осторожно кладет пакет на край небольшого стола и поднимается. Неразумно, исходя из того, как его шатает, но он явно настроен уйти.

— Спасибо, — снова говорит он.

— Дойдешь домой сам? — спрашиваю я, когда он, качаясь, направляется к двери.

Дойдет.

Суббота балует горожан солнцем, жарой и всеми благами лета. Я ощущаю на себе его дары, пока неторопливо шагаю вдоль высаженных рядами деревьев. Они стоят на границе пешеходной части с дорогой, и в их тени не так сильно жгут солнечные лучи. Следом за мной идет соседка, выгуливающая своего той-терьера. Светлые длинные волосы и красивая улыбка делают её заметной для всех скучающих от безделья мужчин, и потому никто не удивлен, когда раздаётся предложение остановиться и познакомиться.

Лука, местное чудо, считающее себя первым парнем на районе, стоит у фонарного столба в окружении своих друзей-товарищей, гордый до невозможного своим предложением. Его молодцы взрываются восхищенным хихиканьем как стайка одуревших сорок. Соседка торопит собаку и уходит дальше, игнорируя заигрывания.

Встретить все виды жителей города можно в трех местах — церкви, парке и магазине. Парк можно приравнять к кафе и барам, благо их понастроили уйму рядом с ним. Поскольку я работаю с заказами для своей фирмы на дому четыре дня в неделю, то не часто наблюдаю всех, кто населяет наш город. В церкви я бываю редко, в парке люблю ходить по немногочисленным местам, поэтому встреча со всем городом происходит обычно в магазинах. Вдоль рядов обреченной на покупку зелени стоят почтенные дамы и те, кто строго соблюдает диету. Их корзинки наполнены салатами низкой калорийности и зеленью с высоким содержанием антиоксидантов. Я пробираюсь дальше, и ряды молочной продукции встречают меня детским криком и говорливыми матерями. Вежливо протискиваюсь к упаковкам молока, подмигивая какому-то забавному круглощечному мальчугану. Он улыбается мне в ответ и демонстрирует свои два маленьких зуба.

Отдел мясной продукции полон мускулами и тестостероном, а еще тут изредка

встречаются разумные матери больших семейств, понимающие, что своих мужчин надо кормить по принципу — добытчики принесли деньги, добытчики получили мясо.

Наконец я выбираюсь из магазина с ощущением, что оставила там определенную часть нервной системы. Два полных пакета в обеих руках являются своеобразным призом за терпение, и я на секунду с сожалением думаю о проданной из-за долгов по кредиту машине. Она явно облегчила бы передвижение до дома, но её нет, а воспоминания не превратятся в четыре колеса. Потому, подхватив поудобнее ношу, я перехожу дорогу и иду обратно. Жаркий день шалит с городом, то насылая туманные и непонятные утренники, то паля солнечными лучами. Майка оставляет открытыми плечи, и я ощущаю, как приятное тепло начинает превращаться в обжигающее обгорание. Не могу загорать, через некоторое время кожа просто начинает облезать, и никакая армия кремов и прочей косметической хитрости не помогает.

Сейчас только еще одиннадцать часов дня, а значит, что позже будет гораздо жарче, и люди в здравом уме предпочтут сидеть в тени или не выходить из дома. Да, наступило лето. Одежда начинает превращаться в кокон, и вроде легкая ткань заставляет кожу гореть как бекон на сковородке. Дышать нечем, воздух и есть, и в то же время его нет. Удушливый зной медленно нарастает, яркая зелень застывает в безветрии. Листва благодарно поглощает лучи солнца, и её тень позволяет не сжариться живьем. Я продолжаю шагать, руки наливаются свинцовой тяжестью, словно я несущу не два пакета с продуктами, а на ходу поднимаю штангу.

Лука уже куда-то исчез вместе со своей свитой. Мимо проносится машина с открытым верхом, размахивающие руками молодые люди пьют и горланят что-то в такт хрипло рычащей стерео-системе. Пляж ждет, жара ждет, вода ждет.

Я неожиданно спотыкаюсь о гравий, невесть как оказавшийся на асфальте, и больно ударяюсь пальцем. У открытых босоножек есть свои неприятные сюрпризы. Теряю равновесие, и из одного из пакетов выкатывается на дорогу пара яблок. Только не это, только не яблоки... Я специально выбрала самые красные, не для того, чтобы они катились по дороге, как мячи в боулинге.

Осторожно опуская один из пакетов на землю, я обреченно вздыхаю и поворачиваюсь за разбежавшимися яблочками. Они раскатились по дороге, и собрать их придется из разных сторон. Протягиваю руку и поднимаю то, что ближе. Затем тянусь за вторым. Оно дальше, чем я могу вытянуть руку, придется подняться на ноги и прошагать за ним. Но я не успеваю убрать вытянутые пальцы, как чья-то ладонь подхватывает краснобокого беглеца и протягивает мне. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на благодетеля, и одновременно беру яблоко.

— Спасибо, — я поднимаюсь, пряча яблоко в пакет, а передо мной стоит давешний пострадавший, которого спасали моё мороженое мясо и полотенца. Надо сказать, сейчас он выглядит более-менее ничего спустя неделю, несмотря на гнилостно-пурпурные синяки, его лицо смотрится бодро и вполне сносно.

— Давайте, я помогу донести, — он кивает на пакеты. Вот оно, провидение, сжалившееся надо мной. Я облегченно соглашаюсь, и мужчина легко подхватывает мою тяжкую ношу. Мы шагаем по дороге, и я испытываю ощущение вселенского блаженства.

— Как твой нос?

— Немного болит, — мой спаситель неожиданно разрушает все предположения о мужском непомерном эго своим честным ответом.

Мы поворачиваем к дому. Газон, который нужно подстричь, отвлекает меня от

размышлений, возвращая к насущным проблемам. Я открываю дверь и поворачиваюсь к спутнику, молчащему всю дорогу.

— Большое спасибо, — сама бы я точно час ковыляла с пакетами. Он неожиданно улыбается.

— Вы были добры ко мне, — сейчас, когда он нормально говорит, его голос звучит приятно для слуха — чуть низковато и приглушенно. Видя моё удивленно вытянувшееся лицо, он добавляет, — Я обязан Вам.

— Пустяки, — если каждый, кому я протяну руку, будет считать себя обязанным мне, то я превращусь в повелителя целой трети страны. Я поднимаю пакеты и, на прощание заявляю, — мне как раз не хватает еще пары рук, чтобы подстричь газоны вокруг дома.

Он деловито оглядывает ровное поле с подросшей травой, и я неловко улыбаюсь, кивая на одичавший газон:

— Мне не хватает познаний в работе триммеров, чтобы причесать траву.

— Если хотите, могу помочь, в технике я разбираюсь достаточно хорошо. Так что, я завтра могу заглянуть и справиться с непокорным газоном

— Отлично, буду очень благодарна — я непомерно рада такой удаче.

Мужчина уже спускается с крыльца и шагает по дорожке, когда я понимаю, что забыла спросить, как его зовут.

— Гаспар, — отзывается он, обернувшись и помахав мне рукой.

Если бы сегодня не стрижка газона, я бы еще час провалялась, затем не спеша занялась бы уборкой, а потом просто ничего не делала бы. Воскресенье.

Вероятно, именно поэтому я проспала будильник, который надрывался, исторгая мелодичные призывы подняться с постели уже по третьему кругу. Благо, что функция повтора была включена в его хитрое устройство и могла играть ровно столько, сколько надо было дозваться заспавшегося хозяина. В любом случае, вскочила я ровно в десять, когда солнце уже во всю светило в окно, и его лучи ползали по стенам, потолку и постели, отражаясь от светлого в два раза сильнее.

Пока готовится завтрак, я периодически выглядываю в окно, чтобы узнать — не пришел ли мой знакомый. Не люблю встречать гостей застигнутой врасплох.

Он пришел тогда, когда я закончила мыть посуду и только выключила воду. По-прежнему разукрашенный проходящими синяками, этот ходячий тотемный столб явно мог послужить украшением любого учебника травматологии.

— Привет, — я не стала уж так откровенно рассматривать его, все-таки человек пострадал, — готов к борьбе с травой?

Он улыбнулся, демонстрируя, что оценил мой юмор, и сразу приступил к делу.

— Где же техника?

— В гараже, — я на секунду замаялась, соображая, когда заходила туда в последний раз. Затем, понимая, что от меня ждут действий, спохватилась, — пойдём, я покажу.

В полдень солнце начинает палить гораздо сильнее, словно у него есть свои часы, по которым оно выверяет — когда ему начинать огненную атаку. Все затихает, прячется или лениво лежит в тени. Назойливое гудение работающего триммера нарушало эту знойную тишину, что было достаточно раздражающе.

Я мысленно представила себе, как проклинаят шум триммера соседи, и улыбнулась. Зато у меня газон будет отличным. Выглядывая в окно, я видела, как увлечен работой мой

работник, и насколько тщательно он выполняет её. Где-то через полчаса я поставила на поднос пузатый кувшин с домашним лимонадом, стакан и вышла на крыльцо. Гаспар как раз остановился, чтобы заправить рычащий триммер новой порцией топлива.

— Если у тебя перерыв, — мне немного неудобно от того, что приходится смотреть на него, задрвав голову, — то я принесла лимонад.

— Спасибо, — все так же вежливо отозвался Гаспар, аккуратно положив все непонятные мне дополнения к триммеру и подходя к крыльцу. Я была приятно поражена тем, как он осторожен и бережен; бывший обычно бросал всё туда, куда приходило в голову, не важно — носки это были или же ноутбук.

Залпом осушив стакан, Гаспар поставил его на поднос и вновь натянул перчатки. Если не бы они, от раскаленного металла руки бы плавилась. Мой работник, очевидно, решил доделать всё, не расслабляясь, и я ретировалась в дом, предоставив ему свободу действия. Он так же осторожно разобрал всё, сложил в гараж и даже перчатки положил туда, откуда я их достала ему.

Когда Гаспар закончил со всей травой, солнце уже начинало торопиться к горизонту. Вместо того, чтобы торопиться домой, он потянулся за рубашкой, лежащей на стуле у двери, и заявил:

— Там сломано окно в гараже. Если хотите, я могу починить. Там нужно просто заменить петли.

Надо сказать, достаточно угнетает то чувство, когда ты понимаешь, что многое требует мужской руки, а ты — всего лишь женщина, не способная заметить многие мелочи. Поэтому я не отказываюсь от предложенной помощи.

— Когда тебе будет удобно? — спрашивает Гаспар.

Глава 2

Есть две вещи, которые нельзя изменить или переделать. Это человеческий эгоизм и неприятные родственники. Я владею первым, как любой живой человек, и вторым, как любой обычный человек. Есть тип людей, которые с очаровательной миной создают неприятности, но настолько милы, что все срочно стремятся их выручить. Они идут по трупам к своей цели, но не потому, что бесчеловечны, а потому, что просто не замечают, как наступили на кого-то.

Такова и моя сестра Нина. Надо сказать, что и ее супруг полностью является ее половиной во всех смыслах этого слова. Это делает Алана так же нежеланным гостем в моем доме. Поэтому, когда раздается звонок, и приятный голосок Нины начинает рассыпаться в сочувствии мне в моем горе, я включаю громкую связь и отправляюсь гладить себе рубашку. Я знаю, что сестра поругает бывшего, а потом закончит все предсказуемой фразой: "Но знаешь, Ивана, мы с Аланом считаем, что тут есть и твоя вина..." с подробным перечислением моих промахов в семейной жизни. Она не предложит помощи, не скажет, что я могу позвонить, если мне станет одиноко или грустно. Зачем? Это не входит в пакет ее опций. Я не хочу вдаваться в грустные размышления, а потому вообще не слушаю то, о чем говорит голос в трубке. Как того и следовало ожидать, она прощается ровно через пять минут, чтобы появиться в следующий раз месяца через два.

Пока я разбираюсь с рубашкой, попутно смотрю на часы, ожидая появления Гаспара. Вот уже две недели, как он приходит, чтобы что-то починить, что-то поправить, и я в какой-то мере даже привыкла к его появлению. Между нами установились уважительно-добрые отношения, мой новый знакомый всегда вежлив и немногословен, как и в день нашего

знакомства, так и сейчас, спустя столько времени. Он подмечает такие вещи, какие мне не пришли бы и в голову, а работа в его руках просто горит.

Раздается стук в дверь, и я иду открывать. Синяки прошли, и оказывается, что лицо Гаспара выглядит очень симпатичным, что выгодно отличает его от большинства, которое алкоголь и травка успели превратить в абсолютно малопривлекательных личностей.

Сегодня он чинит один из столбиков крыльца, который имел наглость сломаться. Я сажусь с книгой в другом углу крыльца и пробую углубиться в чтение. Время от времени я поднимаю голову, чтобы посмотреть на то, как Гаспар управляет с крыльцом. Надо сказать, за его работой приятно смотреть, ни одного лишнего движения, ни суеты или торопливости.

— Давно тут живешь? — Гаспар оборачивается ко мне, когда я достаточно долго молчу в ответ.

— Года два, — я переехала сюда после того, как встретила Габриила.

— А была в Черных скалах? — Гаспар потянулся за инструментом. Я отрицательно качаю головой, — они расположены недалеко отсюда, не совсем скалы, но выглядит потрясающе. Море и действительно черные скалы.

В голосе Гаспара проскальзывает нотка восхищения, и я понимаю, что он и сам под впечатлением от этого места. Я молчу, так как мне нечего сказать — восхищаться тем, чего я не видела, сложно. А дальше Гаспар произносит то, что я никак не ожидала услышать:

— Если захочешь, могу показать их.

Как я давно не слышала подобного. Переехав сюда, в дом, который был куплен на мои деньги, тогда Габриил предпочел вложить свои средства в акции фирмы Алана, я была предоставлена сама себе. По-моему, мы два раза сходили с Габриилом в ресторан на годовщину знакомства, а все остальное время он либо был на работе, либо говорил, что уезжает в командировки.

— Надеюсь, что туда можно добраться пешком, — отвечаю я, размышляя, что мои передвижения слегка ограничены отсутствием машины.

— Нет, это достаточно далеко, — подтверждает мои мысли Гаспар. Значит, я остаюсь без знакомства с Черных скал.

— Ты куришь? — спрашиваю я.

— Я бы начал курить, если бы не подсчитал — во сколько обойдется мне такая роскошь, — улыбается он уголком губ, — так что желание курить пропало сразу.

Такая рассудительность явно сбивает с толку, особенно когда люди вокруг думают сперва о том, чтобы получить удовольствие, а уже потом — во сколько оно им обойдется.

Сегодня воскресенье, и я, как обычно, собираюсь отправиться в магазин. Положительно, мне надо всё же подумать о машине. Хотя бы самой старой, разбитой и поганенькой. Надоело превращаться в мула. Но, до машины мне ещё далеко, очень далеко. Еще не одна зарплата, которая позволит взять кредит и купить машинку. И вот, я уже иду, мурлыча под нос какой-то мотивчик и радуясь бархатным поцелуям еще не обжигающего светила.

Дохожу до перекрестка, как самый правильный пешеход ворочаю головой, высматривая угрожающих мне зверей на колесах, и обнаружив, что со всех сторон пусто, трогаюсь вперед.

Я блуждаю себе между рядов, голова моя очень довольна и пытается вместо выбора продуктов поразмышлять о чем-то приятном. Например, что надо бы купить новый лак и сделать маникюр, чтобы жизнь вообще стала просто прекрасной. Я покидала в корзину всё,

что вспомнила из обширного списка, и раздумываю над тем, что могла забыть.

— Вы забыли маслины.

Сердце вылетело из горла, а из ушей, как в старых мультиках, выскочили две часовые кукушки. Мне показалось, что со мной заговорил прилавок с выпечкой.

Я оборачиваюсь, надеясь, что всё-таки это не стенд заговорил. Позади меня стоит Гаспар, протягивая мне банку маслин, которые я всегда беру для салата.

— Господи Боже, — я перевожу дух, — ты испугал меня.

Потом я недоверчиво задаю следующий вопрос.

— Откуда ты узнал про маслины?

— Я видел тебя несколько раз здесь по выходным, и каждый раз ты не проходила мимо маслин, — он стоит, улыбаясь, и прохожие косятся на нас.

— Отлично, спасибо — я принимаю протянутую мне банку, и направляюсь к кассе. Гаспар остается где-то позади, заинтересованный небольшими конвертиками с яблоком и корицей.

Как обычно — тяжелые пакеты уже привычно оттягивают руки, и я подхватываю их удобнее. Запрещаю себе снова жалеть о своей машине, остается лишь шагать к дому. Несколько шагов отделяют меня от перекрестка, когда загорается красный свет, предвещающий еще пару минут задержки на пути к дому. Сегодня явно не мой день. Когда сбоку притормаживает машина, я не обращаю внимания на это. Когда из машины выходит водитель, я так же поглощена напряженным ожиданием сигнала к переходу дороги. Когда ко мне обращаются, раздраженно поворачиваюсь, чтобы затем сильно удивиться.

— Я подвезу тебя, — Гаспар подхватывает мои пакеты, практически не оставляя мне времени на отказ. Он учтиво молчит о том, насколько они тяжелы. Убирает пакеты на заднее сидение, а затем открывает мне переднюю дверь. Как джентльмен из старых фильмов.

— Кстати, отличная машина.

Гаспар отъезжает от перекрестка и плавно встраивается в движение.

— Спасибо, — ему приятно, что я оценила автомобиль.

Машина действительно отличная, ничто не скрипит, не трещит и не грозит развалиться. И мягкая обивка кресел так и зовет расслабиться и ехать, куда глаза глядят.

— Я хотел предложить одну идею, — Гаспар не отрывает глаз от дороги, но при этом говорит так, словно все его внимание сконцентрировано на диалоге, — раз уж я на машине, а сегодня выходной, то если я предложу съездить к Черным скалам, ты же подумаешь над этим?

Он знает, что мне не попасть туда без машины. Он понял, что я хотела бы туда попасть. И он ненавязчиво предлагает мне осуществить желаемое. Я киваю. Гаспар поворачивается ко мне, явно не увидев этого движения, и я снова киваю, глядя на вопросительно вскинутую бровь над серым с карими крапинками глазом.

Мы подъезжаем к дому, который кажется таким маленьким и почти игрушечным. Мужчина выходит из машины, и, опережая меня, открывает дверь.

Попав внутрь дома, я напрямик направляюсь в ванную, чтобы добраться до холодной воды и освободиться от металлической жары. Я слышу, как Гаспар внизу, на кухне явно разбирает мои покупки, раскладывая их. Когда я выхожу к нему, он поворачивается ко мне:

— Я сварю кофе, если дашь мне пару минут.

Я оглядываю кухню и понимаю, что Гаспар разложил все покупки так, как это сделала

бы моя мать. Он не спеша ставит на огонь старинную турку. Пока кофе варится, Гаспар достает чашки и ставит их на стол. По кухне начинает ползти аромат, заставляющий вдыхать его как можно больше и глубже, наслаждаясь дурманящим запахом. Поскольку я остаюсь не у дел, то мне приходится просто наблюдать. Темный кофе медленно заполняет чашки, подчиняясь руке Гаспара, удерживающей турку.

Пока я медленно пью горячий кофе, он убирает посуду. Наблюдая за его неторопливыми действиями, я ощущаю, что впервые за долгое время мне просто стало комфортно в собственном доме. Он больше не давит на меня тишиной, которая смотрит из всех углов. Несмотря на то, что я не так уж много знаю о Гаспаре, мне с ним спокойно.

Он, тем временем, заканчивает наводить порядок и поворачивается ко мне. Кто он? Откуда? — спрашиваю я себя. Гаспар наконец берет свою чашку, кофе в котором явно уже остыл. Он наклоняется, вдыхая аромат кофе, и улыбается.

— Я не люблю слишком горячий, — поясняет он, делая глоток, — и я живу здесь около пары лет. Новое место работы, да и город очень приятный. Мне здесь нравится.

— Что?

Я чуть не поперхнулась остатками кофе.

— Ты ясновидящий?

— Почему же, — Гаспар усмехнулся снисходительно, словно я сказала сущую нелепицу, — понять то, о чем ты думала, было не так уж и сложно.

— Тебе стоит предупреждать, когда ты начинаешь считывать человеческие мысли по лицам, — я ощутила себя более раскованно и свободно, несмотря на то, что мне немного неловко.

Пальцы осторожно держат чашку. Гаспар выглядит довольным, как сытая кошка, и явно забавляется моей растерянностью, я знаю об этом, несмотря на то, что ни одна черточка на его лице не выдает его мыслей. Я знаю, что мне его мыслей не прочесть, а он посмеивается надо мной, скрывая это за абсолютно спокойным взглядом.

Когда мы уже оставили позади дом, сонную от жары улицу, и едем вдоль тенистых улиц, я уже успокоилась и просто наслаждаюсь ветром, врывающимся в приоткрытое окно машины. Город обладает непредсказуемостью, которая досталась ему от моря, а оно меняет свое настроение каждый час.

Впереди уже виднеется блеск воды, но наш путь лежит дальше, к острым уступам скал, окружающим небольшой пляж. Мы ни о чем больше не говорили, пока не вышли из дома. И сейчас, когда машина несет нас прочь из города, мы тоже молчим. Не потому, что нам не о чем говорить. Напротив, нам хорошо молчать, словно тишина заменяет сотню пустых слов. Я раньше никогда не думала, что можно просто молчать, находясь рядом с кем-то, и при этом не ощущать себя в изоляции.

Дорога петляет между извилистых поворотов берега, и где-то рядом уже слышен рокот волн. Я разглядываю открывающийся передо мной вид, который заставляет забыть обо всем остальном. Небо, погруженное в море, и море, достигающее неба.

Машина, замедляя ход, оказывается на небольшом участке побережья, которое со всех сторон окружено черными скалами. Остатки древнего вулканического слоя, они стоят перед морем, которое беспокойно бьется об их подножие, словно проверяя его прочность.

Я готова просидеть всю жизнь на одном месте, любяясь уголком из другой вселенной, но Гаспар напоминает о своем присутствии, негромко кашлянув.

— Не хочешь пройтись? — Говорит он, убедившись, что привлек мое внимание, и меня

просто выносит из машины.

Я снимаю обувь и направляюсь к воде. Волны набегают на песок, и тактильные рецепторы кожи ощущают их движение.

Потеряв счет времени, я всё стою посреди воды, пока, наконец не возвращаюсь обратно, в реальность. Обернувшись, понимаю, что пора вернуться к своему спутнику. Он же стоит, облокотившись на капот машины, и мне, даже на таком расстоянии, видно его внимательный взгляд.

Мокрые ноги вязнут в песке, которые ласково окутывает их своей массой. Когда я подхожу к машине, Гаспар протягивает мне руку, чтобы поддержать, пока я надеваю туфли. К ногам прилипли песчинки, и они щекочут кожу, перекатываясь внутри обуви.

Медленно падает температура, предвещая наступление вечера. Прежде, чем вернуться в машину, Гаспар отходит к каменным стенам, чтобы затем вернуться назад и протянуть мне цветок, тонкий стебель которого почти не ощутим в руках.

— Обычно, он растёт только в горах, но видимо птицы принесли сюда семена, — говорит он, пока я разглядываю венчик из лепестков. Растение пробивается сквозь камни и одерживает победу, несмотря на то, что его корни так хрупки и слабы.

Наверно, самое интересное и необычное заключается в том, что наши отношения — это крепнущая дружба. Ни один жест не несет в себе двусмысленной подоплеки, ни один взгляд не оскорбляет установившегося доверия. Именно поэтому Гаспар укрывает меня пледом, когда я засыпаю дома, присев, как мне кажется, всего лишь на пару минут посмотреть новости. Закрывает за собой дверь и исчезает в вечерней темноте. Мы — незнакомцы, но, несмотря на это, приходим друг к другу, чтобы погреться у общего костра.

Два события нарушают моё утро. Первое — звонок сестры, требующей, чтобы я немедленно что-то меняла и не жила одна. Пока я пытаюсь понять бессвязный поток слов, скорее похожих на птичий щебет, она не останавливается ни на мгновение и лишает меня надежды хоть что-то разобрать.

Наконец я выхватываю несколько слов и по ним догадываюсь. Сестра увидела что-то страшное, что поразило ее впечатлительную натуру, и теперь она требует от меня большей заботы о безопасности.

— Прости, я всё же не поняла, — говорю я, стараясь остановить её поток слов, — но все-таки что случилось?

— Разве ты не смотрела новости? — Потрясена она так, словно я призналась в том, что не умею читать. Я действительно не смотрю новости, они вызывают у меня смешанное ощущение презрения и гадливости. Словно кто-то мешает палкой чан с нечистотами и выплескивает их всем желающим узнать их запах.

— Убийство. Жестокое убийство прямо в центре, — кажется, что каждое слово вызывает у сестры приступ удовольствия одним своим звучанием, — я просто обязана сказать, что ты безответственно относишься к своей безопасности. Кто знает, что творится в нашем городе! Ты же живешь одна, тогда как могла бы попробовать помириться с Габриилом! Мы с Аланом....

Я кладу трубку на край стола и иду собирать сумку. Мне пора идти, и времени выслушивать мысли премудрого Алана по поводу очередного выпада в мою сторону у меня просто нет.

Несмотря на такое утреннее вторжение, я пребываю в хорошем настроении и

направляюсь на работу. В последнее время меня очень сложно вывести из состояния покоя и удовлетворенности, которые вытеснили прежний пессимизм. Небольшой киоск с газетами сегодня явно переживает один из лучших дней. Газеты, по всей видимости, рассказывающие о том происшествии, о котором говорила сестра, раскупаются с немислимой скоростью.

Новости долетают и до офиса. Сидящий неподалеку от меня и, пока что, бездельничающий курьер заигрывает с молоденькой администраторшей, а на столе рядом с ним лежит свежий номер газеты с яркой передовицей, посвященной новостям. Любопытство перевешивает, и я, напрягая глаза, пытаюсь разглядеть то, что написано. Затем, до меня запоздало доходит, что в эпоху высоких технологий можно воспользоваться более удобным способом. Не зря же передо мной стоит монитор компьютера.

Лежащее среди аккуратно подстриженного газона, тело застыло, удерживая в руках нечто непонятное с первого взгляда. Это сердце. Разрезанное и развернутое, вложенное в руки, словно мертвая женщина предлагает его тому, кто наклонится над ней.

Волна дурноты поднимается вверх, проползая под кожей обжигающими каплями, и приливает к голове. Не знаю — почему, но даже после того, как я закрываю интернет-статью, жуткий вид трупа все равно стоит у меня перед глазами.

Пока я готовлю ужин, даже включаю новости, нарушив все свои правила. Как и следовало ожидать, происшествие обсуждают на всех каналах. Строятся догадки и предположения о том, кто мог совершить такое, советуют горожанам быть бдительными. Болото обыденности всколыхнулось — ещё бы, такая почва для обсуждения и сплетен. Перед тем, как лечь спать, я впервые за много лет подхожу к двери дома. Помедлив немного, закрываю оба замка. Ночная тишина города больше не безопасна.

Второе событие, чуть более меньшего масштаба, произошло вечером того же дня, но узнала я о нем лишь на утро. По дороге на работу, я поняла, что не доставала телефон из сумки с тех пор, как вернулась вчера с поездки к морю. То есть он провалялся забытым весь вечер. На ходу проверяя — не сядет ли аккумулятор, я увидела пару пропущенных звонков. На тот момент я даже забыла о вчерашнем происшествии потому, что эти звонки были от моего бывшего. Мы разошлись, он забрал все вещи, я научилась жить одна, что еще ему надо?

Я не перезвонила. Стерла данные о его звонках и запретила себе думать о них. Это прошлое, которое еще не остыло обидами и разочарованием.

Когда вечер сменил наконец-то жаркую духоту дня, а я выползла на крыльцо, наслаждаясь легким ветерком, машина Гаспара медленно парковалась у дороги. Он еще только идет по дороге, а я уже ощущаю себя спокойной, и на моем лице появляется улыбка. Мы — словно семья, которая наконец собирается вместе. Я не видела Гаспара почти два дня, и теперь, когда он приближается, все тревоги и сомнения сами отступают на задний план. Он приносит с собой ощущение спокойствия и безопасности, и любые проблемы в его присутствии кажутся пустяками, не стоящими волнения.

— Я хотел убедиться, что у тебя все в порядке, — серые глаза с зеленью и карими вкраплениями на солнце выглядят совершенно иначе. Яркие, слегка выпуклые и полные абсолютной уверенности. Забота подкупает, заставляет тебя перестать держаться настороже, думая об одиночестве. И я улыбаюсь так, как не улыбалась уже давно, со смерти моих близких.

За окном уже совсем стемнело, когда я переключаю каналы, сидя на диване перед

телевизором. Гаспар устроился возле стола, он неспешно пьет кофе и смотрит в экран. Я останавливаюсь и возвращаюсь назад, когда мелькают новости. Я не знаю, почему я это делаю, но всё же делаю. Теперь новости не просто показывают всё тот же цветок, истекающий кровью, новая деталь, в виде фотографии жертвы украшает новостную панель.

Я возвращаюсь к реальности на последних словах ведущего, вновь призывающего граждан к бдительности. Наверно, уловив мой взгляд на окна, за которыми прячутся ночь и неизвестный психопат, Гаспар встает со своего места, чтобы налить мне кофе и подойти, протягивая чашку. Его жест — молчаливое напоминание о том, что я не одна. А это значит, что мне нечего бояться.

— Как прошел день, — задаю я вопрос, принимая из его рук чашку, стоящую на светлом, расписанном цветами блюде.

— Немного чертежей, немного разговоров о строительных контрактах, — улыбается он мне. На секунду я чувствую, как кровь приливает к щекам. Я предложила ему постричь свой газон, сочтя его безработным. Ведь, кто знает, оскорбило ли его это?

Но его лицо не выражает и тени обиды или задетой гордости. Когда он собирается уходить, и я открываю дверь в темноту, страх поднимает уродливую голову. Мне почти хочется предложить ему остаться, но я молчу, не желая внести двусмысленность своей просьбой в наши отношения. Уже подойдя к ступенькам, ведущим на дорожку, Гаспар оборачивается. Ободряюще касается моих плеч и говорит то, что на самом деле мне хочется слышать.

— Все будет хорошо.

Я верю ему потому, что он наверно единственный, кто может понять меня. Когда я смотрю в его внимательные глаза, почти черные, как грозовые тучи, в темноте, с отблеском света в глубине зрачков, я понимаю, что все это время он находился со мной, чтобы мне не было страшно.

Глава 3

Спустя шестнадцать часов я сижу в небольшом кафе, напряженно сжимая чашку чая и стараясь непринужденно улыбаться человеку, которого когда — то обещала любить в горе и радости. Как получилось, что мы сидим друг напротив друга и пытаемся разговаривать? Да очень просто. Он встретил меня после работы, когда мне было просто некуда отступить, и сказал, что нам жизненно важно поговорить.

Ага. Конечно.

Чем можно убедить женщину, заставить поверить в искренность слов и намерений? Я смотрю в его глаза, которые переполнены раскаянием, как у провинившегося пса, и понимаю — скорее всего, он просто решил, что поторопился уходить, ведь очередная подружка вероятнее всего бросила его ни с чем. И Габриил решил вспомнить про меня.

Он продолжает что-то говорить, объяснять, что ощущает огромную вину. А я смотрю на него, прокручивая в голове несколько лет встреч и совместной жизни. Когда-то Габриил оказался для меня единственной опорой, за которую я цеплялась, стараясь пережить потерю близких. Привычка к человеку — вещь опасная, побуждающая к нелогичным шагам. Она побуждает меня отодвинуть в сторону обиду, стирает с лица настороженное выражение и загоняет в самый дальний угол доводы мозга, отчаянно пытающегося удержать бестолковую хозяйку от опрометчивого шага назад, к старым граблям.

На улице жарко, но уже ощущается приближение вечера. Небо окрашивается более густыми, закатными тонами. Возле моего дома стоит полицейская машина. Это странно. Но

еще более необычно то, что возле дверей стоит мужчина в гражданском костюме, детектив до мозга костей. Его работа въелась ему в кости, в кожу и во взгляд. Не спрятаться, не обмануть.

Я приближаюсь к дому, настороженно осматривая всю картину. У меня не остается времени на раздумья, когда детектив подходит ко мне и протягивает фотографию.

Видела ли я этого человека?

Нет, я его не видела. Но если увижу или вспомню что-то, то обязательно позвоню по номеру, оставленному мне детективом, и сообщу.

Мужчина с усталым лицом и нестираемой печатью своей работы прощается со мной и садится в машину. А я закрываю входную дверь, думая о том, что вокруг города словно сгущаются грозовые тучи чего-то очень нехорошего.

Оставшееся время я навожу порядок в доме с таким усердием, словно задаюсь целью вычистить каждый сантиметр. Оттерла светлые полки шкафов, вычистила ковер на полу гостиной. И всё равно, даже работа не помогает мне избавиться от неприятного ощущения, заставляющего холодить спину, словно по ней проходит зябкий ветерок.

Где-то вдалеке громко играет музыка, и ее звуки долетают до моего дома. К дому медленно подплывают огни машины, и я с облегчением отхожу от окна, у которого стояла уже не один десяток минут в ожидании. Удивительно, но фигура стоящего у дверей Гаспара выглядит так, словно его возвращение в мой дом — это уже многолетний порядок вещей, и его место — здесь, пустующее в ожидании.

Он одет в легкую рубашку, от которой доносится тонкий запах машинных двигателей, и я понимаю, что Гаспар приехал прямо с гаража. Его хобби — автомобили. И я пытаюсь представить, как длинные пальцы перебирают детали мотора. Гаспар замечает мой пристальный взгляд, но не подает виду, при этом чуть замедляет свои движения, словно позволяя лучше рассмотреть его. Мы сидим на ярко освещенной кухне, где прохладно и тихо. Нехитрый ужин, состоящий из салата и лазаньи, вполне удовлетворяет гастрономические запросы.

Мимо дома по дороге проезжает полицейская машина, и ее разноцветные огни отражаются в оконных стеклах. Я вспоминаю встречу с детективом и рассказываю о ней Гаспару. В глубине души мной руководит беспокойство, я не хочу, чтобы с ним что-то случилось, раз город медленно превращается в опасное поле игры психопата.

Мы заканчиваем ужин ароматным чаем, обмениваясь мнениями о том — есть ли смысл переклеить обои в доме или оставить все как есть, когда внезапно раздается пронзительный вопль. За ним последовал грохот, словно кто-то ударяет в стену дома. Я замираю на месте, в голове проносится мысль о том кровавом психе, а затем мне представляется, что это он решил пробраться в дом.

Пока я сижу, словно застывший кролик, Гаспар медленно поднимается и направляется к двери. Он шагает абсолютно бесшумно, или же моё сердце стучит слишком громко, мешая сосредоточиться. Когда он поворачивается, свет падает на его руку и отражается тонким лучом ножа, чье место на столе пусто. Я наконец — то сползаю со стула и пытаюсь так же бесшумно пойти за Гаспаром. Тот неторопливо передвигается по комнатам, проверяя окна. Фигура его плавно мелькает впереди, словно Гаспар кружит в танце. Наконец, закончив осмотр территории, он приближается к входной двери. Могу поклясться, что нож внезапно исчез в рукаве рубашки, скользнув змеей между тканью и кожей.

Он открывает дверь, заслоня меня спиной. За порогом дома — тишина, темнота и

редкие шорохи, которые мозг судорожно пытается различить и определить их происхождение. Гаспар рукой делает мне знак оставаться на месте, а сам сходит с крыльца и исчезает в темных зарослях возле стены дома. Я напрягаю слух и глаза, из всех сил стараюсь понять — где он и есть ли кто — то еще поблизости.

Сколько проходит времени, я не знаю. Может пара минут, может десять. Когда все ощущения уже доведены до предела, но всё равно не находят никого и ничего, я начинаю испытывать подступающую панику. От раздающегося грохота и нового вопля я подскакиваю почти до козырька крыльца. Затем я слышу голос Гаспара, но моя реакция срабатывает быстрее логики — я бросаюсь туда, где Гаспар и источник тревоги.

Ветки кустов успевают не раз довольно сильно хлестнуть меня по лицу, но я продолжаю почти бежать. Впереди меня нечто темное и явно шевелящееся, и я уже успела предположить, что кто-то схватился с Гаспаром. Мой героический бег завершается чьим-то испуганным ворчанием. Темная масса бросается мне под ноги, я теряю равновесие и падаю, раздается тот самый грохот, когда я ощутимо прикладываюсь лбом к металлическому баку. Если бы меня не подхватил в последний момент Гаспар, вынырнувший из темноты, наверно я сломала бы вдобавок нос.

— Это была лиса, — слишком поздно доходит до меня правда о страшном ночном госте. И я начинаю смеяться. Мне и больно, и смешно, напряжение отпускает мозг. И я слышу как начинает смеяться и Гаспар. Сквозь веселый туман облегчения я начинаю понимать, что до этого вечера никогда не слышала его смеха. Глуховатого, слегка раскатистого, как далекий гром.

Мы продолжаем смеяться и тогда, когда возвращаемся в дом, он усаживает меня на стул и прикладывает к ноющему лбу пакет с замороженной фасолью. Мы смеемся над тем, что это были всего лишь лисы, забравшиеся в баки в поисках добычи. Смеемся над тем, что приняли все так серьезно. Пальцы Гаспара, холодные от пакета в его руках, осторожно касаются кожи, и я, все еще смеясь, внезапно снова вижу перед своими глазами, как он бесшумно, с мягкой, звериной грацией обходит дом, словно хищник, охраняющий свою территорию. Это видение преследует меня и потом, когда Гаспар уходит, а на дом опускается ночная тишина. Никак не могу выбросить из головы то, что он ведет себя так, словно считает мой дом чем-то своим.

Не знаю, как так получилось, но утро следующего дня омрачилось сразу же, стоило мне спуститься на кухню. Бодрое настроение улетучилось мигом, когда я включила телевизор, собираясь приготовить на обед что-то более необычное, чем те скромные кулинарные изыски из рецептов с интернет-сайтов, которыми я разнообразила обеды и ужины.

Нож в руке завис в тысячной доле сантиметра над распластанным куском мяса. Его острый край почти касался мягкой поверхности, не нарушая при этом ее целостности. Было сложно пошевелиться. Словно наваждение, текущее с экрана, приковало к себе, запретив отрываться.

С экрана на мир бесстрастно смотрело то, что оставил неизвестный художник, решивший, что так мужчина с фотографии, показанной мне накануне полицейским, будет выглядеть намного лучше без глаз. О том, что это тот самый пропавший, было сказано ведущим новостей, так как опознать тело смогли почти сразу. При трупе остались даже права и деньги, что лишь подчеркивало то, что убийцу не волнует что-то обычное для грабителя или наркомана. Убийца просто продолжал то, что начал создавать еще раньше, в

предыдущее убийство.

Две жертвы — уже весомое обоснование для развертывания масштабной полицейской операции. Иногда мне кажется, что все люди в форме втайне очень рады таким событиям. Ведь это сродни первобытной охоте, которая будит азарт и огонь в крови. Обыватели же питаются домыслами и слухами, и медленный пожар истерии ещё не перерос в бушующее пламя паники. Между тем, матери с опаской разрешают детям играть на улице, отцы хмурятся, когда подросток задерживается с возвращением в безопасность родительского дома.

О чем не стоит думать, так это о том, что убитый жил, оказывается, совсем неподалеку от меня. Я не знаю — как и где убийца прикончил его. И мне совсем не нравится, что приходится теперь вздрагивать от каждого шороха.

Совершенно некстати на пороге дома оказывается Габриил. Одетый в дорогой костюм, с букетом цветов, с великолепной улыбкой, от которой любая женщина замертво падает в приступе восторга. Мы так и стоим — он, сошедший со страниц журнала, и я, облаченная в вылинявшую синюю рубашку и удерживающая на весу корзину с выстиранными вещами. Момент полон такой анти-романтики, что в воздухе просто ощутимо повисло мнение о том, что сейчас мы развернемся спиной друг к другу и сделаем вид, что не знакомы. Но бывший мой настроен крайне серьезно, а потому элегантно подхватывает тяжелую корзину одной рукой, протягивая мне букет.

Следующие полтора часа проходят в долгой беседе. Я тщетно ищу хоть малейшую зацепку, указывающую на то, что он — все тот же уверенный в собственной непогрешимости парень, идущий всегда только вперед. Но, на удивление, этого нет. И я всерьез задумываюсь над тем, что наши отношения заслуживают маленького шанса на попытку все исправить.

Таким образом, к вечеру бывший тонко намекает на то, что он не против однажды остаться. На ночь. Хотя бы на диване. Я еще не переварила собственную идею о новом шансе, и его намек хоть и не проходит мимо, но заставляет меня немного призадуматься. Он уже ушел, по — дружески обняв на прощание и окутав тонким облаком изысканных духов. Я же возвращаюсь на кухню, чтобы начать наводить порядок, стараясь так же упорядочить собственную голову.

Все развивается немного стремительно, и я думаю, что за прошедшее время слишком привыкла к независимости. Мне странно думать о том, что дома опять будет находиться человек, присутствие которого я попытаюсь снова медленно принять. Должно быть, я не до конца честна с собой, обходя главную причину моего явного нежелания менять что-либо в жизни. Моё одиночество призрачно и баюкает желание ни перед кем не оправдываться, когда я делаю что-то, выходящее за рамки. Я не готова поступиться собственным спокойствием.

От всего этого медленно начинает болеть голова. словно в виски вкручивают раскаленный прут. Еще полчаса я борюсь с болью, но затем она одерживает верх. Проглотив пару таблеток, я добираюсь до дивана, стягивая по пути со стула покрывало, и устраиваю свою голову на мягкой подушке.

За окном уже темно. Пару минут я пытаюсь понять — в какой из реальностей нахожусь, слишком одинакова темнота сна и темнота приближающейся ночи. С бьющимся в горле сердцем выползаю из кровати и сажусь на край. Час ночи. Я всегда страдала впечатлительностью, и теперь она играет со мной злую шутку.

Я не ложусь этой ночью и спускаюсь вниз с большой подушкой. Мне страшно засыпать,

и потому я коротаю время на диване за просмотром каких-то фильмов. В один прекрасный момент, когда стрелка медленно подползает к четырем часам утра, я внезапно думаю о том, что мне очень не хватает присутствия Гаспара рядом. С ним всегда есть чувство, что мою спину прикроют в трудный момент.

Глава 4

Гаспар поднимается на крыльцо, спокойно и размеренно переступая через две ступени. Шаги его длинных ног легко преодолевают пространство между лестницей и дверью. Он бросает короткий взгляд вокруг, который, несмотря на его непродолжительность, успевает отметить все — подушку, лежащую на краю дивана. Явные следы тщательной уборки. Вместе с этим он ощущает уже почти выветрившийся, слишком приторный запах мужских духов. На его лице не отражается ровным счетом ничего, и он, чуть улыбаясь, проходит дальше. Я наблюдаю за ним и мне, почему-то, очень хорошо от того, что он не выказывает удивления и не задает вопросов.

Как-то неожиданно, посреди разговора я понимаю, что однажды наши вечерние встречи прекратятся. Потому, что если я выбрала еще один шанс на возвращение бывшего, Гаспар окажется лишним. Что-то в наших с ним взаимоотношениях не позволяет уделять время кому-то ещё, и наша дружба граничит с чем-то, что не даст разделяться на Габриила и Гаспара. Это открытие застаёт меня врасплох, особенно тем, что я только сейчас поняла — насколько все эти встречи и спокойные разговоры обо всем сделали наше общение, начавшееся так обыденно, чем-то особенным.

— Я заходил на прошлой неделе, но тебя не было дома, — винные отблески в глазах Гаспара неярко вспыхивают, как далекие огоньки в темноте леса. Он неторопливо и уверенно чинит дверцу шкафчика для посуды. Не могу понять, как он умудряется всегда найти изъян или поломку в вещи, которые не видны или незаметны.

Гаспар поднимает голову, глядя на меня. Иногда мне кажется, что он гораздо старше, пожилой человек, заключенный в тело молодого мужчины. Глаза, заглядывающие внутрь тебя без осуждения или порицания, со спокойствием и вниманием.

— Я хочу пригласить тебя на одно мероприятие, — Гаспар закрывает дверцу, оценивающе рассматривая свою работу, — в эти выходные.

В прошлый раз он предложил мне прогулку по старинному кварталу города, где я ходила, разглядывая здания, построенные пару веков назад и дышащие стариной. Пока я восхищенно кружила на одном месте, разглядывая изящный и, одновременно, суровый стиль строений, увитых диким виноградом, Гаспар лишь улыбался и делился со мной историей старых домов.

— Спасибо, — улыбаясь я, почти продолжив предложение "но я не смогу".

А не смогу я потому, что в выходные меня просил встретиться Габриил.

Я допустила паузу в тысячную долю секунды, но не могла не заметить как изменилась линия губ Гаспара. Длинные очертания рта стали чуть четче, словно мышцы напряглись в ответ на какие-то эмоции хозяина. Он услышал то, что не успело прозвучать, но повисло в воздухе. И его явно не устраивает тот факт, что я хочу отказать ему. С каких пор он хочет, чтобы моим ответом ему было только «да»? И почему я ощущаю себя так, словно мне становится стыдно перед Гаспаром за то, что я собираюсь встретиться со своим бывшим?

Пряча неловкость во внезапном интересе к готовке ужина, я неудачно повернула нож, которым нарезала овощи, и острый край легко вошел в толщу кожи пальца, разделяя ее на два лепестка, медленно аляющих от выступающей крови. Всегда удивлялась, как кровь

торопится наружу, стоит ей найти повреждение. Я еще не успела осознать происшедшее, а она уже окрашивала мой палец, разделочную доску. Очевидно, порез наточенным ножом оказался гораздо глубже, чем я думала.

Человеческая кровь имеет способность завораживать взгляд, словно заключает в себе нечто невероятно прекрасное и трудно объяснимое. Душа, заключенная в алые капли, сливающиеся в тонкий ручеек, словно приказывает наконец-то обратить на себя внимание того, кто так беспечно и бездумно носит в себе несколько литров драгоценной жидкости.

Пальцы Гаспара накрывают руку, медленно сплетаясь с моими пальцами и завладевая тем самым ножом. На тысячную долю секунды они замирают так, словно наши пальцы скреплены поверх черной рукоятки. Вторая его рука осторожно и бережно держит мою раненную руку за запястье так, чтобы пальцы надавливали на тонкие полоски вен и останавливали кровь. Гаспар стоит за моей спиной, и его сердце бьется прямо напротив моего, словно сквозь наши сердца протянута одна нить импульса, в такт которой грохочет ритм пульса. Одна его рука управляет течением моей крови, вторая сплетена вокруг холодной и бесстрастной стали. Одна рука распоряжается жизнью, вторая удерживает смерть.

Гаспар забирает нож и отодвигает его подальше. Кажется, прошло не менее десяти минут, но когда он включает холодную воду, подтолкнув меня к раковине, я понимаю, что все это заняло от силы минуту или ещё меньше. Гаспар опускает мою руку под холодную струю, и я от неожиданности дергаюсь назад, прижимаясь к нему.

Ощущение от прикосновения теплого, сильного тела было похоже на хороший удар током. Слово по всем нервным окончаниям пробежали электрические искры.

Проходит несколько секунд прежде, чем он чуть отстраняется, словно ничего не произошло. И я рада, что он не видит сейчас моего лица.

— Как себя чувствуешь? — Голос его звучит с тонкими нотами беспокойства. Обходит меня, приближаясь к раковине и рассматривая порез, который оказывается очень большим. Однозначно, останется шрам.

— Голова закружилась, — объясняю я, глядя на то, как, которым он заматывает мою пострадавшую руку небольшим полотенцем, сдернутым с миниатюрной вешалки. Его большие ладони бережно придерживают мои пальцы, превращенные в кокон. И я снова ощущаю, что пока он рядом, мне нечего опасаться. Такая привычка становится постепенно необходимостью.

Когда Гаспар уже уходит, как обычно — почти в ночь, окутывающую город своими тайнами, я останавливаю его, окликнув. Он оборачивается, ожидая, и я, стараясь выглядеть спокойно и обыкновенно, заявляю:

— Если не передумаешь насчет выходных, то я удовольствием составлю тебе компанию.

Гаспар улыбается. И в этой улыбке проскальзывает отблеск удовлетворения. Кажется, что-то в наших отношениях начинает меняться. Не знаю — радоваться этому или же опасаться.

Мир вокруг, тем временем, бурлит и волнуется. Мимо дома по-прежнему проезжают патрульные машины, сверкая огнями в ночи. Люди с долей страха возвращаются домой, и их страх умело подогревается газетенками, которые снова и снова мусолят происшедшее. Но что-то подсказывает, что скоро все успокоится и затихнет, беспечно забыв жуткие убийства.

Пока мы едем по широкому шоссе, уводящему автомобили вверх, из города, я смотрю на

проносящиеся мимо зеленые кустарники с мелкими розовыми цветами. Гаспар молчит, как всегда, и я не нарушаю тишину, позволяя только ветерку шелестеть в приоткрытое окно.

Гаспар словно стал неотъемлемой частью моей жизни, моего дома, моих вечеров. Моей тишины. У меня складывается ощущение, что нет моментов его приходов потому, что он и не покидает дом. Если спросить — помню ли я, как он приходит или уходит, я увижу лишь нечеткие, смазанные образы. Потому, что он занял свое место, и оно никогда не пустует. Он разделил мою жизнь, мои вечера, мои маленькие трудности и мои волнения вместе со мной, не выказывая при этом громкого сочувствия или не давая "дружеских" советов. И я слишком привыкла к нему, настолько, что не могу сама объяснить себе — как получилось так, что случайный знакомый стал мне настолько близким человеком.

Наверно родственные, близкие друг другу люди, это те, кто может и не разделяет друг с другом абсолютно каждый момент, каждую вещь, но при этом с ними ощущаешь себя так, будто ты — дома. И ничто не может помешать этому.

Тем временем машина уверенно уносит нас из города. Позади остается огромный муравейник домов и улиц, а дорога по-прежнему уходит вверх, куда-то дальше от побережья. На мой вопрос — как далеко мы едем? — Гаспар загадочно улыбается и лишь заверяет меня, что это уже совсем не далеко. Мне остается только поверить ему и смотреть на то, как вокруг расстилаются каменные уступы, ограничивающие повороты дороги.

Обещание не заставляет себя долго ждать. Еще через десять минут машина резко поворачивает, поднимая клубы пыли. Когда она оседает так, чтобы хоть немного освободить видимость вокруг машины, я вижу, что мы оказались внутри огромной каменной чаши, расположенной посреди цепи скалистых гор. В самом ее центре клубится пыль, создавая облако ядерного гриба. Поодаль на солнце сверкает металл машин, настолько ослепительно, что глаза болят. Их достаточно много, но даже по сравнению с размерами этой каменной арены машин ничтожно мало.

Вот, что создает не рассеивающийся столб. Десяток машин, а может и больше, разогреваются перед заездом.

Пока я с интересом разглядываю открывающийся передо мной пейзаж из лучших картин симбиоза техники и природы, Гаспар медленно съезжает вниз, в чашу, и направляет машину к ее железным собратьям, которые стоят в клубах пыли. Теперь я понимаю разумность его предложения захватить какой-нибудь тонкий шарф. Когда почти рядом с нами проносится серебристая машина с громкими тяжелыми звуками музыки, словно ритмом ее сердца, пыль и песок взметываются следом за ее колесами и обрушиваются на нас. Я прячу лицо в шарф, повязанный на шее, и надеюсь, что не потеряла Гаспара.

Но вопреки моему беспокойству он рядом. Мы проходим мимо стоящих машин, разнообразных личностей, являющихся как пассажирами, так и водителями. Я ощущаю себя посетителем загадочного шоу, на котором я — единственный неосведомленный зритель.

Гаспар уверенно и неторопливо продолжает идти, пока, наконец, не достигает группы человек, явно занятых оживленной беседой. При виде него они замолкают, пропуская вперед невысокого полнеющего мужчину, чей острый и достаточно неприятный взгляд явно не внушает мне доверия. Но все его внимание полностью сосредоточено на Гаспаре, и, когда он почти радушно улыбается ему, глаза его продолжают оценивать в нём абсолютно все. От слегка растрепавшихся волос до белой футболки, которая делает его фигуру еще выше и придает ему вид постороннего человека в этом месте.

Пока я наблюдаю за всем, мужчина обращается к Гаспару на французском, и я почему-

то совсем не удивляюсь, когда глуховатый голос отвечает ему тоже на французском языке. Гаспар знает, что я всё слышу, и он доволен тем, что я удивлена его знаниями.

Их разговор продолжается пару минут, а затем Гаспар поворачивается ко мне, обращаясь уже так же обыденно, как если бы мы были на кухне моего дома, а не стояли бы посреди техногенного аттракциона:

— Через пятнадцать минут начало.

Хотя меня начинают терзать смутные подозрения, я пока не могу их четко осознать. Гаспар улыбается, произнося следующую фразу:

— Я действительно рад, что ты согласилась приехать сюда.

Затем он коротко говорит что-то снова на французском и уходит вместе с коренастым мужчиной, до сих пор молча стоявшим в стороне. Невысокий человек с малопривычным взглядом улыбается мне, но я не ощущаю искренности в его приветливости:

— Уверен, что Вам понравится.

Мимо нас проносятся машины, и последующие его слова я не слышу за шумом и визгом колес.

На некоторое время все затихает. Не пролетают мимо ревущие машины, и пыль медленно, но верно оседает, освобождая пространство. Прямо перед нами огромное поле, на котором уже проложена трасса. Я впервые вижу все это, а потому не разбираюсь в специальных терминах и знаниях того спорта, которым тут занимаются. Единственное, что мне точно кажется, так это то, что все это держится на больших деньгах. Но, поскольку я всего лишь зритель, то это не моя забота — размышлять о подоплеке сегодняшних гонок.

Пока я оглядываю уже почти полностью видимое поле, где-то позади постепенно нарастает гул голосов и рокот моторов. Все это приближается как набегающая волна и достигает меня. Если я когда-либо считала, что знаю что-то о машинах, сейчас я признаю, что не знаю ровным счетом ничего.

Они идеальны. Они не похожи друг на друга, но это восхитительные образцы царства автомобилей. Я не разбираюсь и в марках, а потому пять монстров, медленно выезжающих на старт, расположенный почти напротив той группы людей, в которой нахожусь и я, остаются для меня просто великолепными машинами без имен.

Возможно, я не обратила бы никогда внимание на что-то, кроме притягивающих взгляда гладких и текучих поверхностей машин. Но, когда всё тот же невысокий и неприятный тип отделился от толпы и подошел к ближайшей к нам машине, на дверце которой опустилось стекло, я невольно проследила за ним взглядом. Они разговаривали по-французски, а на месте пилота сидел Гаспар. Когда мужчина обратился к нему, он повернул голову, и сделал это так, что я могла видеть его. Вот зачем он просил меня поехать с ним.

Чувствуя, как мой рот пытается удержаться на месте и не разъехаться в улыбке, я все смотрела на Гаспара. Он знал, что я сейчас смотрю на него, при всём том, что его внимание целиком было отдано беседе с коротышкой, дававшим ему какие-то указания. Затем тот отошел назад, когда машины начали явно готовиться к старту. Когда он шел, Гаспар оглянулся на одну сотую долю секунды, и мы встретились глазами. Было в его взгляде удовольствие и спокойствие, словно он ни секунды ни сомневался в том, что я оценю его старания.

Затем, как бывает во всех фильмах про гонки, перед машинами вышла высокая и действительно очень красивая блондинка. Таким, как она, самое место на модельных подиумах. Блондинка в невероятно коротком розовом топе улыбнулась пилотам так, что

наверно вся мужская половина собравшихся почти выскочила из собственных штанов, а затем резко дала отмашку на старт. Машины рванули вперед, поднимая до небес клубы песка и пыли.

Некоторое время не было видно ничего, только удаляющийся рев говорил о том, что машины мчатся вперед по трассе. Она была полна неожиданных поворотов, этакий трансформированный Наскар. С пару минут после того, как видимость восстановилась, гонка напоминала просто прекрасное соревнование. Затем, на очередном повороте, одна из машин просто подрезала другую, заставляя ее съехать с трассы. Оказалось, что за видимость простой гонки кроется более серьезная и жестокая игра. После нового удара, от силы которого скрежет металла донесся до нас, я поняла, что начинаю медленно, но верно нервничать. Перед глазами неожиданно возник образ Гаспара — всегда спокойного, аккуратного и вежливого, и этот образ не вязался с тем первобытным броском машин. Я впервые в жизни начала бояться за человека, которого толком не знала, но который явно был чужд всему этому. Хотя, что я знаю о его предпочтениях и привычках?

Еще одна машина, визжа покрывками шин, закрутилась на месте. Проедь она ещё метр, и ее капот врезался бы в бетонный блок, ограничивающий поворот. Темная машина с серебристым номером продолжала мчаться по полосе, вперед нее летел синий лидер, а позади их пытался обогнать третий из оставшихся на трассе участников.

Я следила за мелькающими серебристыми номерами, боясь лишний раз моргнуть. На какой-то момент страх за Гаспара словно что-то переключил в голове, и вместе с холодящим кожу беспокойством постепенно поднимал голову адреналин. Я и боялась за темную машину, и хотела от нее победы.словно каменная чаша превратилась в остров первобытного мира, и все цивилизованное отступило под неумолимым натиском настоящего лица жизни.

Трое участников гонки продолжали соревноваться за лидерство. Самый последний из них явно был готов на все ради этого. Он предпринимал попытки оттеснить идущего впереди него Гаспара, но тратил слишком много времени на эти усилия. Именно это и сыграло свою роль, когда на очередном повороте машину снесло вбок, останавливая почти на обочине, а из-под ее капота появились струйки дыма, становящиеся все больше и гуще.

Теперь на трассе оставалось двое. Желтый и темный автомобили мчались почти одинаково, один впереди, второй следом за ним. Не знаю, почему вдруг это стало похоже на охотничий гон, когда хищник загоняет добычу. Но именно такая метафора приходила в голову, когда машины мчались всё в том же порядке. Пилот желтого авто явно испытывал нервозность от этого и пытался вывести противника из себя, совершая резкие повороты и маневры. Но Гаспар продолжал преследование так же упорно, не реагируя на выходы противника.

Те, кто перед началом соревнования разговаривали с Гаспаром, явно испытывали некоторое замешательство его действиями. Тогда как поддерживающие желтую машину все сильнее орали, свистели, подбадривая пилота или самих себя. От этого у меня медленно начинали кровоточить барабанные перепонки.

Оставались последние минуты гонки. Выход на финишную прямую начинался с достаточно крутого поворота. Желтая машина еще совершала выезд с него, когда невероятно как темная обогнала ее и оказалась впереди. Пилот явно пытаясь вернуть прежние позиции бросил все силы, пытаясь снова оказаться на первом месте, но Гаспар неизменно оказывался впереди него. Все это время он берег силы для последнего рывка.

Его противник на пару секунд всё же вырвался и оказался почти бок об бок с ним,

используя этот момент, чтобы оттеснить его к краю. Но Гаспар резко повернул, отчего из-под колес взмыл фонтан песка и камней, и вернул себе превосходство. Желтая машина словно споткнулась, затем резко завертелась на трассе. Боковая ее часть задралась, и она перевернулась с жутким шумом. Затем перевернулась еще раз.

Тем временем Гаспар приблизился к финишу. Он остановился, пройдя отметку под одобрительные выкрики толпы. Несколько человек побежало к перевернутой желтой машине, которая лежала посреди трассы, явно надеясь помочь пилоту, если тот остался в живых. Когда Гаспар вышел из машины, позади, там, где лежала желтый автомобиль, раздался грохот. Затем взмыл вверх столб пламени, в котором исчез искореженный остов. Люди теперь бежали обратно, подгоняя адским жаром от бушующего огня.

Гаспар шел к толпе, затихшей от неожиданности, а позади него на дороге бушевало пламя, расплавляя метал. На фоне оранжевых языков огня его высокая фигура казалась почти черной, а на лице, я могла поклясться, царило спокойное выражение.

Невысокий мужчина со смесью некоторого напряжения и при этом удовлетворения похлопал победителя по плечу. В этот же момент из его руки в руку Гаспара перекочевал небольшой, но явно увесистый сверток купюр.

Потрепав мужчину по плечу, Гаспар направился ко мне, улыбаясь и с некоторой долей интереса рассматривая выражение моего лица. Словно пытался узнать — как я отреагировала на то, что увидела.

Захватывающий азарт зрелища, разбудивший древний и жестокий голосок внутри, нёс некоторое смятение. Он граничил с чем-то еще более глубоким и опасным, и я не хотела бы выяснить — чем именно это было. Слишком уж оно было полно одурманивающего восторга от вида огня, скорости, смерти и жизни, не стоящей ровным счетом ничего. С другой стороны обычный человек во мне был шокирован легкостью, с которой жизнь каждого пилота стоила нескольких десятков купюр. Пусть даже и в большую сумму. Сверток, ставка в руке Гаспара была равнозначна его телу в искореженном автомобиле, окажись он на месте того парня. У меня на мгновение вышибло дух, когда я попробовала представить Гаспара внутри взрывающейся машины.

Когда мы шли обратно, я вспомнила про телефон, который несколько часов пролежал в машине. Как того и следовало ожидать, бывший звонил и не единожды. Я представила его возмущение, когда он выяснил, что меня нет дома. Он думал, что я побросаю всё и буду ждать его, как рыцаря-избавителя, вернувшегося к своей даме. А вышло наоборот. Гаспар если и заметил, как я удаляю пропущенные вызовы, то не подал виду. Казалось, что тот факт, что я предпочла провести время с ним, заставляет его не обращать внимания на остальное.

Мы распрощались не возле дома, я изобрела отговорку, которая помогла мне убедить его, что сначала я загляну к соседке. Совершенно не хотелось встретиться втроем на пороге. На сегодня мне хватило острых ощущений с избытком.

Глава 5

Город успокоился. Вот уже почти месяц ничего не происходило, сводя на нет панику и нездоровое любопытство. Горожане занимались своими делами, мерное течение которых ничто не нарушало. Жизнь снова возвращалась в прежние берега стоячего болота, чья поверхность не омрачалась никакими событиями.

Мне же все это напоминало странное затишье перед бурей. Странные сравнения и непонятные, размытые образы проходили мимо, оборачиваясь ко мне, но так, что я всё равно не могла их различить. Этому способствовала и атмосфера, накалявшаяся все больше и больше.

Сестра узнала о том, что бывший хочет помириться, скорее всего — от него самого. И теперь меня осаждали долгими разговорами, в котором всё так или иначе сводилось к важности и желательности примирения. Обрывать ее или указывать, что со своей жизнью я разберусь как-нибудь сама, было так же бесполезно, как и учить глухого петь.

— Твоя манера строить из себя рака-отшельника приведет лишь к тому, Ивана, что однажды ты превратишься в абсолютно асоциальную личность, — казалось, что я сижу на приеме у врача, который так и сыплет терминами, от которых посетителю становится не по себе.

Поэтому я стала игнорировать телефон, словно он был неким источником зла. Уходила в гараж, разбирала многотонные завалы всякого хлама. Пыталась сама починить какие-то моторы, механизмы и прочую ерунду. Выходило еще хуже, чем в сломанном состоянии, но зато я чем-то занимала себя.

Трещины на стекле появляются незаметно, да так, что никогда не можешь сказать — что именно привело к первой из них. Было ли стекло уже готово к разрушению, или же сила извне помогла ему перестать быть единым целым, это остается вопросом без ответа.

Когда я поднялась наверх, разыскивая вещи, которые было необходимо отправить в машинку, то отчетливо запомнила вдруг, что на самой верхней ступеньке деревянной лестницы откололась тонкая, длинная пластина. Это так хорошо отпечаталось в мозгу, что я наверно пару минут размышляла о том, как же так могло получиться. Распахнув дверцы шкафа и придирчиво оценив полки, я принялась передвигать вешалки с тем скудным количеством костюмов и платьев, которые назывались моим гардеробом. Внизу, за парой коробок с обувью лежала свернутая комком тряпка. А ведь я знаю, что никогда не бросаю ничего просто так.

Недовольно ворча, я потянулась за вещью, подхватила ее за край. Она разворачивалась вслед за моим движением, словно некий флаг. Говорят, что время кажется замедленным в моменты шока. Нет, время не замедляется. Оно даже не обращает внимания на вас, равнодушно отмеряя секунды.

Мужская рубашка с засохшими кровавыми разводами лежала в моем шкафу, и, судя по состоянию крови, лежала достаточно давно. Я смотрела на нее огромными глазами. Я не могла бы вспомнить всех вещей бывшего, но он не носил такое. Она казалась мне смутно знакомой, эта светло-серая летняя рубашка.

Надо успокоиться. Надо еще раз вдохнуть и выдохнуть, чтобы легкие не скручивало так, словно из них выбили последние остатки воздуха. Надо избавиться от этой вещи как можно

скорей. Я смотрела на съежившиеся в огне остатки ткани, а в голове навязчиво вертелась мысль — если эта вещь оказалась в моем доме, не оказывается ли так, что убийца тоже находится неподалеку? Страх заползает острыми иглками под кожу, заботливо укрывая каждый миллиметр. И я долго ворочаюсь ночью, пытаюсь уснуть, но все так же дергаюсь от каждого шороха.

Утром я медленно выбираюсь из постели, тоскливо оглядываясь и надеясь, что все это пройдет, и спускаюсь вниз. Пока лучше не думать ни о чем, не позволять себе впасть в удушющую панику, которая еще сильнее сковывает тебя цепями.

Кухня молчит, словно ожидая моих действий. Я протягиваю руку за стаканом с водой, будто издали замечая, что пальцы мелко дрожат, и остановить эту хаотичную пляску никак не получается. Я подтягиваю стакан к себе, осторожно и медленно. Глоток холодной воды позволит немного придти в себя, несмотря на то, что в голове всё просто гудит. Затем направляюсь к двери на улицу.

От нагретых досок поднимается тонкий, еще не выветрившийся запах далекого леса, в котором они были когда-то цветущими деревьями. Прислонившись к столбу, подпирающему козырек над дверью, на ступенях сидит Гаспар, как большая горгулья, сторожащая вход на запретную территорию. Мне следовало бы удивиться, но я не удивляюсь. Я неуверенно делаю несколько шагов и опускаюсь на ступени рядом с ним.

Что-то мягкое оказывается поверх плеч, создавая ощущение укрытия, кокона, внутри которого царит безопасность. Гаспар поправляет свою рубашку, которую накинул на меня, оставшись в одной светлой футболке с короткими рукавами. Он сидит рядом, позволяя мне молчать столько, сколько я хочу. Глаза полуприкрыты, словно Гаспар дремлет, но это ощущение обманчиво. Проходит пять минут, а может и все полчаса, когда он поднимается со своего места и поднимает меня, уводя в дом.

Гаспар неторопливо наводит порядок, заваривает чай. Садится напротив, ненавязчиво, но бдительно присматривая за каждым моим движением. После третьего глотка я чувствую, как запахи и тепло проникают под кожу, разливаются по сосудам, вытесняя туман и возвращая голове ясность.

— Почему ты не позвонил? — наконец спрашиваю я, пробуя свой голос как старый заброшенный рояль.

— Я зашел узнать — как у тебя дела, а заодно сказать, что мне придется уехать на несколько дней.

Гаспар чуть наклоняет голову, пристально следя за мной. Обычно уверенное и спокойное выражение его лица сейчас куда-то исчезло, он напряжен и обеспокоен, это читается в его взгляде. Невозмутимый Гаспар явно принимает творящееся со мной близко к сердцу.

— К счастью, ты вовремя вышла на крыльцо, — Гаспар осторожно улыбается, явно пытаюсь успокоить меня.

Голова снова начинает болеть, да так сильно, что в глазах плывут зеленые круги. Я стараюсь не подавать виду, но, очевидно, это так заметно, что Гаспар резко поднимается. Он явно сильно встревожен, губы сжаты в одну линию. Гаспар что-то говорит, негромко, но почти ласково, словно стараясь успокоить меня, усаживается рядом и придерживает за плечи, очевидно боясь, что я совершенно не в себе. Тепло его тела окутывает и успокаивает, он проводит рукой по моей голове, явно пытаюсь хоть как-то отвлечь и вернуть меня назад, в адекватность. Сильные пальцы погружаются в мои волосы, массируя кожу головы и

заставляя кровь вернуться в привычный ритм.

На секунду пальцы замедляют движение, когда под ними оказывается все еще осязаемый след шрама. Он тянется полоской, как безликое напоминание о прошлом.

Этот шрам остался мне на память от одного неудачного свидания. Мы были школьниками, решившими, что жизнь — это куча выпивки и катание на машине. До первого лихого поворота, на котором нас внесло в столб у дороги, и я приложилась головой так, что искры из глаз показались просто сказкой. Не глубокий разрез заливал меня кровью так, что я не могла даже разлепить ресниц, склеенных намертво. — Тебе не стоило быть в машине, — негромко произнес Гаспар. Я пожала плечами. Затем подняла голову.

— Как ты догадался, что я его получила в машине?

Он в свою очередь пожал плечами.

— Я видел такие же шрамы у тех, кто участвует в гонках. Всегда много крови и много паники. Да и швы потом вечно чешутся, если верить словам пострадавших.

Я улыбаюсь в ответ на такое утверждение. Вечернее солнце бросает мягкие отблески в окна, окрашивая гостиную в теплые цвета. Солнце косо отражается в глазах Гаспара, словно в затухающих угольках костра пробегают язычки пламени. Я никогда не замечала того, что его глаза меняют цвет в зависимости от настроения или степени заинтересованности. Обычно серо-карие с легкими зелеными вкраплениями, сейчас они стали темными, с теплым, тягучим солнечным отливом, словно глаза довольного, расслабленного зверя, который контролирует все вокруг. Гаспар улыбается, отчего в углах глаз появляются тонкие морщинки, расходящиеся веером. Затем поднимается, оставляя меня в уютном коконе из его рубашки, сохраняющей тепло и защищенность.

Пока Гаспар возится на кухне, постукивая посудой, я закрываю глаза, наслаждаясь ощущением спокойствия и комфорта. Не смотря на то, что ни я, ни Гаспар не остаемся полностью лишенными своих собственных крепостных стен, мы знаем, что пока мы рядом, ничто не нарушит этого установившегося равновесия.

Обратно Гаспар возвращается с подносом, на котором стоит пара чашек и тарелка с аппетитно выглядящими бутербродами. Он протягивает мне одну из чашек, берет другую и, словно и не отходил, отвечает:

— Сегодня тебе стоит принять снотворное и выспаться, — Гаспар придвигает ко мне небольшую упаковку таблеток. Солнце уже почти село, а мы все ещё сидим в комнате, и тихое умиротворение не покидает дом.

Возможно, именно так и должно быть в семье, когда каждый понимает близкого человека с одного взгляда?

Глава 6

«*** News»

«...Как следует из полученных сведений от источника в департаменте полиции, две предыдущие жертвы могут быть связаны с новым кровавым зверством неизвестного маньяка. Пока нам не известно, какие мотивы руководят им, но новое преступление — еще одно звено в цепи жутких смертей, которые не прекратятся до тех пор, пока стражи порядка не возьмутся серьезно за охоту на убийцу».

Двадцатью четырьмя часами ранее.

Если бы не срочная необходимость поехать на встречу с парой господ, которым требовалось уточнить несколько пунктов моей страховки, я бы так и сидела дома. Было несколько планов, которые в итоге закончились тем, что я, чертыхаясь, влезла в костюм и,

сильно надеюсь, что выгляжу в нем более- менее убедительно, отправилась на эту встречу. Не очень- то мне все было понятно — что там менялось в страховой компании, но, раз уж я должна приехать, я еду.

Надо сказать, эта поездка пошла лишь на пользу мне. Мало того, что я проверила состояние всех своих дел, так еще и оказалась в центре. Прогулялась по зеленому парку, украшенному римскими фонтанами, почувствовала себя великолепно, когда заглянула в кафе, которое любила еще много лет назад. По дорожкам между деревьев, к которым уже начала слегка прикасаться своей кистью осень, гуляли люди — в большинстве это были пожилые дамы или матери с детьми. Парк лучился изнутри светом и беззаботным отдыхом, который ничто не могло омрачить. Одним словом, жизнь моя действительно становилась все лучше и лучше, а я возвращалась домой отдохнувшая душой, приятно утомленная и в отличном расположении духа.

Пока я сбрасывала с ног удобные, но надоевшие туфли на небольшом каблуке, в голову мне пришла мысль, ранее не казавшаяся удачной. Я подумала, что мне стоит позвонить сестре и проведать ее. Пора самой налаживать мосты, даже если это не является хорошей затеей. На телефоне мигало оповещение о непрочитанном сообщении, и я подумала, что это явно хороший знак. Автоответчик пискнул и неожиданно заговорил высоким голосом Нины:

"Я в шоке... Твоя соседка Мария рассказала, что к тебе постоянно приходит какой-то молодой человек... Я все понимаю, мы живем не в средневековье... Говорят, что ты с ним уже давно... Я, как сестра, должна была бы знать первой и не от твоей соседки... И не надо делать этого назло Габриилу, если ты делаешь это ему назло... Не знаю... На твоём месте я бы лучше попробовала... В любом случае... О, я чуть не забыла, мы ждем тебя в пятницу на ужин. Позвони мне".

Очень сильно захотелось постучаться в дверь Марии и преподать ей урок анти-сплетничности. Но это было так же бесполезно, как и попытки заставить сестру не лезть в чужую жизнь. Я рассеянно поискала календарь и убедилась, что пятница — это сегодня. Набрала номер сестры, мысленно надеясь, что она не начнет с ходу расспросы и нотации. Мне повезло, она была настолько поглощена своими хлопотами, что просто ответила пару раз односложными звуками и напоследок сообщила, что ждет меня к шести часам.

Пока я ехала к сестре, то никак не могла выбросить из головы ее слова о том, что все это делается мной назло бывшему. Была ли она права? Нет. Назло можно переспать с лучшим другом, стать успешной, известной так далее. Но мне не было дела до бывшего, когда появился Гас. В отношениях с ним просто не было места для бывших и нынешних.

Сестра с мужем жила в милейшем белоснежном доме, перед которым располагался бассейн. Вечером, на его дне включалась подсветка, и бирюзовая вода так и манила к себе. Высаженные по четкому плану небольшие деревья всегда были ухожены и подстрижены, ни единых листочка- веточки не выбивалось из фигурной кроны. Сестра не скупилась на садовника, и ее траты окупались полностью.

Судя по тому, что возле дома стояла пара машин, на ужин они пригласили еще кого-то. Я толкнула стеклянную дверь и окунулась в атмосферу другого мира. Состоятельного, беззаботного, вечно занятого обсуждением политики, финансов, романов и походов известных личностей. Этот мир шелестел дорогими тканями, красиво смеялся отлично поставленным голосом, знал — кому и что нужно сказать, чтобы поддержать беседу на должном уровне. Целое искусство, в котором я совсем не разбиралась.

В гостях, сидящих за изысканно сервированным столом, я тоже не разбиралась. А

потому просто приклеила на рот вежливую улыбку и слушала соседа справа и соседку слева.

Наблюдая за сестрой, умело управляющейся с тремя делами сразу, я подумала, что, несмотря на ее бестактность и легкомыслие, она действительно находится на своем месте. Она всегда презирала жизнь ниже, чем требовали ее запросы. Бог наделил ее женской хитростью и очаровательной внешностью, благодаря им она удачно вышла замуж и жила там, где всегда хотела жить. Изредка она бросала в мою сторону взгляды, и я понимала, что это означает — мне не отвертеться от пытки расспросами.

Она добралась до меня тогда, когда я уже просто не могла больше держать рот в состоянии улыбки. Видимо, это было так очевидно, что она поспешила в ту часть ее территории, где установленный порядок очарования и развлечений явно рушился. И вот, уже через пару секунд меня вытянули в другую комнату, полностью отделанную в бежевой расцветке. Час-икс наступил.

— Я так давно тебя не видела, а ты словно нарочно не хочешь приехать и провести с нами время, — сейчас сестра была искренне расстроена, как может быть расстроен ребенок в минуту дурного расположения, — так нельзя. Ты не можешь так дальше избегать всех нас.

— Я не избегаю, — мне действительно не хотелось пускаться в долгие объяснения того, что я просто отсиживалась в собственной норе.

— Ведь ты знаешь, что я и Алан всегда поддержим тебя, ведь мы единственные, кому ты не безразлична, — с жаром продолжала сестра.

Я подавила желание напомнить о том, что когда в наш дом заглянула потеря родителей, мне одной пришлось нести на себе всю ее тяжесть. Ни плакать, ни сидеть в окружении сочувствующих знакомых и случайных встречных, ни ждать, что кто-нибудь сам разберется со всем, тогда как я буду ходить в черном и все время лишь оставаться горюющей — такой роскоши я не могла себе позволить. А потому, пока сестра убивалась за нас двоих, мне оставалось лишь сжать губы и решать все свалившиеся на нас трудности.

— Я понимаю, что у тебя сейчас налаживается жизнь, — сестра уже явно утешилась, медленно, но верно подходя к самой главной теме беседы, — я только рада за тебя.

— Я тоже рада за себя, — отсалютовав ей бокалом с шампанским, прихваченным со стола, согласилась я.

— Ну, так что у вас с Габриилом? — Удовольствие, которое испытывала сестра, наконец-то оказавшись в нужном русле, было просто вселенским.

— Ничего, — пожалала я плечами. Сестра подняла тонко выщипанные брови.

— Неужели ты не хочешь пойти навстречу его попыткам все наладить? Мне хотелось сказать, что это ее не касается, но я вновь промолчала.

— Послушай, — сестра постучала острым ногтем с изящным маникюром по тонкому краю своего бокала, — я понимаю, что ты наверно завела интрижку, это весьма бодрит. Тем более, после того, как Габриил так себя повел. Но ведь, рано или поздно все закончится. Тебе нужно думать о будущем.

Тут она явно не привела весомый аргумент. Поняв это по моему выражению, сестра решила зайти с другого фланга. Она пожалала плечами и заявила:

— Ты всегда выглядела слишком разумной, чтобы становиться объектом для сплетен. Ваш развод и так был неприятным событием для семьи. А твоё намеренное желание жить в одиночестве где-то, подальше от всех, выглядит для наших друзей странным. Алан полагает, что это может дурно отразиться на репутации семьи.

— Мне кажется, Алан сует свой нос не в свои дела, — если бы я могла, то сказала это

гораздо грубее. Но я была не у себя дома, и здесь были чужие люди, при которых не стоило выносить сор из избы.

Сестра поджала губы, на ее лице застыло выражение, ясно говорящее о том, что она считает мои выходки простым сумасбродством. Иногда я действительно думала, что мы с ней не можем быть более чужими друг другу, как двое случайных прохожих на улице. Как бы там не было, но время, когда я терпела ее поучения, закончилось.

Всячески избегая еще и Алана, чья массивная фигура, украшенная начинающей лысеть головой, виднелась посреди гостей, я пожелала сестре доброй ночи и убралась подальше от всех. Я достаточно предвзято относилась к супругу сестры, сумевшему стать состоятельным благодаря своей непревзойденной манере идти вперед по трупам и не страдать приступами укоров совести. Он вместе с Ниной сумел оказаться настолько же чуждым тому миру, в котором растили нас с сестрой, и это раньше тяготило меня более всего. Было сложно понять — отчего мы стали жить в двух разных мирах, не имеющих никаких точек соприкосновения. Каждый раз, когда я оказывалась у нее, меня охватывало тягостное ощущение какой-то собственной неполноценности, на которую они оба постоянно мне указывали, обладая огромнейшим чувством уверенности в правоте высказываний и советов. И ничего поделать с этим нельзя было. Поэтому такси уносило меня от их богатого дома в мою собственную нору, и настроение от этого медленно, но верно поднималось.

Я прошлась по дому. Затем нашла в углу полупустого бара бутылку вина, чудом сохранившуюся, и вышла на крыльцо. Сидя в платье, босиком на ступенях, я пила вино прямо из бутылки и слушала тишину. Относительную тишину, в которой у меня было свое место. Где-то там беспокойно шуршал прибой, набегая на острые зубья скал побережья. Ниже по улице город все еще не спал, тратя ночь на привычные развлечения и заботы. Над всеми нами висело молчаливое черное небо, затканное россыпью звезд, равнодушное и к богатым, и к бедным.

Вой полицейских сирен приближался очень быстро. Направлялся он явно в сторону нашего квартала, количество сирен в этом хоре говорило о том, что, по меньшей мере, машин там не меньше трех. А ещё раздавались голоса — испуганные и быстрые, словно стайка птиц обсыпала кусты и гомонила без умолку. Кое-как пригладив встрепанные спросонок волосы, я выбралась наружу. Сегодняшнее утро не радовало солнцем, небо было сплошь затянуто облаками, отчего казалось, что на нем разлита серая пелена, сквозь которую едва пробивались тусклые лучи. Люди, живущие рядом со мной, стояли на улице небольшими группами, и было что-то в их фигурах, движениях отдающее страхом. Липким, затягивающим страхом, который полз по улице как тонкий туман, забираясь внутрь каждого, кто встречался ему на пути. Было малопонятно то, что доносилось до меня в виде отрывков слов, фраз. Повинуясь пагубному любопытству и заинтересованности, я пошла вверх по улице, опираясь на то, что чем дальше шла, тем больше было народу, и тем сплоченней он держался, бросая частые и быстрые взгляды куда-то вперед.

Три изуродованных тела, лежащих в небольшой рощице из зеленых кустов акации, растущих на самом гребне холма. Если бы не зловоние, которое просто окутывало тела, ничто бы не нарушало их жутковатой идиллии. Этих несчастных неизвестный психопат выпотрошил как туши на бойне.

Неподалеку вырвало одного из полицейских, подошедших к телам. Он отбежал как можно дальше, и теперь его сотрясало от волн рвотного рефлекса. Я вполне понимала

беднягу, мой желудок скручивало такими позывами, что казалось, весь кишечник готов вырваться наружу. Не дожидаясь, пока меня так же вывернет наизнанку, я попятилась, отступая как можно дальше. Те полицейские, что могли держать себя под контролем, быстро натягивали желтую ленту, огораживая тела. Судя по их плотно сжатым ртам и напряженным выражениям лиц, им приходилось весьма нелегко. Происшедшее напоминало брошенный в пруд камень, от которого стоячая вода расходилась круговыми волнами, теряя прежнюю безмятежность. Всё это поднимет такой резонанс в жизни города, что люди долго еще не забудут череду непонятых убийств.

Раздались звуки щелчков фотоаппарата. Стоя как можно дальше от полиции и людей, я видела, как к машине, припаркованной у края дороги, побежал рысцой мужчина в розовой рубашке. Он опередил догонявших его полицейских, запрыгнул в машину и, явно не озадачиваясь правилами дорожного движения, поехал прочь. Завтра то, что он снял, увидит каждый горожанин на прилавках газетных киосках и в колонках новостных сайтов.

Несмотря на нездоровое оживление вокруг, расхотелось быть на улице. Лучше вернуться обратно и постараться стереть всё это из памяти. Бессмысленная и надменная демонстрация убийцы вызывала лишь недоумение. Но осторожность придется увеличить во многие разы. Кто его знает, если все это уже творится рядом со моим собственным домом, то только глупец будет спокойно лежать себе, поплеывая в потолок.

Голоса и вой сирен раздражали, но выйти из дома тоже было не самым лучшим вариантом. В каждом обонятельном нерве словно застрял отвратительный запах человеческих внутренностей, и его не мог выбить даже нашатырь, пары которого я рискнула втянуть в себя, лишь бы перебить эту мерзость. Ровно через полчаса я не выдержала и вышла из дома, собираясь пойти куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Но мысли разбегались, настойчиво возвращаясь туда, где ветер трепал желтую полицейскую ленту.

Телефон в кармане пискнул очередным сообщением. Могу поспорить, оно было от бывшего, этакое милое и почти заботливое сообщеньеце. Таких скопилось уже около десятка — непрочитанных конвертиков на экране, пересеченном парой кривых царапин.

Я прошла через парк, этакий оазис смеха и отдыха. Пересекла площадь, где проводила время городская молодежь. Оставила позади квартал с невысокими, богатыми домами, дышащими спокойствием и уверенностью. Где-то впереди тускло блестело море, покачивая острые паруса маленьких яхт. Эта часть города выдавалась над всеми остальными, располагаясь на высоком склоне. Улицы шли террасами, сбегаящими вниз, к прибрежной полосе. С того места, где сейчас стояла я, было видно практически все, даже некоторые окраины города были как на ладони.

Под ногами — город, над головой — небо, а перед глазами — беспокойное море, словно рвущийся на свободу зверь. Люди, суматошная жизнь — всё это находится слишком далеко, несмотря на кажущуюся близость, и ты понимаешь то, что остаешься в одиночестве. А может быть, ты всегда находишься в нём, просто сейчас понимаешь это острее, чем обычно. Есть в этой изоляции одиночеством свои плюсы. Она оставляет тебя наедине с самим собой, и уже некуда бежать, приходится смотреть в свое отражение и честно признавать то, что обычно пытаешься обойти десятой дорогой.

Философские мысли, внезапно напавшие на меня, явно были последствием цепи последних малоприятных событий. Я вытащила телефон из кармана и, игнорируя свалку из сообщений, набрала номер Гаспара.

Он ответил не сразу, а когда заговорил, казалось, что либо мужчина только что спал,

либо приболел. Был еще третий вариант — что он был с кем-то, когда я бесцеремонно потребовала к себе внимания. Но этот вариант почему-то мне не очень понравился.

— Нет, я не занят, — возразил Гаспар в ответ на мои извинения, — я как раз собирался узнать — как ты.

"Потому, что я знаю, что произошло рядом с твоим домом".

— Я не дома. Не могу там сейчас быть, — было легко просто признаваться в том, что мне тяжело и не по себе. С Гаспаром вообще было легко, как ни с кем другим. И я радовалась тому, что могу быть самой собой и говорить честно с этим внезапно появившимся в моей жизни человеком.

Ровно через десять минут его машина вывернула из-за облицованного мрамором пышного особняка, ограда вокруг которого шла вдоль полосы дороги. Я шагнула вперед, навстречу машине, испытывая при этом мучительные угрызения совести, напоминающей о том, что этот человек и так тратит на меня слишком много времени, отличаясь явным бескорытием в своих поступках.

Как бы там не было, когда Гаспар вышел из машины, улыбка на его лице была абсолютно искренней. Резкий порыв ветра прошелся по его волосам, слегка растрепав их. Удивительно, но даже небольшой хаос прически не портил его внешности, Гаспар умудрялся в любом состоянии выглядеть только выигранно.

— Я не хочу оставаться дома, — призналась я, как только он закрыл за мной дверь и вернулся в машину, — у меня разрывается голова от шума, полицейских машин, голосов. Будто они находятся даже в доме, и мне некуда от них убраться.

Гаспар сочувствующе кивнул.

— Думаю, я знаю, как решить эту проблему, — видя моё удивление, смешанное с некоторого рода недоверием, он отъехал от края дороги и добавил, — ничего особенного. Я думаю, что сейчас всем нам нужно немного спокойствия и тишины.

Гораздо проще было поверить на слово человеку, более рассудительному, чем я, и разбирающемуся в водовороте событий. Так я и сделала, а потому просто устроилась удобнее и поняла, что рядом с ним мне гораздо спокойней и комфортней. Не то, чтобы мне нужно было, чтобы кто-то руководил моей жизнью и решал за меня проблемы. Просто он знал меня достаточно хорошо, чтобы понимать с полуслова то, что сложно объяснить даже самой себе.

Когда машина остановилась, было понятно, что мы у Черных скал. Отрезанные от мира мощной завесой скалистые стены, уходящие высоко вверх. Здесь абсолютно тихо, нарушал тишину лишь шорох набегающих на песок волн.

Я выбралась из машины, поразмыслив, стянула с ног обувь и с удовольствием ощутила тонкие крупы песка под подошвами. Гаспар не остался возле машины, он прошел вместе со мной почти до границы воды, и мы так и стояли вместе. Никто не начинал первым говорить, каждый просто отдыхал в тишине от собственных мыслей и тревог.

— Ты любишь путешествия? — Голос Гаспара раздался неожиданно, и я словно вынырнула обратно из мягкого, бархатного одеяла покоя.

— Да.

Когда-то я мечтала объехать весь мир. Сельва Амазонки, снега Аляски, мягкий туман Британии, брызги Анхеля, утонченность Елисейских полей, савана в лучах закатного солнца — всё это осталось покрытым толстым слоем пыли альбомом в самом дальнем углу моих планов и надежд.

— Почему гонки, Гаспар? — Этот вопрос мне следовало задать раньше, но я только сейчас вспомнила о нём.

— Они дают ощущение жизни, — огоньки в глазах сверкнули глубоко вдали, опасно и маняще.

— И деньги, — добавила я, пытаюсь увести разговор в более беспечное русло.

Гаспар улыбнулся, словно счёл это забавным, и кивнул в сторону тихо шелестящих волн.

— Вода очень теплая.

Это было заманчивым намеком. Поэтому я зашла за призрачную границу песка и моря и остановилась в маленьких водоворотах, которые мягко окружали колени. Гаспар же явно имел другой план. Он снял рубашку, положив ее на песок подальше от опасной зоны брызг, и шагнул в волны.

Я смотрела, как он уверенно рассекает толщу воды ровными и сильными движениями. Было в этом что-то красивое и захватывающее — наблюдать за тем, как он вроде и борется со стихией, в миллионы раз сильнее его, и в то же время находит — как заставить ее помочь его телу становиться частью этой огромной массы.

Гаспар не удалялся слишком далеко от берега, а я все смотрела на него и смотрела. Мы были одни в этой бухте — ни птиц, кружащих обычно над волнами, ни других людей, кроме нас. Наконец, Гаспар повернул обратно, возвращаясь. Порыв волн накатывал достаточно сильно, чтобы его несло к берегу быстрее. Он уже шел по пологому дну, и вода доставала ему до пояса. Небо медленно прояснялось, позволяя слабым лучам все чаще пробиваться сквозь зазоры в тучах. На пару секунд они добрались и до Гаспара. Прошлись искрами по воде, стекающей с его лица и плеч, блеснули далеким светом во влажных волосах. Несмотря на то, что он не был накачанным или таким, какое жаждут слепить себя в спортзалах мужчины, отвести глаз не удавалось.

Гаспар почти вышел из воды, когда более сильная волна нахлынула на песок, достав до его рубашки, и откатила обратно, унося за собой светлую ткань. Она проскользнула мимо меня, и я дернулась вперед, пытаюсь поймать ее раньше, чем рубашка отправится в свое кругосветное путешествие. Море явно не собиралось возвращать свою добычу, и новый сильный порыв вместе с резким движением заставил меня потерять равновесие и очутиться в воде. Теплой, приятной воде, которая так и манила остаться в своих объятиях. Жаль только вот, что сама я плавать не умела.

Вот почему я всегда стояла себе у самого бережка и завистливо поглядывала на купающихся.

Когда я подняла голову, фыркая и отплеиваясь похлеще собаки, Гаспар стоял рядом и смеялся. Опираясь на его протянутую мне руку, я кое-как приняла вертикальное положение. Похоже, что мой рот был забит песком, который хрустел на зубах, стоило мне попытаться что-то сказать. Гаспар смеялся так заразительно, что я оценила юмор всей ситуации и тоже начала смеяться. Одна простая рубашка уделала меня, уронив в воду и выиграв сражение.

Отдышавшись и успокоившись, мы побрели к машине. Поскольку на нас не было ни единой сухой нитки, стоило немного обсохнуть, и мы устроились на выступе плиты, камень которой был почти горячим по сравнению с мокрой и остывающей кожей.

— Ты замерзнешь, — заметила я, оглядывая Гаспара, чью одежду теперь составляли лишь спортивная майка и брюки. Он повел плечами.

— Не думаю, — он явно о чем-то раздумывал, затем поднялся и исчез в машине. Обратно Гаспар вернулся с довольным выражением, неся в руках что-то, подозрительно

похожее на флягу. Сел на камень и протянул флягу мне, явно уступая право первого глотка. Судя по звукам, содержимого было не так много.

— Знаешь что, предлагаю сыграть в игру. Каждый рассказывает что-то, начиная с "я рад, что...", и если это действительно так, делает глоток, — я протянула ему пузатую металлическую вещицу, подозревая, что на такую провокационную идею он не согласится.

Но он только лишь улыбнулся уголками губ и открыл крышечку фляги.

— Я рад, что вода в море теплая все лето.

Было видно, что он наслаждается тем, как мучительно острое тепло алкоголя опускается по вкусовым рецепторам языка, рта и наполняет тело волнами жара.

Я взяла протянутую мне флягу. В ней был Лагавулин, насколько хороший, настолько же сносящий голову. Это дало о себе знать после второго глотка, я могла пить хорошее вино иногда, но к крепкому виски не привыкла. Щекам становилось жарко, и я ощущала легкий веселый туман в голове, когда Гаспар протянул мне флягу вновь.

— Я рада, что мы с тобой знакомы, — заявила я и движением заправского пьяницы отправила в себя еще одну порцию алкоголя.

Прежде, чем ответить, Гаспар тонко улыбнулся, смотря куда-то вдаль, где на горизонте виднелась лента голубого неба, свободная от туч. Его лицо было расслаблено, мокрые волосы трепал ветер, сбрасывая прямо на глаза.

— Я рад, что мы встретились, — он сделал небольшой глоток.

Я вспомнила день нашего знакомства, начавшегося с того, что я привела в дом Гаспара и предложила ему заморозку и полотенце. Его еще тогда изрядно отдубасили трое.

Один из них был убит, и это именно его фотографию показывал мне детектив. Только сейчас, запоздало я поняла — отчего человек на фото казался мне смутно знакомым. Я не успела разглядеть тех, кто бил Гаспара, но лицо одного всё же мельком увидела, когда тот оглянулся, убегая прочь.

Внезапно вернувшееся в мельчайших деталях начало нашего знакомства заставило меня ощутить, как выпитый виски хочет выбраться наружу. Я пришла в такой ужас от мысли, что всё это мог сделать Гаспар прямо у меня под носом, что мышцы ног свело так, будто я опустила их в ледяную воду. Эта мысль выглядела безумной, но почему-то тонкий голосок внутри говорил, что я вижу того Гаспара, которого хочу видеть и которого он позволяет видеть. А что есть на самом деле — кто может знать, кроме него самого?

Гаспар по-прежнему смотрел вдаль, по его губам блуждала улыбка. Я была уверена, что он тоже сейчас вспоминает день нашего знакомства, правда мысли у него были явно более приятные, чем те, что одолевали сейчас меня.

Мне нужно было что-то сделать, чтобы увести его внимание в сторону от этого опасного мига. Я опрокинула флягу, поглощая остатки виски, а затем закашлялась, ощущая, как капли, попав почти в дыхательное горло, заставляют все внутри сжиматься.

— Все нормально, — хрипло заверила я обеспокоенного Гаспара. Его умиротворенность и довольство исчезли так же бесследно, сейчас передо мной был собранный человек, в глазах которого явно мелькали мысли о том, что следует сделать в следующую секунду, если дела пойдут из рук вон плохо. Кажется, я добилась того, что хотела.

— Надо вернуться в город, — он поднялся, помогая мне встать. Клянусь, я была совсем не против того, чтобы Гаспар сел за руль. Я даже на секунду допустила, что это будет даже лучше. Но для кого? Что даст тот факт, что полицейские могут задержать его?

Мы выезжали на вечернее шоссе, а меня медленно отпускали страхи. Отпускали, но не уходили. Черт возьми, голова отказывалась согласиться с доводами нетрезвой фантазии.

— Тебе лучше? — Прервал мои размышления Гаспар. Он изредка бросал на меня взгляды, но я постаралась повернуться к окну так, чтобы моё лицо было недостаточно четко видно.

— Да, все нормально. Я единственная в семье, кто абсолютно не умеет пить что-то крепкое.

— Не уверен, что это можно считать недостатком, — Гаспар усмехнулся.

Зазвонил телефон, настойчиво привлекая внимание к себе, и мне захотелось выкинуть его в окно, лишь бы не видеть, как на экране светится номер бывшего. От брошенного вскользь взгляда Гаспара не скрылось то, что я на секунду помедлила, прежде чем отклонила вызов.

— Наверно, — заявила я, продолжая, как ни в чем не бывало, разговор о спиртных напитках, — скажу это в следующий раз мужу сестры, когда он будет рассказывать о пользе хорошего алкоголя.

Дорога тянулась бесконечно долго, а я пребывала в хаосе мыслей. В этот раз Гаспар не проводил меня до дома. Я выскочила из машины сама, сама помахала ему на прощание. Дошла до двери, ощущая, как наблюдательный взгляд смотрит мне вслед. Дверь я закрыла на оба замка. Прошлась вдоль окон, смотря на то, как машина медленно отъезжает от дома.

Несмотря на то, что мне ужасно не хватало горячего кофе, я не рискнула включить свет на кухне. Практически наощупь добралась до спальни, попутно разбив колено об угол лестницы. Было идиотизмом думать о том, что человек, которого я только что оставила в машине, выбрался из нее и следит за домом. Но паника и подозрение, как заразная болезнь, никак не хотели отпускать меня. Я задернула шторы, проверив сперва задвижки на окнах, подтянула к себе ноутбук и устроилась поудобнее.

Конечно же, розовый фотограф уже заботливо посадил зерна своей работы, его фотографии украшали несколько статей о происшедшем. Я выбрала одну и щелкнула по картинке, заставляя ее максимально увеличиться.

Лица жертв ни о чем не могли мне сказать главным образом потому, что я могла вспомнить только одного из тех, кто напал на Гаспара. Сколько не пыталась, но память сообщала, что о них мне даже сказать нечего. Я была слишком занята пострадавшим от их кулаков Гаспаром. У меня не было никаких доказательств того, что мой абсурдный домысел является хотя бы на четверть правдой. Более того, я подозревала человека, сделавшего мне гораздо больше добра, чем моя сестра за последние двадцать лет. Почувствовав себя еще более омерзительно, я заползла под одеяло. Вот только какая-то часть мозга, еще окутанная виски, упорно шептала, что я не знаю ничего, и вполне возможно, что появившиеся сомнения далеко не так безобидны, как кажутся.

Глава 7

— Ты, конечно, не захочешь даже выслушать меня, но я все равно попрошу. Позволь просто пригласить тебя на этот вечер.

Бывший муж, с которым я столкнулась почти в лоб, когда направлялась из офиса фирмы домой. Он не настаивал, но все же его голос выражал надежду на то, что я соглашусь. Если я откажусь — тогда непонятно, зачем я делала вид, что готова дать шанс на примирение. Если соглашусь. А что я, собственно, теряю? Вечер, проведенный так, как я хочу, а не так, как вынуждена.

Может, это было неразумно, но я хотела пойти. Поэтому, и ответила, глядя прямо в глаза бывшему:

— Я подумаю.

Его лицо, слишком правильное, слишком пропорциональное, с выразительным взглядом томных глаз, моментально стало торжествующим. Конечно же, через мгновение он принял вид невинного агнца, но я слишком хорошо знала его, чтобы не заметить прежних грешков.

Благотворительный вечер давался в честь какого-то праздника. Я знала, что скорей всего там будет моя сестра с мужем, они никогда не пропускали никаких возможностей показать себя. Будет там много народу, и я готова была провести вечер в иллюзорных вспышках богатства. Мне нужно было что-то, что сдвинет с мертвой точки рутину. Я больше не могла так жить дальше.

Габриил начал что-то говорить еще, но его слова не доходили до моих ушей. Весь этот день я обдумывала то, что сделала накануне, и что теперь беспокоило меня непонятными эмоциями, не желающими никак исчезнуть.

День назад я стояла на пороге дома, надеясь, что моя затея стоит того. Судя по тому, что на вежливый стук никто не отвечал, либо дома никого не было, либо кто-то был, но лежал мертвецки пьяный. Спустя еще пару минут, когда я уже была готова отказаться от всего и уйти, за дверью раздалось шарканье, словно по полу ползла наждачная бумага. В небольшую щель, образованную приоткрывшейся на несколько дюймов дверью, на меня дохнуло крепким перегаром.

— Привет, девочка, — после того, как меня узнали, дверь открылась гораздо шире. Дядя Саул явно пытался изобразить приветливость, но алкоголь, разливающийся в его венах вместо крови, все время утягивал его в счастливую прострацию.

— Здравствуйте, — я кашлянула, — мне так неудобно, но, дядя, больше и некого попросить помочь.

Моя мать не любила его, и я почти ничего не знала об её двоюродном брате. Поэтому так вышло, что я познакомилась с дядюшкой только тогда, когда вышла замуж и переехала. Его адрес я нашла при помощи интернета, вывалившего на меня еще и кучу всяких баек о Сауле Харпере, о его прошлых военных заслугах и разводах с парой жен. На них я не обратила внимания, рассудив, что если покопаться, то можно найти байки и про последнего бомжа, и про самого Папу Римского. В интернете всегда есть что-то даже про тебя самого.

На тот момент родители уже погибли, и я не могла испытывать неудобства перед матерью за общение с неприятным ей человеком.

Я не знала — какая кошка пробежала между ними. Семейные альбомы с фотографиями мать никогда никак не комментировала, стоило мне пару раз задать вопрос о её молодом брате. Но за всё время, как мы стали общаться с Саулом, наши отношения всегда были довольно теплыми. Мы пересекались раз в неделю, его дом находился на соседней улице, и изредка я приносила Саулу что-нибудь из домашней выпечки. А он взамен угощал меня разнообразными историями из своей жизни. Несмотря на то, что семьи моих родителей были далеко не бедными, Саул предпочитал жить как одинокий пожилой мужчина, склонный к алкоголизму.

Но он всегда был добр ко мне.

Поэтому, мне было почти стыдно за то, что я собиралась сделать. Саул закивал головой.

— Ты же знаешь, что всегда можешь попросить меня, девочка. Что у тебя случилось? Надо что-то починить или кто-то обижает?

Моё подлое сердце облилось кровью, и я выдавила улыбку.

— Нет, все гораздо проще. Мне надо съездить вечером за краской, а Вы же знаете, что машину я продала.

Саул явно довольный тем, что он может мне с этим помочь, махнул рукой куда-то в сторону.

— В моем корыте вроде оставался бензин, так что можешь взять его. Если бы я чувствовал себя получше, то сам привез бы твою краску.

— Огромное спасибо, дядя Саул, — я старалась не смотреть ему в глаза.

— Это тебе спасибо, девочка, что заглядываешь. И за пирог на прошлой неделе спасибо, такие раньше готовила моя покойная матушка.

Он улыбнулся мне и потрепал по плечу.

Я запретила себе страдать от укоров совести и сосредоточенно следила за тем, как бак заполняется бензином из канистры, которая оставалась в гараже от проданной машины. Заправившись, я отогнала машину за дом так, чтобы она не привлекала внимания.

Оказавшись в своей спальне, я вытащила из шкафа самую неприглядную и потерявшую прежнюю форму куртку с капюшоном и подумала, что она вполне сойдет. Я собиралась сделать подлость, идущую вразрез с законом, и, будь я в здравом уме, то вряд ли бы решилась на подобное. Но вот уже пару недель, как я обдумывала этот план, и поселившееся в моей голове безумие радостно хлопало в ладоши, поддерживая его.

Часы медленно капали минутами, и каждая ушедшая ложилась бусиной в длинную нить ожидания. Было немного непривычно ощущать, как хочется поторопить время, но спешка никогда не была хорошим другом. Поэтому я прибралась в доме, немного повозилась, прикручивая замок в ванной и с удовлетворением оценила наведенный мной порядок.

Гаспар оглядывал комнату, где все было строго разложено и убрано по полочкам, и я видела, что он, как всегда, когда приходил, выглядит крайне расслабленным и довольным. Я видела это по тому, как мягко блестят теплые огоньки в его глазах, и как движения лишены напряженности. Здесь он передвигался как большая, уверенная в безопасности кошка, которая находится на своей территории.

Ни на секунду не забывая о том, что он может легко понять, что я что-то задумала, я улыбалась ему, не отводила глаз, но и не переигрывала с выражением доверия.

Мы сидели, как обычно, на моей кухне, проводя еще один вечер вместе. Будь я более адекватной, то обращала бы больше внимания на то, как Гаспар ведет себя. Он был не просто учтив, его действия отдавали заботой. Несмотря на манеру вести диалог так, что было непонятно — одобряет он или нет то, что говорит собеседник, его слова, адресованные мне, были еще более отстраненными. Словно Гаспар не хотел показывать своего мнения, предоставляя мне самой решать — будь то разговор о выборе соуса, или беседа о грядущих президентских выборах.

Мы говорили обо всем, но чем дальше шло время, тем странней менялись наши позиции. Он словно старался быть ближе, а я — отойти как можно дальше. И каждый из нас при этом скрывал свои намерения, отчего ситуация все больше походила на фехтовальный поединок. Я знала, что мне удастся вести себя так же, как и всегда, но в голове все громче стучал невидимый маятник.

Когда Гаспар засмеялся над каким-то рассказом, я неожиданно более пристально и с любопытством посмотрела на него и увидела совершенно другим человеком. Под спокойствием тонко угадывались сдерживаемые и контролируемые эмоции, под

отстраненностью — нечто, похожее на стену. И я подумала — может то, что он любит проводить вечера в моей компании, означает то, что в его собственных стенах появилась небольшая трещина?

Такого Гаспара я не ожидала увидеть.

И это было неприятно. Потому, что если я ошибусь, то разрушу всё, что было между нами — это странное понимание без слов, тепло и доверие, почти такое же, как бывает в семье. А если я не ошибусь, то о перспективе этого варианта не хотелось даже и думать.

Я проводила Гаспара до двери, постояла несколько минут, ожидая, когда он сядет в машину и отъедет от дома. Затем пробралась к окну у лестницы и вылезла через него на улицу. Конечно, было проще выйти через дверь, но я догадывалась, что Гаспар слишком внимателен к тому, что происходит возле дома. Мне пришлось медленно выехать на улицу, развернуть старый пикап и направиться вниз по улице. В темноте я наблюдала за немигающими огоньками машины впереди меня и старалась ехать так, чтобы не бросаться в глаза водителю. Это удавалось хорошо, тем более, что время от времени выныривали другие машины, и я делала вид, что ползу по своим делам. Гонщик, способный разогнаться до ста пятидесяти километров и более, ехал на удивление обычно и законопослушно, и я неожиданно подумала, что он явно знает — когда стоит получать адреналин, а когда — пропускать пешеходов, откровенно игнорирующих все правила и считающих зебру — панацеей от всех дорожных законов.

Мы миновали центральную часть города, сверкающую неонами и рекламными таблоидами, вечно возникающие на ее улицах пробки. Свернули вниз, к району однообразных домов в пять этажей, которые выглядели, как потерянные в ночи корабли. Здесь было более пустынно, и мне становилось все сложнее держаться незамеченной. Хорошо, хоть номера на пикапе были сплошь в пыли, и вряд ли кто-то ночью смог бы разобрать комбинацию цифр и букв. Подставлять Саула я не хотела.

Наконец машина впереди меня стала замедлять ход, освещая дорогу красными задними фонарями. И я нырнула в первый попавшийся проулок, надеясь, что за то время, пока паркую пикап, не потеряю свою цель.

Когда я выглянула, Гаспар направлялся к дому, чья стена как раз заканчивалась углом, за которым я пряталась. Он шел уверенно и обыденно, как ходят люди, возвращаясь к себе домой поздним вечером.

Дождавшись момента, когда за ним закроется широкая темная дверь парадной, я направилась на противоположную сторону улицы. Прятаться в тени, отбрасываемой деревьями и смотреть на большой дом с темными окнами в большинстве — вот всё, что мне оставалось. Я наблюдала, как фигура Гаспара поднимается по лестничным пролетам, и всякий раз, когда он появлялся, отступала в центр тени. словно он мог увидеть или просто почувствовать моё присутствие.

Наконец, когда он больше не появлялся на лестницах, а одно из окон на четвертом этаже осветилось изнутри, я довольно улыбнулась. Половина дела была сделана...

Именно это я и вспоминала тогда, когда появился бывший. Сказать честно, я даже не слушала его, слишком уж сильно моя голова была занята обдумыванием дальнейших действий. Которые требовали от меня их претворения в реальность, а вместо этого я стояла, болтая о пустяках и теряя время.

Не думаю, что Габриила слишком удивило то, что я пробурчала что-то непонятное и, неопределенно махнув на прощание рукой, заторопилась к остановке автобусов.

Только дураки считают, что, желая спрятаться, надо вести себя супер- таинственно: низко надвинуть капюшон, идти короткими перебежками и занимать прочей ерундой, отчего станешь буквально сразу объектом внимания всех и вся. Оставаться незамеченным — значит, выглядеть обычно и сливаться с толпой. Поэтому я шла так же спокойно, как если бы возвращалась к себе домой или прогуливалась по улице. Чем больше ты смотришь по сторонам, тем меньше видишь и больше кажешься подозрительным. Я шла, неся пакет, кажущийся полным продуктов, но на самом деле, в нем преспокойно лежала измятая газета, создающая необходимую иллюзию. Просто женщина возвращается из магазина.

Дверь дома не была снабжена кодовым замком, и я буднично вошла в подъезд. Смяла пакет, выкинув его в мусорный бак, и направилась к черному входу, открывающему доступ к пожарной лестнице. Я не собиралась прохаживаться вдоль квартир с любопытными соседями.

Если бы дверь на лестницу была не заколочена, мне не пришлось устраивать весь этот цирк. Но сейчас я уже добралась до небольшого окна, подняла нижнюю часть рамы и, радуясь тому, что остаюсь небольшого роста и веса, выбралась на площадку перед лестницей, уходящей вверх. Нижние ступени были прямо над моей головой, и пришлось ухватиться обеими руками, чтобы опереться ногой на сколотый кусок кирпича в стене и взобраться на лестницу. Я преодолела пару пролетов и остановилась, чтобы передохнуть, оглядеться и решить — что делать дальше.

Квартал был похож на гнездо ленивых, сонных рептилий. Днем они заняты отдыхом или поиском пропитания, а к ночи оживают, чтобы напомнить о себе всем вокруг. Мне совсем не хотелось бы оказаться жителем одного из этих домов, я догадывалась, что это явно помогло бы мне скатиться на дно моего существования. А я оттуда планировала наоборот выбираться.

Четыре железных, ржавых пролета позади. Главное — не смотреть вниз и не думать о том, что ржавчина почти полностью съела старый металл. Я забралась на площадку нужного этажа и неожиданно вспомнила одну из картин моего детства.

Мне чуть больше одиннадцати. Я сижу на стуле перед столом, за которым сидит пожилой офицер. Мы оба молчим, он — потому, что ждет моего отца, а я — потому, что немного в ужасе от шума, напряженности, царящей в воздухе участка. Но главное, я не считаю себя виноватой. Все, что я сделала, я сделала с важной для меня целью.

Отец появился в участке, я понимаю это по выражению облегчения на лице офицера, который положительно не знает, что ему делать со мной. Будь я обычным подростком, он оформил бы меня как малолетнюю преступницу. Но, к несчастью или к счастью, мой отец хорошо знаком с начальником участка, и это заставляет офицера просто ждать.

— Она взломала замок, проникла в чужую собственность и была поймана за попыткой нанести ущерб имуществу владельца, — эти слова не говорят правды о том, что я сделала, они обтекают ее и оставляют в стороне. Человек, чье "имущество" в виде старой развалюхи в гараже я пыталась повредить, слишком распускал свой язык, называя моего отца далеко не лестными словами. Он говорил про папу что-то ужасно нехорошее, и это возмутило меня до глубины души.

Затем мы приехали домой, и каждый из нас молчал. А дома меня встретил вопль дорогой сестры, которая кричала и билась в истерике, что теперь ей будет стыдно общаться со своими друзьями, ведь все узнают, что я — воровка и преступница.

Я усмеялась, подумав, что расстояние в столько лет так ничего и не изменило. Затем подергала кусок стекла, разбитого чьими-то стараниями, вытащила поддавшийся осколок и через обрадовавшуюся щель отворила задвижку рамы.

Освещенный несколькими неяркими лампами коридор уходил вдаль, и двери казались молчаливыми черными провалами в стенах. Сейчас я надвинула капюшон глубже и медленно направлялась к той двери, которая принадлежала квартире Гаспара. Оставалось надеяться, что я рассчитала все верно и не окажусь в совершенно другом жилище.

Тут явно не ставили мощные замки, нуждающиеся в большом опыте знакомства с их механизмами. Дверь была выкрашена под красное дерево, и кое-где краска начала сходить, обнажая узор доски. Я подняла руку к голове, вытащила шпильку, которая удерживала одну из прядей в хвосте и присела на корточки, рассматривая замочную скважину. Дверь открылась спустя пару минут, за которые я успела разобраться с замком и не один раз оглядеться вокруг, ожидая, что кто-то появится в коридоре и прервет мои действия воплями.

Внутри было темно и тихо. Занавески на окнах не были похожи на шторы, но их плотная ткань скрадывала весь свет внутри, словно втягивала его в себя. Я отдернула одну занавеску, и, щурясь от резкого света, огляделась. Вся квартира-студия состояла из одной комнаты, которая выглядела безлико и тихо. Несмотря на то, что было очевидно, что здесь живут, не ощущалось, что это — постоянное пристанище. Значит, Гаспар мог снимать эту квартиру, не являясь ее постоянным жильцом.

Я шагнула к небольшому столу, единственным предметом на котором были небольшие песочные часы. Песок в них весь осыпался вниз, а сама вещица выглядела старомодно и изысканно. Бросив еще один мимолетный взгляд на часы, я нырнула вниз, к ящикам стола. В них лежало лишь несколько свернутых в рулоны чертежей. И я с долей разочарования поднялась на ноги.

Так же обыденно было и на кухне, отделенной от комнаты небольшим стеллажом для книг. В ящиках шкафчика в ванной комнате не было ничего, кроме туалетных принадлежностей. На небольшой полочке у раковины стояли пена для бритья и гель для душа.

Осмотр квартиры оказался настолько же бесполезным, насколько и все подозрения, которые выглядели сейчас не более, чем идиотской фантазией. Я уже почти признала тот факт, что из нас двоих только меня можно подозревать в разных грехах. Далеко не бесосновательно, надо сказать, о чем явно свидетельствовали многочисленные посещения участка в далеком детстве и разного рода навыки, несвойственные приличному гражданину.

Последним остался небольшой шкаф, встроенный в стену. Дверцы его открылись с тихим скрипом, нарушая безмолвие квартиры. Если вся обстановка говорила о том, что Гаспар почти не заботится о том, чтобы его жилище выглядело излишне уютно и заполнялось мебелью, предметами обихода и ненужными мелочами, то его одежда могла рассказать совершенно другую историю.

Аккуратно разложенная, отдающая запахом лаванды и свежести, она говорила, что ее хозяин достаточно придирчиво относится к своему внешнему виду. Я видела Гаспара всегда одетым просто и неброско — выцветшие брюки, спортивная обувь, светлая рубашка поверх футболки или майки. Но, очевидно, что он не всегда одевался так, его гардероб выглядел достаточно разнообразно и с долей претензии.

Сорочки строгих цветов. Сложенные змеями галстуки. Спортивная одежда, те самые светлые рубашки, хорошо знакомые мне. В соседнем отделении на вешалках ждали своего

часа несколько костюмов. Казалось, что я заглянула в другую часть жизни Гаспара, которую раньше не знала. Я не была сильна в мужских костюмах, но догадывалась, что передо мной не самые дешевые вещи.

В самом углу шкафа висел темный костюм. Было видно, что он пошит слишком хорошо, чтобы быть простой вещью. Я протянула руку, дотрагиваясь до мягкой ткани и проводя по изгибу на плече. Как он сидит на нём? Подчеркивает ли разворот плеч, обтекая линии руки? Отворот пиджака уходил вниз угловатой линией. Я задержала пальцы на груди, там, где, будь сейчас передо мной Гаспар, ровно билось бы его сердце. Под теплой кожей, под слоем мышц, опасно перекатывающихся, словно предупреждая о своей силе. Это было сплошным безумием, но атмосфера этой квартиры словно подчинила мой разум себе.

Я резко отдернула руку и захлопнула шкаф. Понятия не имея о том, что за чертовщина происходит со мной, и почему веду себя как законченная идиотка, я отошла на середину комнаты, переводя дыхание. Здесь нет ничего, и ничего не будет потому, что Гаспар никогда никого не убивал. Тогда как я по-прежнему остаюсь со своим темным прошлым. У меня нет прав обвинять кого-то, опираясь лишь на пьяные подозрения.

Возвращалась я обратно по лестнице, спускающейся вниз к парадной двери, так как смысла выбираться через окно на железную развалюху не было. Несмотря на то, что на улице было шумно, обычное городское оживление не умолкало ни на минуту, я словно шла в облаке тумана, и все вокруг замедляло свое движение, словно кто-то нажал кнопку и остановил всех.

У меня вновь были лишь вопросы без ответов, и неприятное ощущение того, что я все глубже и глубже увязаю в бархатной, цепкой паутине.

Глава 8

Вечером я вернула пикап Саулу. В доме царил тишина, когда я поднялась по ступенькам к двери. Хотелось мне узнать — как дела у старика, но я не стала стучаться. Вместо этого поставила на перила веранды пакет с приготовленной лазаньей и пошла прочь, почему-то ощущая желание стать еще меньше и незаметней.

По счастью нам не удалось встретиться с Гаспаром за всю неделю. То я оказывалась слишком занята и оставалась ночевать у одной из знакомых. То Гаспар уезжал на несколько дней куда-то из города, и всё, что напоминало о нем — оставленное сообщение на автоответчике. Было это к лучшему потому, что после того, как я пробралась в его квартиру, мне было бы сложно смотреть ему в глаза. Не столько потому, что я нарушила границы его владений, сколько потому, что каждый раз вспоминая об этом я не могла отделаться от беспокойства и непонятного смущения.

Лучшее, что я могла сделать — это запретить себе возвращаться к обдумыванию тех смертей и предположений. Меня это не касалось никоим образом, а я уже и так успела наделать дел.

Вообще, неделя пролетела достаточно быстро, чтобы закончиться тем самым праздничным вечером.

Я догадывалась, что те, кто посетят его, готовились к нему достаточно основательно, но чтобы настолько — не могла представить.

В лучших традициях сахарно-ванильных торжеств над входом в отель болтались шарики и ленточки. Швейцар у дверей улыбался так, что можно было убедиться в том, что белоснежные зубы его полностью заполняют рот и еще раз напоминают о презентабельности места и торжества. Что-то вроде "поверьте, мы настолько серьезно

подходим к делу, что даже наши сотрудники не могут себе позволить уронить марку заведения отсутствием зубов или их неподходящим цветом".

Начало уже говорило само за себя.

Поскольку я приехала сама, то Габриил уже маячил перед входом, ожидая меня, как истинный джентльмен. Он и выглядел так — серый костюм, в отворотах пиджака изредка пробегают искры от запонок. Уложенные волосы, чисто выбритые скулы — будь я помладше и не знай его, то упала бы в обморок от счастья, когда этот прекрасный принц направился ко мне с самой очаровательной улыбкой. Не то, чтобы я сознательно настраивала себя против него, просто было смешно видеть эту красивую оболочку, когда знаешь, что человек может неделю лежать дома, просто не желая подняться и что-то сделать, небритый, ленивый и вечно думающий лишь о себе.

Поскольку сегодня был официальный вечер иллюзий и лжи, я тоже была его частью. Поэтому и шагала сейчас, ощущая себя довольно неуютно в платье и в туфлях на высоком каблуке. Оставалось лишь надеяться, что я выгляжу достаточно приторно и благопристойно, чтобы не выделяться из толпы.

Пока мы пробирались к небольшому столику, на котором красовалась такая же белоснежно-сахарная карточка с какими-то цветочками и фамилией бывшего, я успела оглядеться. Вечер вполне обещал быть таким, каким я и предполагала. Толика развлечения и актерской игры мне не помешает, может даже я смогу найти плюсы в этом времяпровождении.

Прошло около получаса. К нашему столику подходили какие-то представительные одетые люди, здороваясь и беседуя с бывшим, время от времени бросая заинтересованные взгляды на меня. Я же просто разглядывала толпу, пребывая в полной уверенности в том, что бывший рассказал своим знакомым обо мне достаточно подробностей, чтобы еще обращать внимания на эти взгляды. Он сам явно понимал это, и подчас мне даже было немного жаль его, когда глаза Габриила начинали бегать, словно пойманные в ловушку мыши. Видимо, когда он рассказывал о том испытанием, каким я стала для него, бывший явно не предполагал, что однажды вновь окажется рядом с этим кошмаром.

В дальнем углу банкетного зала виднелась массивная фигура Алана, отодвигающего стул для Нины. Как того и следовало ожидать, оба были здесь на своем месте, и испытывали полнейшее удовлетворение вечером. Было бы очень хорошо, если Нина не заметила меня и не заставила испытывать терпение очередным поток поучений и советов. Судя по тому, как она оживленно беседовала с соседями, мне не стоило ни о чем беспокоиться. Сегодня внимание сестры явно не будет обращено на меня.

Шампанское в бокале было полусладким и приятно покалывало язык. Если вечер будет и дальше таким, я почувствую себя просто прекрасно. Сплошной отдых, никаких неприятных разговоров, никаких навязчивых личностей. Красота, да и только.

Мне следовало быть более внимательной к мелочам, но в тот момент я не обратила внимания на то, что Габриил взглянул на свой телефон и явно испытывал какое-то напряжение. Его дела волновали меня не больше, чем прошлогодний снег. Тем более, что я подозревала, что, несмотря на попытки помириться со мной, количество его поклонниц не стало меньше. А значит, вполне возможно, что он получил послание от одной из них и это мешает ему усидеть на двух стульях — и со мной ангела строить, и ей ответить.

В какой-то момент Алан, обожающе улыбающийся моей сестре, оглянулся в нашу сторону. Он приветственно кивнул, показывая, что обратил на нас внимание. Выглядел Алан

сегодня так, как должен выглядеть образец стабильности и состоятельности. Всё в нем, начиная от дорогого костюма серо-жемчужного цвета и заканчивая идеально уложенными волосами, говорило об этом. Этот мужчина знал, что его конек — прагматичность и находчивость, и применял их так, чтобы всегда оставаться в выигрыше.

Я кивнула в ответ, радуясь тому, что мы находимся в разных углах зала. Габриил же явно скучал в моей компании, но пока держался молодцом и не показывал этого. Он даже попытался начать подобие изящного флирта, но потом плавно перешел на рассказ о том, что его ожидает повышение по службе, поскольку он является сейчас одним из самых перспективных сотрудников. Как все наши с ним разговоры, этот шел так же — сплошным монологом. Если я и успела открыть рот, то лишь для того, чтобы издать неопределенный звук одобрения или промычать что-то, демонстрируя понимание. По части многословия Габриилу всегда не было равных.

Еще час или полтора я здесь выдержу. Потом начнется передозировка всем сладко-правильным, и мне понадобится, как слишком неправильной версии Золушки, удирать домой, чтобы не превратиться в тыкву. Я ухмыльнулась, представив такой вариант окончания сказки, но в этот момент к нашему столику вновь подошли очередные знакомые. Габриил, желая показать — насколько он любящий и очаровательный, положил руку на моё плечо, притягивая к себе. Я порадовалась тому, как у него это хорошо получается за нас двоих. Счастливая пара, безоблачно и довольно проводящая время.

Поскольку мне было неудобно смотреть уже пять минут, если не больше, на немолодую даму, говорящую так же много, как и Габриил, я вежливо отвела глаза в сторону на секунду. Потом вернулась к даме, не желающей никак заканчивать разговор, словно она старалась высказаться на неделю вперед. Затем меня просто взяло и повернуло назад, где я только что увидела Гаспара, с которым меньше всего ожидала столкнуться здесь, на этой напыщенной вечеринке для местных богачей.

Он сидел прямо напротив, лицом как раз к нашему столику. И был полностью поглощен своей спутницей. Я не могла разглядеть ее, так как видела лишь рыжие локоны, спускающиеся плавными волнами по спине. Сначала я подумала, что глаза играют со мной дурацкую шутку, но ни один другой человек не мог быть Гаспаром, чьи губы сейчас улыбались собеседнице в ответ на её слова.

Я подумала, что он не заметил меня в этой массе. До сих пор я никогда не была перед ним в платье, с более-менее уложенными в прическу волосами. И уж всяко — на моих губах не было помады, которой я впервые попользовалась за последние три года. Да, скорее всего он не узнал меня, если бы даже и заметил.

А потом случилось то, что заставило потерять последнюю уверенность в этом. Гаспар отвел глаза в сторону, и в упор посмотрел на меня. Казалось, что я приросла к стулу, забыв, что надо дышать. Его глаза смотрели мне в лицо, и взгляд, до которого не доходила тонкая улыбка, говорил, что я сильно заблуждаюсь. Он узнал меня, и он прекрасно знает, что я тут не одна. Сколько уже прошло времени с той секунды, как он смотрит на наш спектакль, который разыгрывается с целью показать то, как мы с бывшим неплохо ладим? Казалось, что прошло уже несколько минут, как тяжелое ожидание в его глазах словно пригвоздило меня к плетеной спинке стула, кажущейся сейчас жесткой и покрытой сучками и щепками. Но на самом деле прошло не больше секунды, за которую я превратилась в кролика, который смотрит на змею перед собой и не может пошевелиться.

А затем Гаспар снова погрузился в беседу с рыжеволосой женщиной, и его лицо не

меняло своего выражения, словно он даже не знал о моем существовании.

Я запоздало шевельнулась, пытаюсь собраться с мыслями, и Габриил убрал руку с моего плеча, которой все еще пытался показать наше замечательное взаимопонимание и согласие своим знакомым.

Мой бывший вспомнил о том, что надо продолжать играть свою роль, и повернулся ко мне.

— Хочешь потанцевать? — Видя то, как я неоднозначно мотнула головой, он улыбнулся так, словно я была милым неразумным ребенком. — Ну же, ведь я знаю, что ты любишь танцевать. Всего лишь один танец, хорошо?

Любила раньше — да. Но сейчас мне было очень сложно оторваться от стула и сделать что-либо. Я изо всех сил держалась, чтобы не оглянуться туда, где сидел Гаспар. Габриил, тем временем, не разделял моих тревог и поднялся, протягивая руку. Его движение привлекало внимание, и мне не оставалось ничего больше, как встать, игнорируя предложенную ладонь. Мы обошли наш белоснежный столик, и я, после минутного размышления, все же оперлась на Габриила, отчетливо понимая, что делаю это для демонстрации своей уверенности в этой, полной вопросов и непонятности, ситуации.

Обходя столики, мы прошли по залу в ту его часть, где перед расположенными на возвышении музыкантами уже медленно танцевали несколько пар. Пока мы пересекали пространство зала, нас можно было разглядеть из каждой части помещения, и я не сомневалась, что сестра уже увидела меня с Габриилом. Равно как и другой человек, чьего взгляда я не ощущала, но была уверена, что от его глаз не скроется ни одна деталь.

Подстроившись под медленный ритм, мы начали движение. Было в этом что-то успокаивающее, словно танец превращался в неспешное убаюкивание. Но не для меня сейчас. Несмотря на то, что мы находились лицом к лицу с Габриилом, я почти не видела его. Теперь я жалела о том, что пришла сюда. Возможно, со стороны могло показаться, что я почти ревную Гаспара, появление его с женщиной действительно ошеломило меня. Словно я пыталась предъявить на него права. Но на самом деле меня не покидало ощущение того, что события, вне моего желания, сворачиваются в гигантский снежный ком. Всю неделю я пыталась держаться подальше от Гаспара, а сейчас он был в нескольких метрах от меня.

И чутье говорило мне, что это очень нехорошо.

Стало совсем нехорошо, когда мы повернулись, и я обнаружила, что Гаспар и его огненноволосая дама находятся рядом с нами. Они танцевали чуть в стороне, и мы с ними оставались едва ли не единственными на этом импровизированном танцполе.

Мои глаза явно не собирались подчиняться приказам мозга и упорно возвращались к ним. Высокая фигура Гаспара плавно увлекала за собой свою партнершу, и я могла позволить себе на несколько мгновений задерживать на них обоих взгляд. Мой кавалер не умолкал, продолжая вполголоса рассказывать что-то, что я не особо пыталась слушать. Иногда мне начинало казаться, что он разговаривает просто так, для того, чтобы заполнить неловкую пустоту потому, что его речь становилась не совсем связанной, а паузы между предложениями были все длинней и длинней.

В какой-то момент Гаспар сделал неувловимое движение, и теперь они повернулись так, что он находился лицом ко мне. Я могла разглядеть более детально его, но поспешно отвела глаза, чувствуя, как ладони, лежащие на плечах Габриила, медленно, но верно покрываются потом. Затем, ругая себя за глупое поведение, все же посмотрела на Гаспара, показывая, что держу ситуацию под контролем.

Возможно, со стороны показалось бы, что я всё усложняю. Хотелось и мне в это верить, но не выходило. Когда мы встретились с Гаспаром взглядами, было понятно, что всё это время он наблюдал за тем, как я поведу себя. И сейчас на его лице была иллюзия улыбки, которая ею не являлась. Я слишком хорошо знала — как улыбается человек, в чьих глазах застыли колючие огоньки, не вяжущиеся с выражением удовлетворения на лице.

Черт возьми, я не должна ощущать сковывающий холодок. Я провожу свое время так, как считаю нужным, и с тем, с кем захочу. Словно поняв мои мысли, Гаспар отступил на полшага от партнерши, и я смогла увидеть его полностью. На нем был тот самый темный костюм, который я видела во время визита в его квартиру. Он действительно сидел на нем идеально, так, как я и представляла себе. Полностью подчеркивая его фигуру, разворот плеч и, в то же время, заставляя думать о том, как выглядит этот мужчина, когда выходит из воды плавными движениями большой кошки. Несмотря на кажущуюся строгость, этот темный костюм словно срывает с цепи такие же темные и опасные образы, которые одолевали меня в квартире Гаспара, и от которых медленно, но верно начинала приливать кровь к щекам.

Он поднял руку, отводя локоны от лица своей спутницы, и ласково провел по ее шее. Женщина засмеялась, а Гаспар задержал пальцы на светло-шоколадной коже её плеча и посмотрел на меня. И мне начало казаться, что я ощущаю на своей собственной коже это покалывающее прикосновение, похожее на контакт с оголенным электрическим проводом. Я понятия не имела, что за игру он затеял, но происходящее нравилось мне все меньше и меньше. Особенно тем, что пальцы Гаспара медленно спускались по открытой руке женщины, а моё плечо ощущало их ровное движение. Оно обжигало. Замедляло дыхание. Рука Гаспара неторопливо скользила по чужой коже, но смотрел он поверх головы довольной женщины, словно наблюдая за эффектом своего действия на мне. Слишком сосредоточенным и далеко не безмятежным было выражение его лица, и в глазах все ярче вспыхивали огоньки, переливающиеся возле зрачков. И было очень сложно оторвать взгляд от его глаз и разорвать это наваждение.

Мой арсенал ругательств был исчерпан еще тогда, когда я обнаружила его присутствие. Сейчас же мне оставалось вести себя так, словно мне всё равно, иначе любому зрячему человеку бросилось в глаза, как покраснели мои уши и щеки. Поэтому я отвернулась и, как ни в чем не бывало, задала какой-то чепуховый вопрос Габриилу. На моё удивление он сейчас выглядел погруженным в свои мысли и явно не расслышал меня. Более того, когда через пару минут бывший, пересыпая свои слова любезностями, заявил, что ему нужно ненадолго меня оставить, он выглядел как-то тускло. Положительно, вечер развлечений плавно переходил в вечер сплошных проблем.

И вот, я сижу на своем месте в гордом одиночестве, а вокруг меня раздаются голоса, смех и музыка. Я не смотрю туда, где сейчас находится Гаспар, непонятно почему, но я испытываю такое чувство, словно обманула его в чем-то. И он ведет себя так, будто ему абсолютно неинтересно — как на меня подействовало происходящее. От какофонии мыслей, звуков и духоты, которую не могут разогнать даже широко раскрытые окна, становится почти дурно. Когда я вижу, как моя сестра поднимается со своего места, я ретируюсь, срочно отправившись на поиски дамской комнаты.

Ровно за сорок минут вечер начал плавно превращаться в катастрофу. Холодная вода помогает решить половину проблем, вторую половину вряд ли можно вообще распутать. Я стою перед зеркалом изящно убранной в бордовые цвета комнаты, опираюсь на раковину и смотрю на свое отражение, которое молчит и не хочет ничем мне помочь. Я знаю — кто я

такая, но понятия не имею — кто же ты, Гаспар. Отражение уныло морщит лоб, и в зеркале я вижу, как в открывшуюся перед парой женщин дверь врываются свет и блеск украшений люстр. Они озаряют комнату, пробегая лиловыми искрами по стенам.

Я еще раз плещу себе в лицо холодной водой и затем, чувствуя себя более адекватно, выхожу в небольшой коридор перед залом. Здесь относительно тихо и спокойно, поэтому я не возвращаюсь в зал, а медленно прогуливаюсь по коридору, огибающему кругом зал. В стороны отходят лучами другие коридоры, перемежающиеся арками-дверями в подобию комнат для персонала.

На полу постелен мягкий ковролин, и стук каблуков утопает в нем. Можно почти поверить, что я иду бесшумно, как по воздуху. Мне почти никто не встречается, и я могу предположить, что тут кроме меня нет никого. Так приятно побыть в одиночестве.

Но оно оказывается весьма условным потому, что через еще десять шагов я слышу голоса. Они звучат слишком высоко и недовольно, словно два человека выясняют отношения уже почти на грани ссоры. Я не страдаю любопытством и решаю повернуть обратно, когда один из спорщиков говорит еще громче, и я узнаю голос Габриила.

Возможно, мне стоит действительно уйти, но недоверие к всем попыткам бывшего изображать из себя ангела во плоти, пересиливает. И я осторожно подхожу еще ближе, стараясь расслышать то, что он говорит.

Сначала раздается другой голос, который явно намерен не выставлять напоказ тему спора. Он почти не слышен, и я бесполезно напрягаю слух. Затем его перебивает Габриил, и я слышу каждое слово так отчетливо, как если бы стояла рядом с ним:

— Ты должен подождать еще! Я верну все деньги, вот увидишь. Просто у меня не все идет гладко, но если ты подождешь, то получишь весь мой долг!

Его собеседник что-то возражает, на что бывший с нескрываемым самодовольством заявляет:

— Мы будем снова вместе, и я уговорю ее продать дом, она достаточно доверчива, и согласится переехать. Деньги я переведу сразу, как только она подпишет договор. Если не уговорю, то найду более действенный способ. Поверь, у меня все под контролем.

Я не падаю в обморок. Не заливаясь слезами. Не впадаю в молчаливый шок. Я снимаю туфли и отступаю к противоположной стене, задрапированной тяжелой тканью. Забираюсь под неё и стою там, ожидая. Мне просто хочется увидеть того, второго.

Они выходят через несколько минут. Впереди — Габриил, нервно разглаживающий складки на своем костюме. Все его движения говорят о плохо скрываемом беспокойстве, которое словно въелось в гримасу раздражения, за которым прячется неуверенность.

Следом за ним появляется Алан, и я почему-то совсем не удивлена. Никаких эмоций на лице, медленно теряющем облик из-за болезненной отечности, которая делает его похожим на мятую подушку. Я никогда не сомневалась, что каждый, кого знает Алан, имеет для него ценность лишь в эквиваленте выгоды, которую он может получить. Неважно, коллега ли, родственники или случайные знакомые. Времена, когда я провожала его взглядом с тихой ненавистью, давно прошли. Сейчас я смотрю на него и обдумываю то, что услышала. Алан похож на каток, не останавливающийся, пока не доберется до конца полосы. А это значит, что Габриил, необдуманно задолжавший ему, скорее научится стоять на голове, чем сможет уговорить его подождать еще немного.

После того, как они оказались достаточно далеко, я выбралась из-под ткани, которая была насквозь пропитана пылью. Если появлюсь сейчас в зале, могут возникнуть ненужные

подозрения. Стоит оказаться там, где моё нахождение не вызовет никаких вопросов.

Когда я шла и рассуждала, что ситуация складывается слишком нехорошо, чтобы махнуть на нее рукой, мне стоило более внимательней отнестись к тому, кто является ее участником. Ровно через полчаса я убедилась в том, что беспечность приводит к самым плохим, подчас — необратимым последствиям.

Я походила по небольшому зимнему саду, наталкиваясь на какие-то парочки. Вернулась в здание и прошлась еще раз по небольшому коридору перед залом. Затем, как ни в чем не бывало, прошла к столику, за которым сидел бывший.

Он жадно пил большими глотками вино из дутого бокала, словно никак не мог остановиться. Вообще, Габриил выглядел как человек, находящийся мыслями далеко отсюда, лишь приличия ради нацепивший улыбку, чтобы его не беспокоили. Это выражение не сменилось и тогда, когда я присела на край стула и окликнула его. Он рассеяно оглянул меня, затем пришел в себя и снова превратился в рыцаря.

— Я устала, поеду домой, — произнося эти слова, я не лгала.

— Конечно, дорогая, поехали. Я понимаю тебя, здесь становится слишком шумно.

Он рассчитывал на продолжение банкета дома, и я поспешила развеять его заблуждение:

— Ты не беспокойся, я прекрасно доеду сама.

— Но, дорогая, неужели ты не хочешь попробовать все начать заново?

Мне казалось, что мы обсуждали это, — все же по части актерского таланта Габриил обставлял меня на целую сотню шагов. — Прости, — я больше не старалась играть в вежливость, — но я сомневаюсь, что из этого что-то выйдет.

На его лице не отразилось и тени сожаления, и я поняла, что ничуть не ошибаюсь в своих поступках. Игра надоела ему так же, как и мне. Разница была в том, что я могла выражать свои мысли свободно, а он был вынужден играть, будучи заложником долга Алану.

Я поднялась и невольно оглянулась на столик Гаспара. Он был пуст, а сам Гаспар и его спутница медленно танцевали под мягкие переливы блюза на другом конце зала. Возможно, я ждала, что он смотрит на меня. Возможно, что не ждала ничего. Каждый живет своей жизнью, и мы чаще всего понятия не имеем о том, какая она.

Вечер все-таки однозначно стоило провести дома.

Прежде чем поехать домой, мне надо было немного навести порядок в голове. Хотя и казалось, что я была вполне готова к тому, что узнала, все же было неприятно, будто пришлось проглотить чересчур горькую пилюлю. Не то, чтобы это все выбило из колеи, но и равновесия мне не прибавило.

Начинающаяся осень уже чувствовалась в том, как быстро наползают сумерки. Фонари стали зажигаться раньше, чтобы разогнать полумрак, и их желтоватый свет одиноко перемежался длинными тенями. Подумав секунду, я стащила с себя туфли, уже бесполезные и только мешавшие идти, и с удовольствием ощутила, как стопы ног полностью стоят на чуть теплом асфальте. Подцепив поудобнее туфли, я зашагала дальше, надеясь, что на полупустой улице вскоре появится такси.

До того, как на дороге возникло размытое темнотой пятно машины, я прошла уже довольно приличное расстояние. Теперь я была просто уставшим, раздраженным человеком, который хотел как можно скорей оказаться дома. Я вытащила телефон, надеясь, что смогу хотя бы вызвать такси. Вежливый голос системы автоматически ответил, что я не могу совершать исходящие звонки, так как баланс находится в состоянии минуса. Оставалось

надеяться, что приближающаяся машина окажется одним из многочисленных, деловито спешащих по вызовам такси.

Я разочарованно проводила взглядом проехавший мимо темный Седан. Когда он замедлил движение на повороте и остановился, освещая дорогу красными задними фонарями, я продолжала идти по краю тротуара.

Дверь со стороны водительского места открылась, выпуская коренастую фигуру. Совсем не то, что хотелось бы получить почти ночью на пустынной улице. Мне стоило начать жалеть о необдуманно затеянной прогулке, но времени на это не оставалось. Потому, что позади меня раздались шаги, словно кто-то бежал или же очень сильно торопился. Очевидно, человек вывернул из одного из небольших проулков, которые уходили в обе стороны от дороги. В ту же секунду, когда я решила посторониться, пропуская того, кто шел позади, меня ощутимо ударили по затылку. Последнее, что я отчетливо запомнила, это то, как темный асфальт дороги несется мне навстречу с огромной скоростью, а в ушах нарастает звенящая ватная пустота.

Глава 9

Чернота. Бесформенная и глубокая.

Удар. Пауза. Удар. Пауза. Мерный ритм. Удар. Пауза. Удар. Пауза.

Где-то далеко на границе возникают лишённые очертаний звуки.

Удар. Пауза. Удар.

Глуховатый отсчет маятника.

Ни дна, ни границы черноты. Затем появляется свет. Он приходит в ровном ритме с гигантским маятником. Вспышка далекого света. Чернота. Новая вспышка. Чернота.

Вместе со светом разливается соленовато-пластиковый привкус, оседающий как песчаная взвесь.

С каждым разом гигантский маятник звучит все глуше, а вспышки света всё ярче, словно его источник приближается. Наконец, удары перестают быть так громко слышны, полностью превратившись в ровный стук в ушах. Яркие световые полосы почти вытесняют черноту, которая медленно тускнеет и, наконец, превращается в красновато-серое препятствие.

Звуки не стали более отчетливы, они хоть и громче, но по-прежнему неразборчивы. Словно находятся за какой-то преградой.

Я медленно приближаюсь к кроваво-черной границе, чтобы вынырнуть за глотком воздуха. Но и там — лишь красное и серое, с соленым привкусом крови.

Все ощущения притуплены и не дают мозгу оценить состояние и положение тела. Они медленно, словно нехотя возвращаются внутрь, как давший сбой механизм, который не может собраться воедино. Нет ни боли, ни правдивой картинки, и сознание понемногу начинает ускорять темп обработки тех крох информации, которые может вычленивать из темного и глухого пространства.

Затем возвращается боль. Она пульсирует всё интенсивнее, накатывая горячими волнами, и давая понять телу, что оно живо, но повреждено. Сильнее всего она там, где голова переходит в шею, и там, где заканчиваются запястья. Ниже линии браслетов рук словно нет.

Все попытки открыть глаза безуспешны. Более того, там, где должен быть левый глаз, каждое усилие причиняет новую боль, которая дерет основания ресниц. И остается только наблюдать за красновато-серым светом сквозь закрытые веки. Боль вызывает рефлекторный выброс слез, и те медленно, но верно текут вниз, по лицу, словно по коже пробегают насекомые.

Новое усилие открыть глаза. Правый глаз превращается в узкую щелочку, которая обрамлена кровавыми корками на ресницах. Они-то и мешают полностью открыть глаза, но слезы все же размочили небольшую часть и позволили получить маленький обзор вокруг. Зрение словно у новорожденного — мутное и расфокусированное, обтекающее предметы и видящее лишь более темные пятна и светлые участки.

Почти всё тело уже вернуло себе чувствительность, и боли стало гораздо больше. Скоро наступит тот момент, когда блаженное состояние онемения покажется раем потому, что боль захлестнет все уголки мозга. Но сейчас еще пограничное состояние, когда терпеть можно, но забыть о ней уже нельзя.

Медленно возвращается четкость зрения, и один глаз ворочается в орбите, оглядывая темное помещение. Старый сарай, в котором фермеры обычно держат технику, а под крышу складывают сено, заготовленное для наступающей зимы. Этот сарай пуст. Его доски темны от старости, но крыша еще цела, и из-под стропил не видно щелей в листах кровельного железа. Он поделен на две части, вероятно уже гораздо позже кто-то разделил его нутро пополам, поставив дощатую перегородку.

За ней — голоса. Негромкие, но всё же различимые. Если напрячь слух, то слышно, что разговаривают, по меньшей мере, двое мужчин. Их голоса и были теми звуками, которые плескались на границе черного провала в сознании.

Я опускаю глаз настолько, насколько можно, стараясь не шевелить сильно головой. От каждого движения мозг в ней словно взрывается, угрожая подкатывающей к горлу тошнотой. Пол сарая старый, но крепкий. Его доски наверняка оставят на моих ногах не один десяток заноз, если я начну шевелиться. Но при всем желании я не смогу этого сделать, так как привязана к столбу, подпирающему крышу сарая. Я не чувствую своих рук именно потому, что они онемели и затекли, перетянутые чем-то вроде пластиковой ленты.

Закрыв глаз, я осторожно прислоняю голову к столбу, стараясь не опираться на него местом, которое болит сильнее. Мой мозг не способен сейчас анализировать самые простые вещи. Если я хочу выбраться, а этого я хочу, несмотря на боль, мутное сознание и дезориентацию, мне стоит дать себе возможность хоть немного набраться сил. Настолько, чтобы начать действовать.

Чернота, в которую снова уплывает разум, как аварийный режим. Сколько она длится — может десять минут, а может пару часов, не известно. Когда я вновь выныриваю из её цепких волн, голоса раздаются рядом. Почти надо мной. Они обсуждают — не умерла ли я, и кто из них двоих останется тут, пока второй съездит за сигаретами. Я не открываю глаз, пускай считают, что я по-прежнему в отключке. Так даже лучше.

Один подходит ближе, и его дыхание почти долетает до меня. Отчетливо чувствуется запах табака, этот курит явно не один год. Он пытается понять — жива ли я, и чтобы удовлетворить его любопытство, я меняю положение головы на тысячную долю дюйма. Этого достаточно, и мужчина с хмыканьем поднимается на ноги, бросая товарищу, что всё в порядке.

За ними закрывается дверь в дощатой перегородке, через щели в которой пробивается свет от фонаря или небольшой лампы. Я снова открываю глаз, пробуя разлепить второй. Немного удалось, не считая того, что я наверно с мясом вырвала половину ресниц. Но сейчас нет времени жалеть об этом. Еще одной болью больше или меньше — разницы никакой.

Голова чуть лучше соображает, и я начинаю потихоньку шевелить пальцами, заставляя кровь доходить до них и согревать холодные и онемевшие части рук. Всё, что надо — медленно и глубоко дышать, разгоняя кислород по телу, черпать оставшиеся крохи тех ресурсов, которые, как утверждают, есть в теле человека. И начать думать.

Не так важно — кто эти молодчики. Важно то, как выбраться из сарая. Как далеко он находится от ближайшей трассы или от жилых домов. Такие сараи могут стоять рядом с ними, а могут быть окружены полями на километры вокруг.

Если получится надорвать край одной из полос ленты, медленно получится расправиться и со всеми остальными. Когда пальцы приходят в относительно живое состояние, я начинаю осторожно и неторопливо пытаться дотянуться до ближайшей полоски.

Это не так просто. Это совсем не просто, когда я понимаю, что все усилия увенчались тем, что на одном из пальцев сорван ноготь. Новая боль вгрызается в и так воспаленный мозг, и я останавливаюсь. Дышать. Ровно и медленно. Даже если сознание снова уплывет в спасительную черноту, только дышать. Паника — непозволительная роскошь, и я жива ровно столько, сколько спокойна и не теряю уверенности.

Чернота.

Свет.

Чернота.

Свет.

Сколько прошло времени? День или неделя? Я не знаю. Наверно почти день. В горле все пересохло, и даже дыхание вырывается с таким трудом, словно я выдыхаю острые бритвы, разрезающие легкие снова и снова.

Наконец дверь открывается, пропуская одного из двоих. Тот самый, коренастый, который вел Седан. Ни в коем случае не показывай, что узнала его. Если всё лицо моё — в старой крови, то вряд ли он заметит это, но риск всё равно слишком велик. Он приносит воду. Блаженство, которое приносит отвратительная теплая вода с песком, оседающим на зубах, так же велико, как если бы я оказалась в раю.

Подождав, когда я откашляюсь и отдышусь, мужчина протягивает мне что-то светлое. Он понимает, что я не могу понять что это, и подносит их почти к моему лицу. Это бумаги. Господи, мелкий шрифт пляшет так, словно по бумаге танцуют джигу сотни многоножек.

— Вам надо подписать их.

Черт, нет. Я закрываю глаза, надеясь, что он поверил в то, что я снова уплыла. Мужчина поверил, он встает, ворча, и выходит за дверь. Единственные бумаги, которые мне могут предложить подписать, это бумаги, связанные с домом. И если это так, то подпись поставит точку в моём сером существовании. Самый бессмысленный конец.

Я должна оставаться без сознания столько, сколько смогу. Уже без особых усилий я прислушиваюсь к разговору, который происходит спустя достаточное количество времени, и он тоже подтверждает мои мысли о том, что этот сарай станет последней точкой моей жизни. Мужчины спокойно обсуждают то, что я в отключке, что в любом случае всё идет так, как надо. Моя подпись, или моя смерть (они полагают, что я не прихожу в себя потому, что скоро могу сама откинуться) одинаково помогут тому, кто всё это затеял.

Затейник- умница. Такого хитрого плана от него было сложно ожидать, но я всегда недооценивала тех людей, которые мне встречались. На мгновение меня охватывает дикая ярость, и я большим усилием запрещаю себе наделать глупостей — например, дернуться сильнее, или выдать себя.

Я не теряю ничего — ни пытаюсь выбраться, ни понимая, что возможно не смогу этого сделать. В лучшем случае, я буду бороться до конца, а это сделает мою смерть менее бессмысленной. Я вновь царапаю стягивающую руки петлю, попутно разрезая собственную кожу неудачными движениями. И позволяю себе мысленно оказаться в любом другом месте, которое предложит мне память.

Волны медленно оббегают мои ноги, заворачиваясь барашками и исчезая в новой линии прилива. Где-то далеко впереди небо опрокинуто в воду, и граница разделения словно исчезает в туманной дымке. Если долго стоять в воде, в какой-то момент можно ощутить, как становишься частью неё. Мерное покачивание будет отдаваться ритмом сердца, а тихий шорох проникнет в каждый угол разума, вытеснив суетливые мысли. Над волнами летает

одинокая чайка, и её перья поблескивают на солнце, отливая почти металлическим блеском. Она парит на широко расправленных крыльях, медленно и отстраненно рассекая пространство над гладью воды. Кажется, что птица просто наслаждается тем, как её несет поток воздуха, но это ложное впечатление. Она ждет. Ждет спокойно того момента, когда упадет камнем вниз, настигая свою добычу, беспечно плывущую в мнимой безопасности водной толщи.

И я тоже жду. Выиграет тот, кто будет спокойно ждать своего часа, неважно — принесет ли тот последний вздох или долгожданную свободу.

Они заходят ко мне еще пару раз, но теперь их поведение более агрессивно. Они испытывают раздражение из-за того, что вынуждены торчать в этой дыре, а их работодатель явно пребывает в нетерпении. Возможно, что в третий раз я уже не смогу отделаться игрой в полукоматозное состояние, и это заставляет меня все сильнее пытаться справиться с неподатливой лентой на руках.

Я слышу, как они обсуждают — кто пойдет в этот раз. Один говорит другому, что можно попробовать применить что-нибудь пожестче, но другой сомневается. Ему и так не нравится то, что я того гляди помру, дескать труп на их совести, а тот, кто платит за работу, может и свалить все на них. Первый смеется над его нерешительностью и предлагает ему посидеть за стенкой, если это так сильно его волнует. Он может сделать все сам.

Раздается звук, который говорит о том, что кто-то поднялся с места, и сейчас направится сюда. Ко мне. Сколько бы я не уговаривала себя, сколько бы не заставляла забыть о скрученном в спазмах желудке и непрерывно ноющей голове, теперь это всё зря. Хоть я и не могу лишний раз дернуться, мысленно я мечусь, как загнанный в угол зверек, понимающий, что его часы отсчитывают последние секунды.

Не помогают даже мысли о том, что если все закончится, то может быть я встречу свою семью. Может быть все закончится гораздо быстрее. Дыхание сбивается на тяжелый хрип, в легкие оно не доходит. Начинает щипать глаза, и без того раздраженные и саднящие.

Мне опять предлагают подписать чертову бумагу, и я почти готова это сделать. Какая уже разница, ведь и так понятно, что живой меня не отпустят. Я продолжаю делать вид, что почти на грани потери сознания, но понимаю, что мужчина передо мной сегодня пойдет на всё, лишь бы я развязала им руки. Он раздумывает пару секунд, затем откладывает драгоценную бумагу в сторону и демонстративно закатывает рукава. После чего говорит, что он этого не хочет, но всё равно вынужден играть по-плохому.

Кажется, моё лицо настолько отвратительно выглядит, что он секунду медлит, пытаюсь понять — есть ли смысл бить по голове. Смысла нет-мысленно отвечаю я ему. Один удар, и я отправлюсь обратно в черноту, если не к праотцам.

Тогда он говорит, что сломает мне ногу. Жуткая затея.

Когда я уже готова признать свое поражение, лишь бы меня прикончили менее болезненно, позади, за дощатой перегородкой кто-то громко и надсадно кричит. Этот звук говорит о боли, слишком сильной даже для мужчины. Затем раздается шум борьбы, разносящей все вокруг. И затем — тишина. На всё уходит чуть больше минуты.

Мужчина, приготовившийся испытать мои кости на прочность, явно застывает в недоумении. Затем поднимается, позабыв про меня. Когда он распахивает криво сделанную дверь, и в мой темный угол долетает свет, я понимаю, что этот красавчик действительно слишком мощный, чтобы раскатать меня в коврик одним ударом. Просто так я точно не умру. Но сейчас мне дают небольшую паузу, и я лихорадочно царапаю проклятую ленту,

выламывая себе пальцы. Второй ноготь содран полностью, и теплая кровь заставляет пальцы соскальзывать.

Тишина длится недолго. Мужчина окликает напарника, но не получает ответа. Я слышу его ворчание, оно пронизано нотками удивления. Наплевать, что там могло его удивить, главное — не останавливаться. Видимо, решив, что напоследок можно дать мне шанс, судьба внезапно улыбается. Я понимаю, что надорвала одну из полос, которые уже сбились в непонятный крученный шнур от моих стараний. Это придает сил, и я продолжаю попытки освободиться.

До тех пор, пока за перегородкой не раздается новый вопль. Это голос второго, который решил ломать мои ноги. И его голос полон удивления и боли, боли больше, она вылетает из его горла, а затем превращается в хриплый клекот. Словно он внезапно потерял весь воздух, или же в его горле плещется вода.

Затем раздается шум возни, не борьбы, а словно кто-то пытается ползти по шершавым доскам, цепляясь за какие-то предметы и роняя их с грохотом на пол. У меня нет времени обдумывать происходящее, я лишь отстраненно констатирую звуки и потихоньку освобождаю руки. Осталось еще пара усилий, когда за перегородкой тишину, нарушаемую булькающими звуками, разрезает хриплый вой. Он замирает, оборвавшись на высокой ноте, а я в этот момент останавливаюсь, пытаюсь понять — что же там творится. Чавкающие влажные звуки. Неясный шум, словно кто-то волочит по полу большой мешок. Удар. Тишина. Затем снова возня, сопровождаемая сосредоточенными ударами, словно кто-то пытается разрубить какой-то предмет.

Мои руки наконец-то свободны, но я, несмотря на это, продолжаю оставаться на месте, боясь пошевелиться. Я слышу, как хрустит что-то, сильно похожее на человеческие кости, слышу, как кто-то вновь тащит нечто большое, а затем возвращается обратно, принимаясь за новую работу. И я не знаю, что было хуже — оставаться тут с двумя бандитами, или же оказаться отделенной тонкой стенкой от кого-то более опасного, чем вышибалы, нанятые получить мою подпись на документе.

Я остаюсь неподвижной и стараюсь почти не дышать. Спина так крепко прижата к столбу, что ребрам становится больно. За перегородкой, наконец становится слишком тихо. И я слышу, как тот, кто орудует там, возвращается. Пол поскрипывает под его ногами, и по приближающимся звукам становится понятно, что человек подходит к дощатой стенке.

Достаточно пары шагов вбок, в распахнутую перекошенную дверь, и даже эта призрачная преграда исчезнет. Он делает еще шаг и останавливается. А я пытаюсь не дышать, до боли в глазах всматриваясь в освещенный проход и ожидая смерти, решившей вновь вернуться за мной. Человек снаружи молчит, но он тут. Ждет ли он, что я выдам свое присутствие или хочет сыграть в какую-то свою игру? Если он убил тех двоих так легко, то я буду чем-то вроде соломинки, которую можно переломить одним движением. Время почти ощутимо, если постараться, то можно услышать, как оно стекает тягучими каплями крови. Но тот, за стеной, молчит. Молчу и я, замерев в ожидании.

Затем происходит нечто неожиданное. Он уходит. Я слышу, как он уходит, и где-то в дальнем конце сарая хлопает дверь. Возможно, что он решил, будто кроме тех двоих больше никого и не было. Я хватаюсь за новую отсрочку, любезно предоставленную мне смертью, и пытаюсь подняться на ноги.

С третьей попытки я стою на ногах, ватных и слабых, как у новорожденного жеребенка. Мне надо пройти до двери, и я надеюсь, что смогу сделать сама эти несколько шагов. Они

даются мне с усилием, словно я заново учусь ходить. Но с каждым новым движением онемевшие мышцы вспоминают свои функции, и к двери я подхожу уже относительно уверенно.

Та часть, которая оставалась светлым пятном за перегородкой, действительно освещена. Покачивающаяся на тонком проводе лампочка освещает ее достаточно, чтобы я могла увидеть широкие кровавые разводы на полу. В одном месте кровь стоит лужей, в другом — она тянется полосой от волочившегося по полу тела, уходя к двери на улицу. Везде стоит этот запах смерти, свежий, еще не остывший, но мой желудок не реагирует рвотным спазмом на нее, наверно благодаря тому, что тело вообще мало на что сейчас может отзываться. Я оглядываю помещение и вижу на перевернутом ящике, служившем табуретом, багровые разводы.

Я равнодушно отворачиваюсь и, спотыкаясь, бреду к двери. Лимит моей нервной системы исчерпан, и ни удивляться, ни пугаться больше я не могу, оставаясь лишь в пузыре отстраненного созерцания. Лишь там, открыв ее, я на секунду останавливаюсь, когда выхватываю из тяжелого запаха крови и смерти один тонкий, едва заметный след. Безэмоционально запоминаю его, отложив на видное место в памяти, и выбираюсь на свободу.

Дорога оказывается совсем недалеко. Всего лишь надо пройти по проделанной машиной тропе в поле. Я машинально переставляю ноги, как робот, запрограммированный любой ценой убраться отсюда.

На подошве ног наверно нет ни одного целого кусочка кожи. И ровное покрытие дороги немного притупляет ноющую боль в стопах. Я добираюсь до середины полотна и с трудом опускаюсь на асфальт. Два варианта развития событий — либо меня переедут, либо заметят и остановятся.

Когда я еду в кабине промышленной фуры, согреваясь под чужой фланелевой курткой, я уже знаю, что прежний человек во мне остался там, на полу залитого кровью сарая. Водитель едет гораздо быстрее, изредка бросая на свою пассажирку встревоженные взгляды — ему совершенно не нужно, чтобы в его кабине оказался труп. На повороте я смотрю в зеркало заднего вида туда, где остался проклятый сарай. Тот, кто помог мне, уничтожил все следы того, что там происходило, и вместе с тем там медленно сворачивается в опадающий пепел Я прежняя.

Глава 10

Из больницы я вырвалась с боем. Позволив зашить рану на голове и обработать изодранные руки, я потребовала отпустить меня. Нет ничего необычного в моем состоянии, и я отнюдь не нуждаюсь в хороводе медперсонала и полиции. Которую точно собирались вызвать, судя по тому, как деревятели лица, когда в глаза врачам и сестрам бросались пурпурные браслеты на запястьях. Даже идиоту было ясно, о чем это говорило прямым текстом. Но мне совершенно не хотелось сейчас с кем-то общаться и пересказывать происшедшее. Оно потянет за собой масштабный круговорот, к которому я не была готова.

Им пришлось уступить, но с меня взяли клятвенное обещание, что при малейшем ухудшении я обращусь в госпиталь. Буду лежать дома. Ограничу нагрузку. И так далее. Я с пустыми глазами куклы кивала и соглашалась со всем. Когда меня спросили — нет ли родственников или друзей, которые могут меня забрать и побыть рядом, я чуть было не ляпнула первое имя, которое само невольно всплыло на поверхность. Но вовремя прикусила язык и покачала головой. Такси довезет меня до дома, а там я как-то сама перебежусь.

Таксист подозрительно косился на меня. Лицо панды со сливово- черными разводами под глазами, на плечах — мужская фланелевая рубашка размеров на пять больше меня самой. На ногах — больничные тапочки. В следующий раз, когда он оглянулся, я весьма грубо огрызнулась, советуя ему следить за дорогой, а не пялиться на пассажира. Не стоило срываться, конечно, но состояние оцепенения сменилось усталостью, и внезапно очнувшиеся нервы слишком уж реагировали на раздражителя.

Он убедился в моей платежеспособности, когда я, шаркая, вернулась из дома и протянула ему карточку. На сегодня контакты с внешним миром были завершены, и я заперла дверь дома с надеждой, что все вокруг провалится в преисподнюю. Лежать на спине было неудобно. На животе — тоже. Пришлось собрать подушки в кучу и оказаться в полусидячем положении. Я прикрыла глаза и смогла наконец вернуться к спокойным размышлениям, если только раньше не погружусь в глубокий сон.

Не оставалось сомнений в том, что все происшедшее — дело рук одного человека. И то, что его планы могли быть известны Алану, так же имело место быть. Когда я остервенело царапала собственные руки, то на какое- то время обдумывала мысль — если я выберусь, я приду за этим ублюдком и вышибу из него дух. Теперь я понимала бессмысленность этого порыва, который ничего не мог дать. Ни справедливости, ни капли реальности. Если у него хватило духу и мозгов повернуть такое, он сможет повторить свою попытку получить права на мой дом. В любом случае, я была предупреждена, и единственным оружием было именно знание об угрозе.

Открыла я глаза уже тогда, когда практически стемнело. С вечера праздника прошло всего лишь два дня. Сейчас медленно догорал третий. Хватился ли заказчик своих костоломов, которые не выходят на связь? И если хватился, то, что планирует сделать дальше?

Волоча ноги, как старуха, я спустилась вниз. Пытаясь меньше задевать пульсирующие пальцы, вытащила из холодильника остатки еды, чтобы обнаружить, что она уже испортилась. Положительно, все явно было настроено против меня. Сегодня я могу перебиться крепким кофе и остатками коньяка, но завтра организм начнет падать в голодный обморок. Я не ела два дня, в больнице мне дали что- то, отдаленно похожее на сэндвич, но он уже давно сгорел в желудке.

Рассыпая кофе по столу и чертыхаясь, я заварила растворимый порошок в кружке. Заварной кофе закончился ещё неделю назад, и приходилось довольствоваться тем, что оставалось в закромах шкафа. Больше сахара, чем обычно, чтобы мозг получил свою глюкозу и воображал, что всё прекрасно.

Понимая, что одной рукой дотащить чашку будет сложно, с учетом того — как она тряслась и немела, я подтолкнула стул к кухонному столу и решила, что это тоже неплохой вариант. Конечно, диван был бы мягче и удобнее, но прибавлять к своим травмам ещё и ожог я не хотела.

В кружке оставалась ровно половина мутной жидкости, когда в дверь постучали. Стук был ровным и размеренным, но я сидела, не шевелясь. Сейчас мне было сложно пригнуться и добраться до окна рядом с дверью, из темной гостиной можно было спокойно увидеть того, кто стоит на крыльце. Битая и неуклюжая, я сверну что- нибудь и оповещу о своем присутствии половину улицы.

Через небольшой промежуток стук раздался вновь. Если бы это был недоброжелатель, он явно бы стал уже подлаживаться к моему замку. А раз стучали снова, значит, это мог быть

кто-то нейтральный. Я всё же постаралась тихо пробраться к окну, и мои старания были вознаграждены, когда я увидела одиноко стоящую у двери знакомую фигуру. Несмотря на то, что я не была рада посетителю, он всё же не угрожал моему существованию.

Открыв замок, я решила, что он, устав от ожидания, уже собрался уходить. Но это было не так. В распахнутую дверь долетел порыв вечернего ветра. Не знаю, я не могла сказать, что обрадована тем, что он стоит прямо передо мной. Выражение Гаспара оставалось прежним — непроницаемо-вежливым, он слишком хорошо владел собой, чтобы показать — насколько удивлен моим видом.

— Добрый вечер, — на секунду в его глазах проскользнула тонкая искра интереса, более похожего на изучение стоящего перед ним человека, — как твое самочувствие?

— Как будто по мне промчалось стадо коров.

От него не скрылось ни одной ссадины, ни одного пореза, я была в этом уверена.

— Я звонил, но потом подумал, что ты могла приболеть. Как оказалось, я почти угадал ситуацию.

Мужчина выглядел так же свободно и непринужденно, как и всегда. Сегодня на нём был строгий костюм, верх от которого, по всей видимости, остался в машине.

Мы стояли в дверях, Гаспар улыбнулся и показал вниз, на стоящие у его ног два объемных пакета:

— Я заехал в одно место и решил взять корейской еды. Мне показалось, что она должна тебе понравиться. К тому же, я считаю, что в ближайшее время тебе стоит беречь себя от домашних дел.

Я кивнула. В любом случае, было редкой глупостью отказываться от такого дара судьбы, когда мой желудок прилип к позвоночнику, а сама я была не способна даже чашку поднять. Гаспар поднял бумажные пакеты и уверенно прошел мимо меня на кухню, словно ни секунды не сомневался в том, что я соглашусь с его предложением.

Аромат специй и солений дразнил рецепторы, заставляя рот наполняться слюной в предвкушении. Я наблюдала, как Гаспар достает из пакетов коробочки и раскладывает часть из них на тарелки, предусмотрительно вынутые с полки шкафа. Он выбрал те виды еды, которые была не настолько острыми, чтобы навредить желудку. Ловко управляясь тонкими бамбуковыми палочками Гаспар переложил из очередной коробочки на тарелку рисовую лапшу, свернувшуюся змеиными кольцами. Выложил сбоку кусочки курицы в сладком маринаде. Дополнив экзотическую картину спаржей, которая приобрела от специй цвет слоновой кости, он поднял голову, чтобы посмотреть на меня.

Я неловко отвела глаза, испытывая смущение. Мне не стоило так долго и упорно рассматривать Гаспара, позаботившегося о том, чтобы я не испытывала нужды в пище, без всякой, на то, причины. Он просто хотел сделать так, и потому — делал. Делал то, что доставляло ему удовольствие, но я была уверена — то, что ему не по душе, ничто на свете не заставит его сделать. Даже если это будет вопрос жизни и смерти.

— Сперва стоит позаботиться о твоих руках, — заявил Дон, и я немного бестолково уставилась на него, ощущая себя сбитой с толку. Потом перевела взгляд на свои руки, пытаясь понять — что с ними не так.

Тем временем Гаспар достал небольшую эмалированную миску, наполнил её теплой водой. Открыл шкафчик, где я хранила лекарства, после секундного раздумия вытащил флакон с антисептическим раствором, вылил его в воду. И двинулся ко мне.

— С момента перевязки ты уже не раз беспокоила поврежденные места. Лучше

обработать их, чтобы не присоединилась инфекция, — он говорил спокойно и убедительно, стараясь, чтобы его слова доходили до меня как можно более понятно. Словно я должна была в любой момент заорать во все горло, вскочить на шкаф и начать визжать. Бинты на руках действительно выглядели отвратительно — все бурые, сбившиеся в сторону. О том, что мне не стоит лишний раз совать руки в шкаф или тащить что-то, вроде чашки, я, конечно же, забывала. А Гаспар в очередной раз оказался прав.

Он поставил миску с раствором на стул между нами, разложив на столе перед собой новые бинты и всё необходимое для перевязки. Я сидела на стуле рядом с ним, ожидая его дальнейших действий. Кажется, сейчас мне стоило положиться на Гаспара и позволить ему делать то, что он считал нужным.

Моя рука с остатком повязки, который склеился от старой крови, погрузилась в теплую воду. Я чувствовала, как бинты становятся тяжелее, пропитываясь раствором. Пальцы Гаспара придерживали ту часть, которую удалось снять, сам он низко наклонился над емкостью, наблюдая за тем, как намокают бинты. Я могла видеть, как свет переливается в его волосах, зачесанных назад и открывающих широкий лоб. Они были и прозрачными, и насыщенными цветом одновременно, словно соединяли в себе всю световую призму. Решив, что прошло достаточно времени, Гаспар приподнял мою руку и медленно, осторожно продолжил снимать повязку. Последние слои её прикипели к обнаженному мясу там, где должны были быть ногти, а так же к глубоким бороздам, оставленным мной на собственной коже. Я тихо зашипела, изо всех сил стараясь сдержаться. Это было достаточно больно.

Во второй раз, когда я невнятно замычала, уже громче и сильнее, Гаспар остановился на секунду, опуская мои пальцы снова в раствор, и заговорил:

— Есть только две вещи, которые нельзя держать внутри себя. Это радость и боль. Если первое должно делать мир вокруг лучше, то второе так же должно выходить наружу, а не накапливаться.

— Это не всегда возможно, — полузадушено отозвалась я.

— Да. Но все-таки стоит давать боли выплеснуться, а не утопать в ней.

— То есть, надо разбивать посуду и вопить на пол-города, если ушибешь мизинец или получишь премию?

Я не видела лица Гаспара, но могла поклясться, что он улыбнулся:

— Ну, можно и так.

Он помолчал, закончив фразу, и завязал концы бинта выше кровоподтеков на запястье. Слушая его неторопливую речь, я напрочь позабыла о том, что он только что перебинтовал мне ободранные и сильно болевшие пальцы. Гаспар протянул руку, побуждая доверить ему вторую пострадавшую конечность, и оказался совсем близко ко мне. Настолько, что я могла еще на сантиметр наклонить голову и спокойно вдохнуть аромат его парфюма, обволакивающего кожу.

Он продолжал приводить в порядок мои ссадины, а я могла думать только об этом запахе. Что-то заставляло возвращаться к нему снова и снова, не позволяя отпустить следы духов Гаспара из обонятельной памяти. И я судорожно искала то, что могло это объяснить.

Я снова оказалась в старом заброшенном сарае, стоя у дверей и глядя на бойню, развернувшуюся здесь. Тусклый свет лампочки скрадывал её масштабы, уменьшал, но не мог до конца их спрятать. В воздухе висел тяжелый, пряный запах крови, проникающий во все поры кожи, глаза, ноздри. И к этому запаху добавлялся почти незаметный мелодичный след духов. Мужских духов с дорогим ароматом, прячущим в себе темный, мускусный манящий

отзвук, увлекающий за собой. Именно этот аромат лежал сейчас на коже Гаспара, окутывая меня.

У меня хватило ума ойкнуть, пряча за этим звуком произвольное движение, которое было слишком похоже на отпрыгивание в сторону. Надеюсь, что Гаспар не заметил того, что я, грубо говоря, обнюхала его, я виновато пожала плечами, извиняясь за свои прыжки. Он улыбнулся мне и ловким движением закончил тур бинта, переходя в часть завязок.

— У тебя получается так же здорово, как у дипломированного медбрата, — это была правда, делал он всё очень профессионально и красиво.

Принимая заслуженную похвалу, Гаспар выглядел крайне довольным. И я была рада тому, что нашла его маленькую слабость.

— Я проходил курсы оказания помощи. В наше время они не кажутся лишней тратой времени.

Он был прав. Мир периодически сотрясался конфликтами и катаклизмами, и такие знания всегда были нужны.

Пока Гаспар наводил порядок, выливая раствор, моя миску и протирая стол, я незаметно наблюдала за ним. Если он — тот человек, который был в сарае и убил тех двоих, то я сильно рискую, считая его безобидным человеком и впуская в свой дом, в свою жизнь. Это был уж второй раз, когда я подозревала Гаспара, и с каждым разом сомнения становились всё тяжелее и мрачнее. Я не знала — что думать сейчас. Если он был тем убийцей, то фактически он спас мне жизнь. Но, с другой стороны, это значило, что он убивал и всех остальных, потроша и вырывая их сердца.

Я снова оказалась сидящей у столба, в темноте, а по ту сторону молчал тот, другой. Мы оба молчали и ждали в тишине. Затем он ушел. Как хищник, решивший, что с него хватит на сегодня добычи.

Гаспар окликнул меня второй раз, прежде чем я поняла, что не слушаю его. Извинившись и сославшись на то, что голова словно ватная, я изобразила заинтересованность тем, что он говорил. Гаспар развлекал меня ни к чему не ведущим рассказом, сути которого я всё равно не запомнила.

Воспользовавшись паузой, я поблагодарила его за сегодняшнее пиршество. Затем поинтересовалась тем, как прошла встреча. И только потом, словно невзначай, спросила — как прошли эти дни?

Гаспар ответил не сразу, чем усилил мои, и без того крепнувшие, подозрения. Он медленно выпил воды из стоящей перед ним чашки, так как на бокалы в моем доме было сложно рассчитывать, и только после этого отозвался:

— Достаточно буднично. Мне пришлось работать в городском комитете над одним из проектов. Рутинная работа.

Его лицо было полно непроницаемого спокойствия, когда он кивнул на телефонный аппарат:

— Я звонил несколько раз, но ты не отвечала. Это и заставило меня подумать, что возможно мне стоит навестить тебя и убедиться в том, что всё хорошо.

— Надеюсь, что твоя спутница не потеряла тебя сегодня вечером, — не смогла я промолчать, уводя разговор в сторону. Лучше выглядеть дурочкой, чем обнаружить свои подозрения.

Неожиданно лицо Гаспара расслабилось, и я поняла, что до сих пор он держался в некотором напряжении. Он решил, что я могу волноваться из-за той рыжей женщины, с

которой был на том вечере. Мысленно я вознесла благодарность Небу за то, что он был так далек от истинной причины моих расспросов.

— О, я уверен, что в данный момент она наслаждается отдыхом со своей семьей, — удовлетворение и расслабленность мелькали в глазах Гаспара заметными искрами, но он не трудился скрывать их.

Я сделала умное лицо, насколько мне позволяли многочисленные ссадины, стягивающие кожу, и принялась за еду.

Спустя некоторое время, когда он церемонно поставил перед мной чашку чая и опустил на свое место, я нарушила молчание. Несмотря на то, что было приятно видеть его в доме, на кухне, спокойно делающего обычные дела так, словно это доставляет ему удовольствие и позволяет расслабляться, все же я никак не могла понять — в чем подвох. Верить в то, что люди делают что-либо просто так могут только чистые дети или блаженные дураки. И те, и другие лишены знакомства с горькой реальностью. Поэтому я подтянула к себе чашку с теплым, не горячим чаем — Гаспар позаботился о том, чтобы температура была настолько щадящей, насколько это возможно. И спросила:

— Почему ты проявляешь столько беспокойства обо мне? Не думаю, что это потому, что ты все еще считаешь себя обязанным за мою помощь.

Тонкие морщинки разбежались к вискам, сопровождая улыбку на лице Гаспара.

— Мне просто доставляет удовольствие знать, что я могу быть полезен тебе чем-то взамен за время, которое ты тратишь на разговоры со мной.

— Никогда не была интересным собеседником, так что не могу согласиться, — я хлебнула чая. Привкус мяты охладила и разбежался по горлу.

— Что же, а я с самого начала решил, что смогу быть тебе интересен, — он взглянул на меня поверх стола. Было в его глазах снова что-то размеренное, изучающее, будто он раскладывал меня по полочкам в своей голове.

— Могу я спросить — что произошло? — Как ни в чем не бывало, Гаспар сделал глоток и осторожно отставил чашку, машинально избегая звука удара дна о фарфоровое блюдо.

— Долгая история, — не хотелось мне разговаривать о происшедшем. Гаспар по-прежнему улыбался, но это было уже совершенно другое выражение. Словно его расслабленность внезапно отступила назад, растаяла и выпустила наружу непроницаемое и лишённое эмоций состояние. Он провел пальцем по блестящей, кремовой ручке своей чашки, и когда заговорил, то казалось, что его голос, в отличие от выражения лица, не изменился ни на каплю. Всё такой же спокойный, с неуловимыми нотками заинтересованности.

— Какие эмоции сильнее всего, как ты считаешь? Желание вернуть обидчику всё полной мерой или желание забыть прошлое как сон?

— И то, и другое. И оба одинаково сильны, — я смотрела на Гаспара, демонстрируя полное безразличие. Хотя, от его вопроса во мне вновь всколыхнулось прежнее состояние тлеющего раздражения — как угли, которые вроде потухли, но копни их, и вспыхнет пламя.

— Насколько ты честна, когда так говоришь? — Он оставался в той же расслабленной позе, тогда как я нахмурилась и непроизвольно попыталась скрестить руки на груди.

— Я честна ровно настолько, насколько пытаюсь тушить свои, скажем так, не лучшие побуждения.

Под его испытующим взглядом я ощущаю себя неуютно, будто меня видно насквозь. До самых тайных уголков души, которые словно освещаются пламенем. Ощущение

дискомфорта, словно стоишь обнаженной, дискомфорта без чувства стыда, но с тонким дуновением холодящего ветра, проникающего внутрь костей, разливающегося вместе с кровью по мозгу и остающегося тонкими льдинками в сплетениях вен и артерий.

Я не честна. Но я стараюсь быть честной.

Словно уступая, Гаспар улыбается, переводит взгляд на часы, виднеющиеся в отвороте белоснежного рукава, и делает глоток чая. Но только вот ощущения того, что он отлично видит всё темное, что есть во мне, никуда не делось. И я ощущаю нарастающее раздражение, как естественную реакцию защиты.

Гаспар поднимается, собирая грязную посуду со стола, и передо мной вновь человек, который каждый раз оказывается рядом, когда мне нужна помощь. И то, что я его подозреваю в немыслимых преступлениях, и то, что его присутствие дает мне чувство безопасности — всё это сворачивается в один большой спутанный узел.

Я запуталась.

От мыслей меня отвлекает шум. Гаспар осторожно ставит чашки в мойку и только потом опускает глаза вниз, рассматривая растекающееся по светлому полотну рубашки коричневому пятну. Оно смотрится уродливым на белой поверхности, и самое естественное желание — избавиться от него.

— О, нет, — я резко поднимаюсь, отчего в голове вспыхивают разноцветные огоньки, — тебе стоит сразу замазать пятно. Иначе оно так и останется на ткани.

— Не беспокойся, — Гаспар проходит мимо меня и мягко усаживает обратно на стул, — если ты позволишь воспользоваться твоей ванной, то я улажу эту небольшую катастрофу.

Я киваю. Это самое малое, что я могу сделать для него. Но в то время, пока Гаспар борется с коварным действием чая, я продолжаю возвращаться снова и снова к своим неумно грызущим мозг мыслям.

Он спускается вниз, и, хотя пятно по-прежнему темнеет на безупречной рубашке, на лице Гаспара не отражается ничего, разве что легчайший след огорчения. Я бы расстроилась куда как сильнее от безнадежно испорченной вещи. Рубашка явно была недешевой. Он поправляет манжеты и обращается ко мне:

— Уже слишком поздно, тебе стоит отдохнуть. Я не буду тебя беспокоить, но, пожалуйста, отвечайте на звонки. Я хотел бы быть уверен, что всё в порядке.

Когда за ним закрывается дверь, я жду, когда фонари машины исчезнут в темноте. Затем включаю сообщения автоответчика и прослушиваю как минимум шесть сообщений, оставленных Гаспаром. Все они сделаны в то время, когда я валялась на деревянном полу заброшенного сарая. Последнее — приблизительно за полчаса до того, как были убиты двое костоломов. До того сарая добраться можно лишь за полтора часа, если не больше. Хоть я плохо помню обратную дорогу, но точно уверена, что это место расположено далеко за пределами города. Мозаика не складывается.

Глава 11

Урок, не закрепленный кровью, не усваивается.

Я не думала, что когда-либо столкнусь с правотой этих слов. Мне всегда казалось, что людям свойственно выучивать свои уроки более щадящими способами. Но это оказалось совсем не так. Возможно, в каждом человеке живет мазохист, который требует боли, и только боль оставляет в его сознании нужный след, такой, что он уже не исчезнет вместе с плохой памятью.

На улицах уже совсем по-осеннему стала светлеть листва, добавляя к своей зелени желтые, солнечные разводы. Приближался короткий, пышный период красочной осени, который затем сменится увяданием и ежегодной смертью природы, или же сном, погружающим все живое в тихое оцепенение. Еще было тепло, но вечерами тянуло холодным ветром, и люди на улицах всё чаще надевали пиджаки и куртки, отдавая вынужденную дань погоде.

Моё лицо медленно приходило в себя, но синяки по-прежнему выглядели отвратительно, выцветая от гнилой сливы до грязных желто-зеленых разводов. Ссадины и царапины зарастали под корками струпов, и даже самые глубокие из них явно не оставят после себя заметных следов. Это не могло не радовать, но выглядела я все равно, как ожившая маска для Хэллоуина. Когда голова перестала кружиться от любого движения, я стала понемногу выбираться на улицу. От настойчивых взглядов соседей спасала куртка с капюшоном и большие солнечные очки, похожие на глаза стрекозы. Я потихоньку бродила возле дома и понимала, что самое главное счастье в жизни — оставаться живой.

— Почему ты не обратишься в полицию, чтобы они разобрались с этим уродом, девочка?

Я сидела на крыльце, а Саул пытался прикурить сигарету из пачки. Он блаженно втянул в свои легкие табак и взглянул на меня, ожидая ответа. Саул считал, что я не должна ходить разукрашенная, как индейский тотем, более того, когда он впервые увидел меня такой, дядя пришел в неопределимое бешенство, желая задать моим обидчикам изрядную трепку.

— Не все так просто.

— Ты попала в дурную историю, девочка? И теперь пытаешься балансировать между правдой и ложью?

Я поражено смотрела на Саула. В глазах блестел ум, острый и почти прозорливый. И это напоминало о том, что дядя проходил школу жизни там, где только умение рассчитать всё на пять шагов вперед могло спасти жизнь.

— Да, именно так, — я невольно потерла запястье, на котором медленно таял зеленоватый браслет синяка, — и я боюсь, что просто пойти в полицию мне нельзя.

Саул выпустил струюку дыма и покачал головой.

— Если перед тобой две дороги, но ты не знаешь — какая ведет в нужном направлении, доверяй интуиции. Поверь, девочка, ничто не может быть настолько на твоей стороне, как собственное чутье. Сейчас люди больше полагаются на всякую ерунду. Но там, где начинается граница, вступают в силу законы первобытных джунглей. И даже фантик в виде цивилизации не может их спрятать или остановить. Доверяй только себе, девочка.

Я доверяла себе, но сейчас даже моя интуиция вертелась на месте как потерявшая след гончая. Я знала, что пойти в полицию — значит рассказать о том убийстве, возможно, они смогут найти останки тех костоломов. Хотя происшедшее заставляло сомневаться в том, что там остались хоть какие-то следы. Солгать, что я выбралась сама, тоже было можно, достаточно было приукрасить рассказ нужными деталями.

Но чаще всего меня мучали два вопроса. Первый — что предпримет эта парочка моральных отщепенцев, узнав, что я прибегла к помощи закона и рассказала о случившемся. А второй вопрос не имел четких очертаний, но имя его было — Гаспар. Каждый день я понимала, что если он — убийца, то самое верное — сообщить об этом тем, кто ищет его. И каждый день, глядя на то, как высокая фигура плавно передвигается по кухне, гостиной, наводя порядок и создавая давным-давно забытое ощущение уюта и заботы, я теряла

прежнюю уверенность. Было сложно поверить в то, что человек, внимательно осматривающий моё лицо, чтобы убедиться в том, что все заживает без осложнений, этот человек испаривает чью-то плоть, отнимая жизнь.

И это было самым ужасным. Гораздо хуже, чем даже осознание того факта, что меня хотели убить близкие люди. Подозревать человека, который почему-то продолжал проявлять заботу и вел себя так, словно всё в моей жизни имеет значение — выглядело так, словно я шла по острому лезвию, лежащему над бездонной пропастью. Один неверный шаг равен большой непоправимой ошибке.

Но рассказать об этом Саулу я не могла. Интуиция, к которой он советовал прислушиваться, требовала молчать. Молчать и ждать.

Сомнения — это острые зубья, поворачивающиеся бесчисленными оборотами колеса. Они разрывают живую плоть доверия, оставляя сперва ссадины. Затем борозды в пульсирующей ткани. Потом — раны, зияющие мертвыми краями отдаления. И уже гораздо позже остаются язвы, язвы разочарования, обезображенные тонким налетом опустошения. Сомнения приближают истину, но они — клинки с двоякоострым лезвием. Если они уже впились в тебя, заставляя подозревать, то вынуть их уже так просто не получится. Ты получаешь правду, и взамен теряешь частицу себя.

Это были очень безрадостные мысли, и мне было сложно признавать их правоту.

Песок медленно капает вниз тонкой струей. Сколько его остается в верхней половине часов, столько же накапливается в нижней части. Но это обманчивая видимость, внизу его всегда будет больше. Нарушая все законы физики и логики, одна песчинка, упавшая вниз, утягивает за собой мириады своих сестер. И её безмолвный полет — это начало падения всей массы песка.

Можно ли остановить её, заставив замереть где-то посередине и не нарушать того хрупкого равновесия, где все уже начало разрушаться, но ещё не пришло полностью в движение, стремящееся к катастрофе?

Я смотрю на изысканное темное дерево, в которое заключена стеклянная часть песочных часов. Такие миниатюрные, покоящиеся в руках Гаспара, чья светлая кожа контрастирует с теплыми древесными тонами. Мне легко представить неторопливые шаги между полок, ряды которых заполняют пространство магазина, погруженное в полумрак и тишину. Здесь застыло время, оно прилегло отдохнуть на старинных шкапулках, остановилось в отблесках резных камней, опустилось на таинственные полуулыбки портретов. Ему некуда спешить.

Неспешно проходя вдоль полок с вещами, застрявшими в безвременье, Гаспар остановится, рассматривая с удовлетворением одну из вещей, на которой, так же, как и на всем здесь, лежит поцелуй тишины и отблеска далеких дней, для которых стерлось прошлое и настоящее. Их отблески вспыхнут в его глазах, пробуждая глубокие искры цвета углей, тлеющих в зимнем костре. Рассматривая вещь под мягкими лучами дня, он словно встречает старого знакомого, и улыбка медленно рождается на изогнутых губах.

За ним закроется дверь магазина, оставляя безвременье позади. Гаспар пойдет по улицам, наполненным людьми, спешащими, снующими по городу. Но невидимый отблеск прошлого, покоящийся в его руках, останется чуть слышным напоминанием о забытых именах и лицах.

Я смотрю на хрупкие песочные часы, лежащие на тонких пальцах. Гаспар всегда видит то, что не замечают другие, и ценит то, что они не хотят понимать.

Песчинки медленно срываются вниз, унося с собой секунды, чтобы навсегда остановить их в воспоминаниях.

Этот небольшой подарок, "хороший способ расслабить голову", как слегка шутливо называет вещь Гаспар, будит во мне воспоминания о песочных часах в его квартире. Он дарит мне их собрата, интересно, с какими мыслями? Считаю, что я могу разделить его видение их вечной красоты? Или оставляя только ему известный намек?

Стоит ли так навязчиво искать в каждом слове, жесте и поступке скрытый мотив? Не стоит. Но я не могу остановить часть себя, продолжающую стоять в охотничьей стойке и ожидающую своего часа.

А другая часть проникается теплом. И доверие, как большой домашний пёс, довольно опускается на место, позволяя Гаспару пройти на мою территорию без угрозы.

Сегодня всё замерло. Словно часы прорвали границы миров и остановили время, не прекращая при этом отсчитывать ускользающие секунды. Мы погружены в безвременье, которое окутывает маленький мирок дома и тех, кто находится в нём.

Крепкие, словно из стали, пальцы удерживают мои руки, поворачивая их в разные стороны, чтобы Гаспар мог оглядеть синяки со всех сторон. Его фигура плавно, словно в танце передвигается от одного окна к другому, опуская шторы и не позволяя свету вырываться за пределы дома. Он приглушенно смеется, когда я ворчу в ответ на то, что мне не позволяют накрывать на стол, заставляя вынужденно бездельничать и наблюдать. Мы обмениваемся взглядами, когда он рассказывает что-то смешное, и улыбаемся друг другу, разделяя этот смех.

Я смотрю на то, как он ловко разрезает ломти сыра на разделочной доске, и думаю, что вместо солнечной яркости на круге сыра, по дереву стекают насыщенные потоки алой крови. Но сейчас всё то, что может твориться в жизни Гаспара там, за пределами моего дома, остается за дверью. А мои мысли могут только оседать тонкой горечью от того, что в один момент всё это закончится, как высыпавшийся песок в часах.

Мы сидим за столом, и каждый раз, даже если бы в наших тарелках было просто по ломтю хлеба, он всё равно казался бы настолько же вкусным, как и изысканные деликатесы. Приправа, делающая любое блюдо по-своему восхитительным, это беседа, где чаще говорит он, а я слушаю, позволяя себе расслабиться настолько, насколько это вообще возможно. Его голос льется неспешным потоком, в котором нет ни камней, ни бурных, подводных течений. И даже в шутках, которые произносятся им, проскальзывает логичность, переходящая в завершенность. Мне нравится слушать рассудительный тон, который придает простым словам особенное звучание. Затаившаяся улыбка, которая прячется в морщинках, расходящихся веером от уголков глаз, озаряет сказанное им, как подсветка изнутри.

Он салютует мне чашкой кофе, когда я в очередной раз смеюсь над его словами. Я хотела бы заставить этот вечер длиться вечно, он слишком хорош, чтобы уйти в прошлое. Хорош настолько, что становится почти больно.

Мы замолкаем на несколько мгновений, отдавая должную дань еде. И затем Гаспар вновь прерывает тишину, но тень улыбки почему-то не касается больше его глаз.

— Ты спрашивала, почему я проявляю к тебе определенную заботу.

Я смотрю на него, немного удивленная сменой темы разговора. Тишина, окружающая нас, становится почти живой, тогда как мы будто превращаемся в статуи, замершие на мгновение. Глаза Гаспара устремлены куда-то за пределы этой комнаты, и я впервые вижу, как его лицо теряет привычные черты спокойствия. В тених, прячущихся в изгибах губ,

медленно проступает усталость, а живые огоньки в глазах теряют свою яркость, словно кто-то тушит костер, уничтожая его танцующие всполохи.

Я молчу, интуитивно чувствуя, что сейчас Гаспар находится там, где мне лучше оставаться безмолвным слушателем. Это немое напоминание о том, что сидящий напротив меня человек — незнакомец, которого я так и не могу понять или же узнать его больше, чем он позволит сам.

— Когда я прихожу сюда, мне кажется, что это единственное место, где можно почувствовать себя как дома.

Он поднимает глаза на меня.

Он одинок.

Мы одиноки.

Наши стены не греют нас, хотя и спасают от того, что снаружи.

Он снова улыбается мне, впуская на свою территорию. А я испытываю неловкость за то, что продолжаю подозревать его и при этом не могу избавиться от ощущения тепла при виде улыбки Гаспара.

Мы снова возвращаемся к разговору, и он разгорается, перемежаясь огоньками смеха и неторопливой беседы. Границы, отделяющие нас от остального мира, медленно тают, как чары в сказке о Золушке. Когда невидимые куранты пробьют свой час, всё вернется назад.

Я лежу на неразобранной постели, держа в ладонях темное дерево. Песчинки опадают вниз золотым дождем, и каждая из них — это секунда, возвращающаяся обратно в круговорот времени. Где-то далеко в своей квартире Гаспар смотрит на медленно текущий золотой дождь, но каждая песчинка для него — это отражение, которое он пытается разглядеть в зеркале своих воспоминаний.

Когда я, наконец-то, могу выйти из дома, не привлекая к себе слишком много внимания, я уже знаю план действий. Для начала мне надо узнать — как поживает мой бывший муж, и насколько много он знает о случившемся. Поэтому я сижу в кафе, куда он заходит каждый день в перерыве. Я знаю — где его любимый столик, и спокойно поглядываю на телефон, ожидая его появления. В неброской женщине с волосами, собранными в хвост, сосредоточенно пьющей кофе и листавшей документы, нельзя узнать меня или заставить посмотреть дважды в мою сторону. Потому, что такой типаж не привлекает мужчину, чье появление произойдет с минуты на минуту.

Столики в этом уютном местечке отделены друг от друга декоративными перегородками, по которым вьется декоративная лоза винограда. Весьма мило и вдобавок создает ощущение практически полной конфиденциальности. Правда, она относительна, так как разговоры и громкие голоса спрятать за перегородки невозможно, но это всё равно делает обстановку очень милой. Мне достаточно немного повернуть голову, протягивая руку к чашке с латэ, чтобы убедиться в том, что Габриил пересекает пространство зала и направляется к своему столику, расположенному как раз за моей спиной. Он устраивается поудобнее в мягком кресле, шутит с официантом, подающим ему меню. Затем наступает недолгая тишина. Официант возвращается, неся на подносе кофе со сливками и два круассана. Я знаю наизусть то, что этот человек заказывает практически каждый день.

Очевидно, что я зря так рискую, оказываясь рядом с бывшим. Проходит более двадцати минут, а он сидит в полном одиночестве и наслаждается ароматным кофе. С другой стороны, а чего я ожидала? Что вот так приду и сразу узнаю все планы и гадкие мысли,

гнездящиеся в его голове? Конечно же нет. Уже окончательно убедившись в отсутствии результатов, я думаю о том, что можно попробовать уйти, не привлекая внимания. И в этот момент раздаётся негромкая мелодия звонка, так же хорошо мне известная. Габриил отвечает не сразу, но с первых же его слов я понимаю, что задолжавшая мне вселенная решила вернуть должок.

— Ну наконец-то, — ворчливо произносит бывший, — если бы ты знал, какие это ужасные дни. Я весь на нервах.

Он молчит, слушая собеседника, затем понижает голос, начиная делиться своими переживаниями:

— Они не позвонили потом. Я даже не знаю — что мне думать. Словно канули в воду. И это при всём том, что она до сих пор молчит и не даёт знать о себе, полиция, звонки, все такое. Могли эти парни просто взять деньги и сбежать? Ты уверен?

Бедняжка. Лишиться и денег, и уверенности в своем плане. Почти жаль неудавшегося злодея. А он тем временем продолжает говорить, и в голосе его чувствуется некоторое облегчение: — В любом случае я уверен, что она не станет поднимать шум. Не должна, я ее знаю.

Я еле слышно скриплю зубами от злости. Когда доброе отношение расценивают как кретинизм, хочется платить людям той же монетой, какой они размениваются с тобой.

— Во всяком случае, этот молодой мужчина, который посоветовал всегда выбирать самый удобный путь к решению нашей проблемы, даже не знает, какую огромную услугу мне оказал. А ведь мы всего лишь случайно перекинулись парой слов, когда были на встрече в комитете. Он даже не подозревает, что его фраза пришлась как нельзя кстати. Я бы сам долго не смог решиться на радикальные меры, а тут — такая отличная фраза, такой мощный толчок. Да, да, — бывший смеется, — ты видел его потом на вечере. Какая у него была спутница! Обожаю рыжеволосых.

Если сердце действительно может пропускать удары, то оно явно решило взять паузу секунд на пять. Рыжеволосая спутница. Женщина, с которой был Гаспар. Мужчина, оказавший услугу бывшему, посоветовавший добиваться своей цели самым удобным путем. Человек, недоумивший Габриила нанять людей, чтобы убить меня за одну роспись на документе. Он знал, что произойдет, иначе потом не оказался бы там, в старом сарае, чтобы оставить от несостоявшихся убийц лишь пару кистей как собственную роспись. Гаспар знал — с кем говорит и, вероятней всего, догадывался о том, что его слова подтолкнут Габриила и Алана к убийству.

Он хотел, чтобы они сделали этот шаг.

И вместе с тем он приходит в мой дом. Он заботится обо мне, как о близком ему человеке. Для чего это нужно? Улыбаться и спрашивать о моем самочувствии, перевязывать ободранные руки, касаясь их и зная, что это сделано благодаря ему. Не проще ли было бы тогда самому избавиться от меня в один из вечеров, которые Гаспар проводит, улыбаясь и разговаривая со мной, как старый друг? Или же он хочет, чтобы его руки не были замараны моей смертью, пусть лучше кто-то другой сделает это за него?

Я практически ничего не слышу. Ни голоса за спиной, ни музыки, ни чьего-то смеха. Вокруг меня — пузырь тусклой пустоты. Это всего лишь шок, не более, и я делаю вдох, затем задерживаю воздух и потом выдыхаю его. Много раз, пока пустота не отходит куда-то назад, а я не возвращаюсь в мир цвета и звука.

Колесо ножей-сомнений совершает еще один оборот, но теперь оно движется

медленной, и борозды от его следов куда как глубже. Скоро оно остановится, а вместо кровавых полос начнут появляться мертвые куски там, где раньше было доверие. Теперь я уже больше не сомневаюсь в том, что человек, которого я знаю как Гаспара, имеет двойное дно. И второе лежит слишком глубоко, чтобы можно было его разглядеть и остерегаться.

Я выхожу из кафе почти следом за Габриилом. Мне практически нет дела до него больше. Теперь, когда я знаю гораздо больше о людях, которых считала лучше, чем они есть, я словно перестаю думать эмоционально и торопливо, как раньше. В голове холодно щелкают мысли, которые четко формируются в схему действий. Холодно — потому, что наружу всплывает моё второе Я, которое не всегда укладывается в рамки добра и милосердия.

Рано или поздно, каждый заплатит по счетам. Но сейчас самым главным становится та игра, которую затеял Гаспар. Несмотря на то, что это звучит крайне самодеянно, в нее могут играть два участника, не только он один. И я собираюсь стать вторым. А для того, чтобы начать свой ход, мне нужно одно — найти подход и усыпить его бдительность. Хотя это выглядит так же нереально, как идея подкупить Цербера домашними печеньками.

Я почти дошла до дома. Он кажется таким обычным и милым, светлое пятно среди желтеющей зелени. А между тем одно его существование вызывает желание убийства и зависть. Чем прекраснее снаружи, тем безобразнее внутри. Но это — мой дом, моя зона комфорта, и как бы там не было, я не позволю никому нарушить ее границы.

Косметика смывается, исчезая в стоке раковины. В отражении ясно проступают остатки синяков и нежно-розовая кожа на месте ссадин и царапин. От горячей воды медленно запотевают поверхность зеркала, и моё лицо искажается и кривится. Я стираю испарину с зеркала, возвращая ему первозданный вид, и ухожу из ванной.

Пока на огне медленно тушится рыба, я навожу порядок, раскладываю все на свои места. Это успокаивает, вид вещей, имеющих четкое разделение и структуру. Заодно помогает мыслить рационально и не отвлекаться, подчиняясь схематичному разделению кухонной утвари. Я имею лишь гипотезу и весьма условные факты, с этим в полицию не пойдешь. Однако, только одна вещь может стать перевешивающей чашки весов — если у меня будут четкие доказательства, полученные без вреда для окружающих и нарушения закона. В противном случае, я рискую стать следующим телом в коллекции городского морга.

Парень, безмятежно стоящий на пороге, бросающий мимолетный взгляд вокруг, цепкий взгляд, не упускающий ни единой детали. Его улыбка зажигает легкие искры в глазах и демонстрирует воплощение спокойствия. Безопасность — вот что говорит его лицо, безопасность и внимание.

Я смотрю на изогнутые губы и вижу, как они улыбаются, предлагая Габриилу ту мысль, что толкнет его на попытку убить меня. Очевидно, все идёт так как должно, и мне удастся выглядеть обычно и естественно. Ровно до того момента, когда Гаспар сосредоточенно рассматривает последние синяки на моем лице. Он осторожно удерживает его, едва касаясь пальцами кожи, но я отлично чувствую тепло от них.

— Что ты думаешь об этом? — Мне не составляет труда смотреть прямо в его глаза, наблюдая, как черный круг зрачка то расширяется, то сужается в зависимости от падающего на него света.

— Пара дней, и все исчезнет, — отзывается Гаспар, едва заметно хмурясь, когда ему на глаза попадает тонкий розовый след на скуле. Он явно продержится еще долго, может

полгода, а может год. Очевидно, что Гаспар недоволен тем, что шрам всё-таки останется на лице.

— Если все-таки хочется отомстить обидчику, как много шрамов стоит ему оставить?

Черный зрачок, чуть дрогнув, застывает и не меняет размера. Не увеличивается, как обычно при эмоциональном выбросе, и не сужается. На мгновение мне кажется, что пальцы Гаспара чуть увеличили контакт, осторожно ложась на лицо. Затем ощущение пропадает, будто все это было лишь в моем мозгу. Гаспар не переводит взгляд на меня, он продолжает подводить итоги синякам. И только спустя минуту, убрав руку и отстранившись настолько, насколько требуют приличия, смотрит на меня.

— Столько, сколько потребуется, чтобы возместить ущерб.

Он улыбается, произнося это, как шутку.

— Тогда обидчика явно придется убить.

Я улыбаюсь, произнося это как ответную шутку.

Мой первый шаг по хрупкому мосту над бездной сделан.

Гаспар вскидывает брови, словно удивляется услышанному. Не потрясён таким заявлением, а немного удивлен. Поворачивается к столу, чтобы подхватить небольшой чайник, расписанный цветами.

— Иногда стоит выговорить то, что нас беспокоит. Выплеск эмоций помогает более трезво оценивать ситуацию с разных сторон, — Гаспар опускает горячий чайник на небольшую подставку и садится на свое место, — я предлагаю рассказать о том, как бы ты отомстила тому, кто тебя обидел.

— Насколько мне известно, это будет выглядеть как рассказ о подготовке к покушению, — я пробую горячий чай, — и в таком случае тебе придется заявить на меня в полицию.

— Те, кого мы считаем друзьями, и кто нам близок, являются исключением. Исключением, на которое не распространяются общепринятые правила, — Гаспара явно развеселила моя фраза, — так что, я выслушаю всё и пообещаю, что дальше этой комнаты сказанное никуда не уйдет.

— Хорошо, — я держу в руках чашку, раздумывая, затем осторожно ставлю ее на стол. Так осторожно, как если бы она была сделана из тончайшего хрусталя. Эта чашка — словно та часть меня, которая остается позади, за пределами поля пустоты, на котором нас только двое. Я и он, сидим друг напротив друга.

Глубокий вдох, прогоняющий кислород по артериям. Гаспар смотрит на меня, чуть прищурился глаза и ожидая.

Расскажи, как бы ты его убила.

Не знаю. Я не думаю, что я способна на такое.

Я выныриваю из своих мыслей и сталкиваюсь с взглядом Гаспара. И слабая улыбка, не доходящая до его глаз, не может скрыть напряженного ожидания, которым пронизана вся его фигура. Интересно, он понял, почему я спрашиваю его или же полагает, что мои слова связаны с чем-то другим? Мы смотрим друг на друга, и мир вокруг затихает, словно отступает как можно дальше, оставляя нас наедине с потрескивающей электрическими разрядами тишиной.

— Не думаю, что я способна кого-то убить, — криво усмехаясь, я вновь принимаюсь за чай. Гаспар, словно ничего не произошло, так же спокойно пожимает плечами.

— В таком случае тебе надо просто отдать все в руки баланса. В мире все находится в

равновесии, и рано или поздно, но баланс восстанавливается.

Сегодня Гаспар одет просто, рубашка с завернутыми рукавами слегка измята тем, что поверх нее была надета куртка. Он выглядит на удивление превосходно во всем, что носит, и ни разу мне не удавалось увидеть его в чем-то, что ему не шло. Я не знаю, что сильнее заставляет испытывать холодное желание обыграть его и привести к расплате — обманутое доверие или желание справедливости для других. Иногда кажется, что и то, и то. Иногда, когда я смотрю на его осторожные движения и проявляемую заботу, кажется, что я начинаю его ненавидеть за то, что он позволил мне поверить ему, а потом подтолкнул Габриила и Алана к решению убить меня.

Тем временем Гаспар чуть отодвигает штору на окне, позволяя лучам заката пробраться в дом. Облака не закрывают солнца, медленно наползая со всех сторон, и освещаются снизу еще не спрятавшимся светиллом.

— Не составишь мне компанию? — Я стою у двери, ожидая его ответа.

— С удовольствием, — то, как могут отражаться на его лице чувства, сопровождаемые богатой на оттенки улыбкой и невероятным отблеском эмоций в глазах, повергает в восхищение. Особенно, когда вспоминаешь, что половина из них, если не больше, являются игрой.

Мы выходим из дома, и я привычно поднимаю руки, чтобы надеть капюшон, скрывающий раскраску на лице. Но Гаспар перехватывает их на середине движения и удерживает, не давая коснуться ткани.

— Не надо, — объясняет он мне так, словно я — маленький, несмышленный ребенок, — никогда не надо прятаться от мира. Носи с гордостью то, что принадлежит тебе — не важно, что их оставило.

— Я должна демонстрировать всем разбитое лицо? — недовольно возражаю я.

— Нет. Демонстрируй миру то, что тебя ничто не может лишить достоинства и превосходства, — с этими словами Гаспар опускает одну мою руку на сгиб своего локтя и шагает вперед, увлекая меня за собой.

Облака становятся красного цвета, отблески заката, обещающего наутро ветреную погоду, заставляют их превращаться в гигантские багровые перья, разбросанные по небу. Словно кто-то взял кисть и разукрасил небосклон яркими мазками. Солнце еще видно над горизонтом, небольшая полоска его сияет как кусок рубина.

Непривычно идти по улице вот так, вместе с кем-то. Я отвыкла от этого, и осторожно пробую вновь ощущение чужого присутствия рядом. Бросив пару косых взглядов на Гаспара, замечаю, что он как обычно спокоен. Каждое движение точно и размеренно, и большая фигура словно источает ауру достоинства и уверенности. И они медленно, но верно окутывают меня, заставляя неожиданно ощутить справедливость его слов. Сохранять достоинство и независимость. Я снова кошусь в его сторону и сталкиваюсь с направленным на меня взглядом. Гаспар смотрит ободряюще и с выражением в полной уверенности во мне. Я чуть сжимаю пальцы на его плече, давая понять, что оценила поддержку, и отвожу глаза.

Мы возвращаемся уже тогда, когда рубиновая полоска почти ушла за горизонт. Еще светло, но уже начинает смеркаться, и тени становятся длиннее, протягивая свои тонкие щупальца из всех темных закоулков.

— Не думай о плохом, — Гаспар позволяет моим пальцам выскользнуть из захвата его согнутой руки. Я открываю дверь и поворачиваюсь к нему.

— Попробую, но не думаю, что получится.

— Тогда постарайся дистанцироваться от тех, кто является причиной всего.

Я смотрю в дышащее искренним участием лицо, словно надеюсь заглянуть внутрь и увидеть то, что он прячет за ним. — Это будет еще сложнее. Ведь обычно шрамы нам оставляют те, кто был ближе всех.

Тишина возникает всего лишь на короткий миг, но она слишком глубокая, холодная и мрачная, чтобы сойти за простую паузу. Затем Гаспар качает головой, соглашаясь со мной, и уходит, пожелав доброй ночи и посоветовав не забыть принять лекарства. Закрыв дверь, я стою в темной тишине дома, осознавая снизошедшее откровение — он знает гораздо больше о моих мыслях, чем я предполагаю. Или же догадывается о них, почти так же, как если бы мог знать наверняка.

Глава 12

Если можно собрать воедино усталость от несколько бессонных ночей, острый взгляд слегка покрасневших глаз, похожий на ощущение метки от прицела снайпера и добавить к этому совсем немного от женщины в деловом костюме, то именно так получалась Анна Тагамуто. Она сидела расслабленно и непринужденно, но в каждую минуту была готова превратиться в бойца, готового отражать нападение. Единственное сравнение, приходившее в голову при виде нее, было — текучая, меняющая форму ртуть. Мы сидели в небольшом кафе, куда она пришла, согласившись на мою просьбу встретиться в месте, которое могло быть хорошо просматриваемо и, с другой стороны, не позволяло никому незаметно наблюдать за нами.

— Значит, Вы полагаете, что знаете Художника, — Тагамуто выглядела вполне доброжелательно, но это не могло ввести меня в заблуждение. Она была настороже, но я не могла не понять ее. Когда я позвонила и попросила связать меня с тем, кто ведет дело по серии последних убийств, подозрительность источал даже телефон полиции. Они не могли выйти на убийцу, "Художника" — так прозвали его полицейские вслед за прессой. А тут им звонят и говорят о нём. Нечего сказать, прямо в точку и вовремя.

Я кивнула.

— У Вас имеются какие-то сведения о нём? — Тагамуто ободряюще улыбнулась мне, считая, что я боюсь говорить. Я не боялась, я не знала — как правильно рассказать обо всем. — Вы можете доверять мне, — подтвердила она мои подозрения о ее мыслях.

— Тогда Вам придется просто поверить мне, — предупредила я.

Когда я закончила, умолчав о половине деталей, казавшихся лишними или слишком личными, лицо Тагамуто было непроницаемо как камень. Она не улыбалась, ее глаза оценивали меня как два детектора. И я не знала — поверила ли она в ту абсурдную историю, которую я ей изложила.

После недолгого молчания она положила перед собой обе руки, сцепив их в замок, и заговорила:

— Вы считаете, что мужчина, которого знаете несколько месяцев, является тем самым серийным убийцей, которого мы разыскиваем. В таком случае я могу предположить два варианта — либо он делает Вас соучастницей, либо Вы можете находиться в опасности. То, что Вы описали, очень сильно похоже на психологический портрет, составленный нашим специалистом, потому я все же предполагаю, что Ваш знакомый действительно может оказаться Художником.

— Есть небольшая проблема, — я кашлянула, — теперь он подозревает, что я знаю правду о нем. Поэтому я попросила о встрече именно здесь.

Тагамуто пристально смотрела на меня, и мне все меньше нравилось ее молчание.

— Мне придется взять Ваши показания, — она предупреждающе подняла руки, — разумеется, полностью обезопасив Вас, если всё подтвердится. Возможно даже, что Вам придется оказаться в программе защиты свидетелей.

— Я не хочу прятаться. Если он поймет, что я поделилась с Вами своими подозрениями, то ляжет на дно. А я хочу, чтобы Вы поймали его.

Я абсолютно не разбиралась в тонкостях дел следствия, но интуитивно понимала — это правильное решение. Тагамуто вновь молчала, обдумывая все. Я видела, что она готова рассматривать любые варианты, чтобы поймать не дающегося в руки полиции убийцу.

— Думаю, что это будет лучше, — наконец согласилась она, — но Вы никоим образом не должны провоцировать его. Я обеспечу Вашу безопасность, а Вы поможете мне поймать его.

Я кивнула. Ради поимки своей цели Тагамуто рассмотрит любые варианты охоты, даже с участием живца в человеческом облики. Жестоко, но выбирать не приходилось.

Я уже уходила, когда Тагамуто остановила меня вопросом:

— Насколько вы с ним близки?

До сих пор я никогда не осознавала того, что отношение Гаспара было исключаяющим более близкий интерес. Забота — да. Внимание — да. Остальное выпадало, или он это тщательно скрывал. Что удивительно, я поняла, что это меня даже немного задевает. Проклятая часть женской натуры, склонная всегда искать подтверждение своей привлекательности, явно была сейчас некстати. Я пожала плечами, глядя на Тагамуто.

— Мы не близки.

— Понятно, — Анна была явно не удовлетворена ответом, но не могла же я врать, чтобы создать другую реальность, более подходящую под ее ожидания.

Если Гаспар появится, веди себя как обычно, не показывая настороженности или намеренно избегая его. Вот такие инструкции дала мне Тагамуто, но я все-таки рассчитывала на что-то более определенное.

По счастливому стечению обстоятельств мне даже не приходилось применять инструкции в деле, так как я находилась в одиночестве, и компанию мне составляли мои мысли и тишина дома. Уже неделю Гаспар оставлял вежливые сообщения, которые рассказывали мне его неторопливым голосом о том, что происходит вокруг. О ночных огнях на площади, о скульптурах, украшающих стены средневекового собора. О том, как блюдо, которое готовят в двух районах города абсолютно одинаково, подается при этом под разными названиями. Гаспар вел себя так, словно не находится в поездке за несколько тысяч миль, а стоит рядом, рассказывая о том, что привлекло его взгляд.

Хотелось бы мне не думать о нем, но это было сложно. Привычка всегда видеть его, ощущать его присутствие, пускай даже неискреннее участие, стала самым сложным препятствием. Он врос в мою жизнь, во все ее части, и куда я не смотрела, всюду натыкалась на него. Позволив Гаспару стать больше, чем случайным знакомым, позволив ему проявлять внимание, заботу, я попала в мягкий, но цепкий капкан. Сейчас было слишком поздно разбираться и анализировать, слишком уж было очевидно то, что в какой-то момент жизнь разделилась на куски с Гаспаром и без него. Та часть, где я была одна, походила на нарисованный комикс, ненатуральный, неживой, лишенный красок. И сама я в нём была сломанным роботом, запрограммированным доказывать всему миру, что могу идти против всех и шагать в одиночестве, волоча ноги и теряя детали. А там, где был Гаспар, мир

оставался настоящим. Цельным. Всегда дающим мне крепкую веру в то, что в любой момент, если споткнешься, тебя подхватят и помогут устоять.

Теперь оказывалось, что каким-то неведомым образом всё перевернулось наоборот. Правда стала выглядеть ложью, а ложь — правдой.

И это еще больше распаляло бессильную злобу, которая полыхала как хороший столб пожара.

В конце недели мне позвонила Тагамуто и предложила встретиться. Мы снова сидели в кафе, на этот раз в другом месте, и всё это могло бы выглядеть смешной игрой в шпионов, но оно так не выглядело. Был вечер, и народу было достаточно много. Анне приходилось говорить достаточно громко, чтобы я ее могла услышать. Сегодня женщина была в спортивном костюме, словно вышла на пробежку, но только невнимательный наблюдатель мог не заметить того, что она опасна даже в таком мирном облики.

— Мы проверяем информацию, но пока всё выглядит малоутешительно, — она отстраненно посмотрела на бутылку пива, стоящую перед ней, — ничего такого, что могло дать зацепок.

Я молчала. Этого и следовало ожидать, Гаспар должен был быть слишком осторожен, чтобы не оставить ни единого следа, ведущего к нему. Но он не совершенен, и всё равно где-то сделает ошибку.

— Это он, — я была в этом уверена, и мне было важно только одно — Тагамуто должна найти эту ошибку в его поступках.

— Вы понимаете, что мы не можем просто так предъявить обвинение человеку, без улик, без подтверждений?

— А те убийства? Должно быть что-то, что объединяет их, ведь полиция сама признает, что их совершил один человек, — я не собиралась сдаваться. Тагамуто сжала рот в тонкую линию, явно не одобряя мою яростную речь.

— Вы хотите, чтобы я пришла и потребовала ордер на арест человека без доказательств? Вы знаете, что у него есть алиби в виде ряда встреч, — она осеклась на мгновение, — и лиц, которые могут подтвердить то, что были с ним?

Я криво ухмыльнулась, вспоминая рыжеволосую женщину. Не моё дело — моральный облик Гаспара, но Анна, по всей видимости, сочла, что меня это может как-то задеть.

— Возможно, он что-то говорил Вам или рассказывал какие-то детали? — Тагамуто была похожа на бульдога — несмотря на то, что все ее слова показывали безрезультатность расследования, она все же держалась мертвой хваткой, пока не вытаскивала сведения до конца.

— Нет, — я покачала головой. Анна разочарованно вздохнула.

— Я не беру Ваши показания в офисе потому, что понимаю — насколько высок риск. Но скорей всего Вы заблуждаетесь. Мы взяли образец ДНК у господина Хорста, но это пока не дало никаких результатов. Он не убивал или же убивал, но хорошо заметал следы. В любом случае — у нас по-прежнему нет ничего.

Я не заблуждалась, черт возьми. Я была уверена. Но Анна Тагамуто хотела доказательств, а их у меня не было.

Этот вечер явно захотел бы не наступать, если бы знал — каким ужасным он будет. Я сидела на кухне, опустошая бутылку коньяка так, словно это была обычная вода. Позади меня, на столе стояла еще пара бутылок, ожидающих своей очереди. Вчера, сходя с ума от

того, что не получается никак распутать клубок нити, затягивающейся петлей на шее, я зашла в ближайший магазин и купила все это алкогольное добро. Обычно я не страдала склонностью к алкоголизму, но сейчас заливала коньяк в себя и думала. Пыталась думать, точнее. Казалось, что я ищу выхода из комнаты без двери. Но дверь есть, она просто спрятана слишком хорошо и незаметно. И я мечусь вдоль стен в поисках секретного рычага.

Зазвонил телефон, я подпрыгнула на стуле от неожиданности. Коньяк из чашки плеснул на светлую футболку, теперь его ни смыть, ни оттереть. Я поднесла трубку к уху и поморщилась от высокого, громкого голоса. Если проблемы приходят, то явно — все и сразу.

— Как дела, дорогая? Ты совсем не жалеешь мои нервы и не ценишь нас! Пропать опять на месяц — это уже совсем эгоистично! Разве сложно просто взять и позвонить своей единственной сестре, чтобы сказать пару слов?

Я прислонилась лбом к стене, отодвинув трубку подальше, чтобы не подскакивать от каждого виража голоса сестры.

— Для начала ты сама мне звонишь, раз в два месяца и то, чтобы проверить — не сдохла ли я, и не придется ли вам тратиться на похороны, — огрызнулась я, собирая воедино разбегающиеся слова и складывая из них предложение. Сестра потрясенно замолчала, явно не ожидая такой откровенной грубости. Обычно я никогда так не разговаривала, но сейчас в моей голове мозг блаженно утопал в коньяке и махал всем правилам приличия ручкой.

— Что случилось? С тобой всё в порядке? — Нина даже стала говорить гораздо тише, что свидетельствовало о том, что она явно растеряна.

— Я в полнейшем порядке, — заявила я, отодвигаясь от прохладной стены, — и чтобы ты могла сама в этом убедиться, я завтра загляну к вам.

Не слушая ответ окончательно сбитой с толку Нины, я повесила трубку. Ещё бы, её сестра, которую невозможно затащить к ним в гости больше, чем раз в полгода, вдруг собирается сама навестить всех.

Завтра я сильно пожалею об этом, но сейчас мне всё равно. Бросив взгляд на бутылки и небольшой разгром на кухне, я бреду наверх, сшибая по дороге всё, что попадает под ноги.

Утро действительно дало мне почувствовать всю бессмысленность того, что я сделала накануне вечером. Болела голова, тоскливо ныла поджелудочная, и тошнило от всего, более-менее съедобного. Одним словом, было самое подходящее время для того, чтобы лежать и ощущать себя попавшей под каток собственной глупости.

Когда я, с трудом одеваясь, вспомнила про свое идиотское обещание приехать к сестре, то мне совсем стало плохо. Но деваться было некуда, сама сказала — сама отвечай. Проклиная свою глупость, я залила внутрь чашку кофе, проглотила аспирин и попыталась привести себя в более-менее приличный вид и вызвала такси.

Мы въехали на территорию, где каждый метр просматривался видеокамерами, и ничто не ускользало от наблюдения охраны. Раньше я не понимала смысла в таком параноидальном страхе, но, побывав в старом сарае, теперь осознавала весь тот кошмар, который не давал хозяевам этих мест спать спокойно и крепко. Если мой небольшой дом обернулся таким злом, то, что говорить о шикарных дворцах, сияющих своим достатком. И мне даже стало жаль Нину, жить заложником своего комфорта — что может быть хуже?

Подходя к стеклянной двери, вокруг которой висели кашпо с какими-то цветами, я все же не забывала ни на минуту о том, какую роль играл муж моей сестры в моей истории. И я собиралась продемонстрировать то, что меня будет сложно просто так убрать со счетов. Это не могло не вдохновлять, и даже назойливая тяжесть в голове немного отступила в сторону.

Если сестра и была не готова к моему визиту, то не подавала вида. Она болтала и болтала без умолку, засыпая меня всякими сплетнями и новостями, а я ее слушала и периодически вставляла пару слов, чтобы изобразить участие в беседе.

Когда же она остановилась, взяв передышку, я поинтересовалась:

— Как дела у Алана?

— Отлично, он сейчас занимается серьезным проектом. Представляешь — он хочет открыть сеть супермаркетов в районах, где люди очень нуждаются в фиксированных ценах, — оживление Нины заставило меня подумать о том, что Алан явно хочет сорвать большой куш. Видя, что суть идеи до меня не дошла, Нина пояснила, — в некоторых районах среднего уровня Алан планирует выкупить земельные участки и построить супермаркеты эконом-класса.

Вот оно что. Теперь понятно, почему так волновал Габриила мой дом, точнее земля, на которой он стоит. После того, как она перешла бы в его руки, бывший передал бы деньги Алану. А тот построил бы на месте дома супермаркет, куда сбрасывали бы всякое третьесортное дерьмо, рассчитывая, что те, кому не приходится выбирать, не страдают большими запросами и возьмут то, что им кидают.

Сейчас мне почему-то перестало быть жалко не спящих ночами от беспокойства богатых обитателей домов на этой улице.

— Действительно, хорошая идея, — согласилась я, глядя на сестру. Уложенная стрижка, ухоженная кожа, поблескивающие в ушах небольшие серьги с камнями. Как мы могли быть с ней родными и при этом абсолютно чужими? В чем скрывался секрет? Вроде мы жили в одной семье, нас воспитывали одинаково — одни правила, одни законы и одни устои для нас обеих. Как каждая из нас выросла разным человеком, живущим в разных мирах, не имеющих ничего общего между собой?

Неожиданно я поняла одну вещь, которую не замечала раньше. Что ей, что мне — нам неудобно находиться рядом. Словно мы служим друг другу неммым напоминанием о том, что для нее является неудобным прошлым, не вписывающимся в рамки Нины, а для меня — очередным взглядом в то, что когда-то соединяло нас всех, а потом разбилось вдребезги и исчезло.

Посидев с сестрой еще немного, я решила, что пора заканчивать свой визит. Нина стала сетовать, что я вечно тороплюсь поскорей уйти, но на самом деле она была втайне рада окончанию нашего общения. Когда мы шли через ряд комнат к выходу, она продолжала еще что-то рассказывать, но уже с меньшим энтузиазмом, чем прежде. Сделав вид, что горячо обнялись на прощание, мы оглядели друг друга в неловком молчании.

В этот момент дверь отворилась, пропуская широкую фигуру Алана, похожую на детский волчок. Нина разом позабыла о неловкости, превращаясь в себя настоящую. Она расцеловала мужа, держа его лицо так, что казалось, будто оно съехало вперед складками, как морда шарпея. Алан снисходительно позволял себя тормозить, и я подумала, что они вполне подходят друг другу — оба никогда не поступятся своим комфортом и знают, чего хотят для себя.

— Дорогой, смотри, кто у нас сегодня, — вспомнив про меня, защебетала Нина. Алан растянул полные губы в улыбке, приветствуя меня. Я улыбалась ему, а сама с интересом смотрела в холодные, цепкие глазки, внутри которых словно непрерывно работал калькулятор. До глаз его улыбка никогда не доходила.

Дверь за спиной Алана отворилась, и он отодвинулся в сторону, позволяя всем

лицезреть еще одного сегодняшнего гостя. Не будь я почти готова к такому, наверно дурачки захихикала бы, восхищаясь тем, какой злой иронией обладает то, что мы называем "стечением обстоятельств". Вместо этого я просто улыбалась и смотрела на человека, чьи глаза были похожи на две большие плоскости. Если Габриил и знал плохие дни, то сегодня как раз был один такой.

— О, боже, какой сюрприз, — воскликнула Нина, всплескивая руками, — проходи, не стой у дверей!

Габриил сейчас явно мечтал оказаться не просто у дверей, а где-нибудь на другом континенте. Желательно, под чужим именем и с чужими документами.

— Действительно, какая встреча, — я не скрывала издевку в голосе. Кажется, я считала, что должна встретиться со всеми ними лицом к лицу? Ваш заказ готов, мадам.

Габриил что-то вяло пробормотал, Алан снисходительно кивнул ему, явно призывая ободриться.

— Жаль, что уже уйду, но я рада всех вас видеть, — я посмотрела на Нину, сладко улыбающуюся мужу и не замечающую одеревеневшей физиономии Габриила. Все трое горячо, и от того еще более фальшиво попрощались со мной нестройным хором. Я была уверена — двое из них провожали совсем недобрыми взглядом мою спину, пока я удалялась к воротам, за которыми меня ждало такси, и была в пределах видимости из окон дома.

Где-то на середине дороги, когда мы проезжали старый парк в центре города, я попросила таксиста остановиться и пошла дальше пешком. Листья медленно опадали вниз, на землю, и тишина была наполнена слабым шорохом. По привычке натянув на голову капюшон, я брела между высоких рядов деревьев и наслаждалась ощущением свободы. Никаких стен — ни реальных, каменных, ни искусственных, в виде придуманных клеток-решеток. Если отвести в сторону все, что превращает людей в сложенную массу, то остается лишь человек и вселенная. И тут уже не свалишь ответственность за свои действия, решения на кого-то другого.

Большой лист плавно слетел с низкой ветки и упал мне прямо на ладони. В желтеющей ткани виднелись тонкие сеточки-прожилки, делающие его похожим на старое кружево, выцветшее от времени. Я опустила руку и позволила ему лететь дальше, к земле.

Парк не был слишком большим, где-то через пару поворотов уже виднелись в просветах деревьев дома улицы, пролегающей возле аллей. Я дошла до дома за какие-то полчаса. Оставалось пройти дорожку через газон, и я была бы у двери.

В кармане тихо запищал телефон, и я вытянула его из куртки, чтобы ответить на звонок.

— Если ты остановишься и обернешься назад, я буду очень признателен, — могу поспорить, что произнося это, Гаспар посмеивался. Несмотря на то, что я обдумывала всю неделю, несмотря на все мысли, я поймала себя на желании разъехаться в улыбке. Остановилась и оглянулась назад, задаваясь вопросом — как так получается, что он появляется, и в моей голове словно переключается какой-то рычаг?

Я ненавижу этого человека. Я знаю, что он желал мне смерти. Но сейчас я вижу улыбку, которая оставляет сеточку морщин в уголках глаз, вижу волосы, прядь которых выбивается и падает на широкий лоб. Меня раздражает на части то, кто передо мной и то, как он почти искренен сейчас.

Затем я вспоминаю то, что планировала все это время. Будь самой собой и не проявляй глупость. Поэтому я улыбаюсь во весь рот и шагаю Гаспару навстречу. Лгут все, в большей или меньшей мере, почему бы и мне не воспользоваться их же оружием?

В руке у Гаспара небольшой продолговатый сверток. Сам он выглядит как всегда — уверенным, с толикой лоска, но при этом немного усталым. Это видно по тому, как под глазами кожа темнее, чем обычно, словно он не спал достаточно долго.

— Я только вернулся в город, — отвечает он на мой вопрос, — пришлось провести несколько часов в самолете.

Мы заходим внутрь, и я на мгновение задаюсь вопросом — как часто Гаспар размышляет о моем убийстве, находясь здесь, ходя по комнатам дома? И направляюсь на кухню, ведь наши совместные посиделки уже превратились в своеобразный ритуал с чашкой горячего чая или кофе.

Пока чайник начинает потихоньку разогреваться, я возвращаюсь к Гаспару, явно над чем-то раздумывающим. Он протягивает мне сверток, и сейчас я слышу в его голосе немного деланное безразличие:

— Я подумал, что это может тебе понравиться.

Пока я вожусь с нежно-лиловой подарочной бумагой, которая придает свертку праздничный вид, Гаспар смотрит в окно. Если я правильно понимаю, то он в некотором напряжении ждет момента, когда я доберусь до прячущейся под бумагой вещи. Невероятно, он что, волнуется?

Это альбом. Красивый альбом в переплете, внутри которого собраны виды самых красивых мест мира, потрясающие своей трехмерной реалистичностью фотографии. Когда-то в школе я мечтала о таком, но это была именно мечта, стоящая чересчур дорого. И сейчас она покоится в моих руках. Сказать, что у меня перехватывает дух, значит не сказать ничего. Я могу только восхищенно таращиться на альбом, пожирая его глазами.

Затем, с большим усилием заставляю себя оторваться от созерцания воплотившейся мечты всего детства и протягиваю ее Гаспару. Да, моё сердце обливается кровью, но разум холоден и способен адекватно оценивать происходящее.

— Я не могу принять его. — Я могу его принять, но не от тебя. Не от того, кто скоро окажется за решеткой и не сможет больше играть со мной, с полицией, со своими жертвами, — Это дорогой подарок. Очень уж дорогой.

— Он не настолько дорогой, — Гаспар выглядит немного снисходительно, пытаюсь переубедить меня. Но я помню, что абсолютно всему в нем нельзя верить. И потому отрицательно качаю головой, показывая, что остаюсь при своем мнении. Если Гаспар и испытывает обиду, то не показывает ее никоим образом. Он берет альбом у меня из рук, несколько секунд смотрит на него, размышляя. Затем подходит к шкафу с книгами возле камина и кладет альбом на одну из полок. Не давая мне открыть рта и продолжить отказываться, он оборачивается и кивает на шкаф: — В таком случае я даю его, чтобы ты могли полистать на досуге. А затем вернешь альбом мне, если захочешь.

Я молчу, его довод таков, что, продолжив стоять на своем, я буду выглядеть и глупо, и подозрительно. А ещё — втайне я поработана его подарком. Позорная слабость, которую Гаспар умело облакает в такую форму, что она не выглядит больше опасной и постыдной.

Все время пока он здесь, Гаспар периодически словно уходит в свои мысли, почти не слушая меня. При этом он выглядит так, словно часть него здесь, рядом со мной, а другая часть погружена внутрь, в размышления. Обычно он всегда невероятно вежлив и почти обостренно реагирует на каждое движение или смену выражения на лице. А сейчас его взгляд мельком касается меня и вновь фокусируется где-то там, в глубине себя.

— С тобой всё хорошо? — Я уже несколько минут исподволь наблюдаю за Гаспаром, —

тебе стоило бы отдохнуть после перелета, поспать.

Улыбка его выглядит почти натянутой, и неприятный коготок беспокойства начинает царапать меня.

— Все нормально, просто смена часового пояса и большой объем работы — не то, на что хочется тратить время.

Три часовых пояса — не такая уж большая нагрузка, но я могу ошибаться. Чай с мятой и чабрецом, чей аромат заполняет кухню, способствует тому, что постепенно Гаспар расслабляется и все реже уходит куда-то в дебри своих размышлений.

— Тебе хотелось бы уехать отсюда? Бросить все и изменить жизнь?

Я вздрагиваю от неожиданности.

— Иногда — да, хотелось бы.

— И ты готова к переменам? Не боишься, что они могут оказаться кардинальными?

Я не могу понять — в чем подвох, что он хочет узнать этими вопросами.

— Любые перемены — это шанс напомнить себе, что ты жив.

Гаспар наклоняется вперед, через стол и, глядя мне прямо в глаза, спрашивает:

— Ты так сильно хочешь почувствовать себя живой?

Передо мной оказывается тусклый свет, освещающий грязные деревянные полы. Я снова чувствую вкус своей крови на губах, и мои руки вновь немеют, стянутые веревкой. А за дверью раздаются мерзкие хрустящие и хлюпающие звуки.

— Да, хочу, — я смотрю прямо в лицо Гаспару.

Гаспар прикрывает глаза, затем поднимается со своего места. Я направляюсь за ним к дверям, провожая своего гостя. Он действительно выглядит уставшим. Утомленным. Это чувствуется в том, как он двигается — более скованно, медленно, не тратя впустую силы. Гаспар в хорошей физической форме, и его мало что может так измотать.

Я стираю мысль о возможной паре новых трупов, боясь, что она легко может отразиться на моем лице. Это не моя забота. Теперь этим должна заниматься Тагамуто.

У двери Гаспар поворачивается ко мне. Но вместо того, чтобы произнести банальное прощание, он молчит. Молчит, а затем осторожно поднимает руку и смахивает с моих волос какую-то пылинку. Этот жест выглядит настолько интимно, словно за ним прячется что-то гораздо большее, чем знак внимания. Я не успеваю отстраниться, и запоздало думаю, что так-то оно и лучше.

Не провоцируй.

— Если ты действительно хочешь ощущать себя живой, то должна быть всегда готова к переменам, — Гаспар наклоняет голову, вглядываясь в моё лицо, — каждую секунду, в любой момент.

Почему-то мне кажется, что он выглядит таким необычно не от долгой утомительной работы. В его глазах светится отблеск усталости, которая сопутствует тяжелому решению или переживанию. Я не знаю его мыслей, но всё же замечаю то, что в этот раз он явно чем-то озабочен слишком сильно. И не старается этого скрыть.

Глава 13

Дожди пришли неожиданно. Их принес с собой туман, который становился каждое утро все гуще и холоднее. Он медленно завоевывал территорию, прокладывая путь настоящей осени — сырой, промозглой и ветренной. Где-то внизу, у подножия берега море все чаще начинало беспокоиться, предвкусывая скорые шторма, на которые осень тоже никогда не скупилась.

Первый день осенней непогоды был серым, молчаливым и незаметным. Дождь выглядел небольшой моросью, которая косо ложилась на оконное стекло и, судя по этим следам, становилась все больше и сильнее. Такие дни заставляли плотнее закутаться в теплые вещи и забраться в самый дальний угол дома, надежно защищающий от подступающих холодов. Еще хотелось спать. Это желание было таким же глубоким и первобытным, как и инстинкт самосохранения, связывающий человечество с животным миром, готовящимся залечь в спячку. Осенью всегда хочется спать, даже если ты выспался и чувствуешь себя бодрым. И стоит больших трудов не поддаваться искушению нырнуть в кровать, соорудив теплую нору из одеял и подушек, чтобы не вылезать оттуда до весны.

Не хотелось лишней раз выйти за порог, но необходимость в виде опустевшего холодильника требовала прогулки за хлебом насущным. В тысячный раз пожалев об отсутствии машины, я с недовольством выбралась наружу — из уютного тепла в неопределенную плаксивую сырость. Дождь, или то, что претендовало им называться, раздражал. Он был слишком мелким, слишком резко бьющим в лицо, словно с неба падали не капли воды, а сгущенные кусочки тумана. От него сразу утяжелялась ткань одежды, на лице словно выступал мелкий пот, и сырость медленно проникала во все тело, пытаюсь добраться до костей.

Погода не изменилась и тогда, когда я выбралась из магазинов спустя пару часов. Она оставалась прежней, и, мне почти казалось, что морозящий дождь будто бы назло бьет только в лицо, не меняя направления. Решив не обращать на это внимания и не злиться на погоду, которая не работает по приказам человечества, я заторопилась назад.

Улица делала поворот почти под прямым углом, поднимаясь на пологий склон, вершину которого занимали дома. Сам же склон был засажен декоративной акацией и другими кустарниками, которые весной придавали улице более красочный вид. Сейчас на половине из кустов еще оставалась листва, уныло шуршащая под легкими порывами ветра. Я дошла до середины уходящей вверх дороги, когда внимание привлекли виднеющиеся за блеклой листвой огоньки. Красный и синий, чередующиеся и мигающие сквозь косые линии дождя, который становился все сильнее.

Непроизвольно я замедлила шаг, затем и вовсе остановилась, подчинившись требованиям встревоженного инстинкта. Еще пара шагов — и меня будет видно с вершины. Я решила отойти как можно ближе к кустарнику и, прячась за остатками листвы, осмотреться.

Черный Рено стоял перед моим домом, и огоньки поблескивали, оповещая о том, что он принадлежит полиции. Не обращая внимания на дождь, возле машины стояли два человека. Крепко сложенный мужчина, гражданская одежда которого не могла никого обмануть. И женщина, узнать которую не составило труда. Почему-то я была уверена — Тагамуто

приехала сюда, так открыто не за тем, чтобы снова расспросить меня.

— Если ты хочешь ощущать себя живой, то должна быть готова к переменам каждую секунду, в любой момент. — Гаспар наклоняет голову, вглядываясь в моё лицо, и глаза его полны чего-то, что его тяготит и почти печалит.

Его глаза полны понимания. Он понимает то, что я сделала, черт возьми.

В следующее мгновение я бросаю пакет и почти бегом ухожу в сторону от дороги.

За всю свою жизнь я не предполагала, что наступит день, когда я буду метаться как загнанный в угол зверь. Я не знала — что произошло, но вид полиции внезапно напугал меня до чертиков. Сейчас я так же понимала, что я одна. Одна в холодном, промокшем городе, и мне не к кому броситься за помощью. Очевидно, я не рассчитала того, что меня легко обойдут в слишком неумелой игре с таким опытным соперником. Было бы проще попробовать не сопротивляться и позволить Тагамуто объяснить мне ситуацию, но я была не готова. Не готова вот так просто сдаться и оказаться снова — беспомощной и связанной, пусть даже это будет полиция, а не подручные Габриила.

При мне оставалось немного наличных — недостаточно для долгой дороги, но их вполне хватило бы добраться до дома сестры. Но там мне некого было просить о помощи. Я ехала в городском автобусе, надвинув капюшон так низко, как только можно, и ощущала две вещи — пустынное одиночество и холодную ярость, которая неспешно затапливала меня. Она не согревала, наоборот — разливала по венам холод, но он заставлял все вокруг быть более четким и ясным. Когда я вышла на пустынной остановке, то знала — куда направляюсь и что собираюсь делать.

Безлюдные улицы не обращали внимания на меня, единственного пешехода, рискнувшего в такую погоду топтать по лужам. Дождь становился все сильнее, и я чувствовала, как струйки воды стекают по кожаной куртке вниз. Дома походили на старые корабли, сбившиеся слишком близко друг к другу у причала. Я огляделась, пытаюсь различить сквозь косые линии дождя машины, стоящие перед домами. Затем подошла к двери одного из безликих домов и шагнула в черный провал темного, неосвещенного коридора.

Через несколько минут я стояла в другом коридоре, который мог гордиться наличием пары тусклых ламп, кое-как разгоняющих масляную черноту. Выход на пожарную лестницу к моему недовольству был закрыт, и я оглядывалась, ища другие варианты. Хотелось надеяться, что звук разбивающегося стекла был достаточно тихим. Я протиснулась в образовавшуюся дыру и вновь оказалась под холодным дождем.

Длинная конструкция балкона пожарной лестницы охватывала приличный кусок этажа. Запрещая себе смотреть вниз и пытаюсь ставить ноги так, чтобы они не скользили по мокрому металлу, я двинулась вперед. Два окна вправо. Третье. Угол старой деревянной рамы немного отходит. Поддавшись, он позволяет просунуть осколок битого стекла и повернуть им оконную щеколду. Чистое везенье, что окно ничем больше не оснащено. Я влезаю в открытую створку и стараюсь двигаться как можно тише. Почти бесшумно. Окно расположено в старом закутке, который сейчас служит чем-то вроде чулана и кладовки одновременно. Он расположен в углу квартиры так, что в тонкую щель между дверью и косяком можно увидеть практически все, происходящее.

На столе горит небольшая лампа, и свет мягко расходится по комнате из-под расписного абажура. Звуки льющейся воды в ванной нарушают тишину. Я практически не шевелюсь, стараясь ничего в этой камерке не задеть и не уронить. Вполне возможно, что

мне придется стоять так тут долго, но я готова стоять столько, сколько потребуется. Даже если тело начнет неметь от неудобства, я не сдвинусь ни на шаг.

Проходит не так много времени, когда звуки воды прекращаются, подчиняясь повернутому рукой крану. Дверь в ванную открывается, и тяжелые шаги раздаются где-то неподалеку. Останавливаются. Еще пара шагов в сторону. Опять тишина. Затем они раздаются совсем близко.

Он пересекает комнату, на ходу вытирая волосы полотенцем. Подходит к столу, ногой подвигая к себе стул. Ловким движением кидает полотенце на небольшой диван, стоящий у стены. Садится к столу, подтягивает какие-то бумаги и просматривает их, раскладывая перед собой.

Бумаги, неторопливо поднимаемые и перелистываемые, шелестят как сухие листья. Я медленно открываю дверь, совмещая свои движения и шорох. Мягкий ковролин скрадывает любой звук, но я всё равно плавно переношу свой вес с пятки на носок так, чтобы шаги стали почти бесшумными. Человек за столом протягивает руку к очередным документам и замирает, будто внезапно окаменевая. Время останавливается, в воздухе зависают лучи лампы, не доходя до стен, листок бумаги, слетевший на край стола, не шевелится. И не продолжает своего полета. Все замерло. Все молчит.

Я стою так близко, что легко могу разглядеть, как на шее мерными толчками бьется пульс. Могу ощутить аромат духов, отдающий пряными специями. Могу смотреть, как замедляется движение грудной клетки, выдающее желание не дышать.

— Они называют этого убийцу Художником, — я наклоняюсь к волосам с оттенком пепла, не повышая голос и заставляя его напрягать слух и концентрироваться на том, что я произношу. Он молчит, но толчки крови в его артериях продолжают свой размеренный ритм.

— Художник, — я произношу это слово еще тише.

Он делает едва заметное движение, но снова замирает, когда острый край осколка стекла ощутимо прижимается к такой тонкой и уязвимой коже, под которой пульсирует кровь.

— Я не понимаю тебя, — он опускает на стол руку, которая до сих пор висела в воздухе, не дотянувшись до бумаг.

— Тебе следовало не пользоваться такими стойкими духами, — я знаю, что так и будет. Он будет не понимать того, что я говорю, утверждать, что я заблуждаюсь.

— Ты могла бы сказать, что они тебе не нравятся, — его голос по-прежнему спокоен и полон чего-то среднего между доверительным тоном и укором.

— А еще я могла бы сказать, что мне не нравится, когда мне лгут, — его игра заставляет меня на мгновение испытывать желание ударить его.

— Я никогда не лгал тебе, — он говорит так искренне, что я фыркаю как лошадь. По-прежнему прижимая к его шее осколок, который я предусмотрительно запихнула в карман, когда разбила оконное стекло, я задираю рукав куртки и подвожу к его лицу свое запястье. От старого синяка не осталось следов, только беловатые ссадины, которые отчетливо видны в свете лампы. — Ты не лгал. Ты просто хотел меня убить.

— Единственное, чего я не пойму, так это того, что мешало тебе сделать это всеми вечерами, которые ты проводил со мной, изображая доброго друга. И что помешало тебе там, в том чертовом сарае? Не хотел сам потрошить меня, как тех остальных? Или приберёт на потом, чтобы прикончить, когда надоест играть в доброту и участие?

Пульс учащается. Он бьется сильными толчками, артерия натягивается как крученный канат, выступая над мышцами.

— Ты говоришь какие-то ужасные вещи. Что с тобой? — В глубине души я даже восхищена тем, как продолжает уверенно держаться Гаспар. Голос ни на секунду не меняется, оставаясь таким же, как обычно. Словно у его горла не держат острие и не разоблачают совершенные им дела.

— Ты убивал их всех, — а вот мне с трудом удастся играть, — убивал, оставлял на всеобщем обозрении и продолжал дальше строить из себя невинную овечку.

Гаспар делает движение, словно хочет вскинуть руки в защитном жесте, но я еще сильнее надавливаю стеклом на его шею, и он замирает.

— Жалеешь, что не прикончил меня? Надо было не бросать эту идею Габриилу и Алану, а запачкать свои руки самостоятельно.

— Ты заблуждаешься, — возражает он, и я прижимаю острие так сильно, что оно царапает кожу. Маленькая капля крови, как крошечный рубин расцветает на светлой коже, которой почти не коснулся загар. Если я опущу осколок на несколько градусов, то легко перережу его сонную артерию. И он знает это, когда начинает говорить. — Если ты так убеждена в том, что говоришь, почему тогда не закончишь все сама? Тебе достаточно только одного движения.

Я качаю головой, словно он может видеть меня.

— Я — не ты, если тебе это до сих пор не стало понятно. Это ты убийца, одержимый психопат, которому нравится убивать и натравливать одних людей на других, чтобы посмотреть — что из этого выйдет.

Он вздрагивает словно от отвращения к тому, что я произношу:

— Хорошо, можешь убить меня, если это даст тебе ощущение справедливости.

— Нет. Это не твои правила, а мои, — Я стараюсь не смотреть на то, как рубиновая капля медленно стекает вниз по шее, исчезая под ключицей. Гаспар качает головой, но затем вынужденно-устало отвечает:

— Если ты считаешь, что я убивал их всех, то наверно логично предположить, что для этого мне нужно слишком много времени. Которое уходило у меня на работу, на вечера в твоём доме. Подумай сама, когда мне их всех убивать?

— А это ты расскажешь сам, — я заставляю его отодвинуться вместе со стулом дальше, на середину комнаты. Если посмотреть со стороны — ситуация перевернута вверх ногами. Из нас двоих сейчас я близка к роли убийцы. А вот Гаспар напоминает беззащитную жертву. Он сидит боком ко мне, и я могу рассмотреть его полностью. Темно-синяя рубашка, заправленная в черные брюки и расстегнутая до середины, скрывает тонкую дорожку капель крови, уходящую вниз от линии шеи на грудь. Гаспар сидит босой, и это делает его каким-то расслабленным. Сочетание подчеркнутой темным цветом одежды элегантности и расслабленности. В неярком свете его светлая кожа выглядит похожей на туман, туман, создающий формы сильного и тренированного тела, и хочется не думать о том, что как любой туман он может взять и исчезнуть.

Передо мной сидит мужчина, от которого почти перехватывает дыхание, в его голове которого самые странные мысли. И забыть об этом нельзя ни на минуту.

— Если ты решила убить меня, то давай сделаем это быстро. Но ты хорошо подумала? Не окажется ли так, что приняв свои догадки за правду, ты совершишь ошибку? — Он смотрит на меня, неудобно повернув голову и не обращая внимания на то, что из-под

осколка сбегают вниз новые капли крови.

— Заткнись, — я улыбаюсь Гаспару, — и не думай, что я куплюсь на твои слова.

На дне его глаз, наблюдающих за мной, плещется далеко не страх. Там поблескивает интерес, но так незаметно, что я могу только случайно выхватить его искру из теплого водоворота. И на секунду я задумываюсь — не окажется ли так, что то, что я считаю его поражением — на самом деле просто новый ход?

Но эта мысль исчезает в грохоте, взрыве пыли, каких-то обломков, кусков деревянной двери и громком голосе, который почти выкрикивает:

— Поднимите руки и не двигайтесь!

Эта мысль взмывает на прощание радужную пыль света и осколков, когда на моих руках застегивают наручники, произнося:

— Вы арестованы.

Я бросаю на Гаспара ненавидящий взгляд. Будь моя возможность, я бы подожгла его глазами, но меня грубо дергают, заставляя двигаться вперед. Кажется, теперь любая попытка нацепить мне на руки что-то будет приводить к панике, и я трясу головой, заставляя себя оставаться на плаву. В коридоре толпятся жильцы, благодаря которым меня сейчас и выводят из квартиры в наручниках. Очевидно, что соседская назойливость не поленилась полезть в щели и подглядеть всё, что творится в этом маленьком темном мирке этажа. А там уже бдительные жильцы забили тревогу и вызвали полицию, не желая себе проблем.

Меня выводят на улицу, где по-прежнему хлещет косою дождь, и не слишком любезно заталкивают в машину, не обращая внимания на то, что я шиплю от боли, когда ударяюсь коленом об открытую дверь.

Прежде, чем глаза успевают привыкнуть к темноте, я понимаю, что нахожусь в машине не одна. Достаточно того, что второй человек в машине первым нарушает молчание, обращаясь в темноту:

— Если бы у Вас хватило ума не бросаться бежать, Вы бы сейчас сидели дома в тишине и спокойствии.

Не знаю, рада ли я тому, что Анна Тагамуто выглядит такой невозмутимой, но сказанного ею достаточно, чтобы я ощутила всю бессмысленную глупость своего поведения.

— Конечно же, Вы пробрались в чужую собственность и пытались убить человека.

— Я не собиралась никого убивать, — возражаю я. Нет, на секунду я хотела увидеть, как большое тело содрогается в конвульсиях, выбрасывающих кровь из рассеченных сосудов. Но лишь на секунду.

— Вы дали ему понять, что знаете — кто он, — голос Анны звучит так же ровно, как если бы она обсуждала погоду за окном. — И Вас не интересует, почему я приехала к Вам домой.

— Интересует, — хотя мне уже и поздно протестовать, но я вяло возражаю ей. Анна молчит, мужчина, который арестовал меня, сидит так, будто его не существует. Темная, безмолвная тень. Наконец Тагамуто поворачивается ко мне, я вижу ее лицо, слабо бледнеющее в полумраке между передним сидениями:

— Вы сделали все так, как я и планировала. Теперь будем надеяться, что события примут новый поворот.

Я не знаю — смеяться мне или начать бессмысленную речь о том, что меня использовали как дергающегося на крючке червя, но прежде, чем я решаюсь открыть рот, Тагамуто отворачивается и поправляет ремень безопасности.

— Насколько я помню, Вы хотели во чтобы то ни стало помочь поймать его.

Я едва заметно киваю, проглатывая все заготовленные слова.

— Значит, Вы с нами.

Патрульная машина, мигая фонарями, отъезжает в сторону, и я думаю — не получилось ли так, что я действительно делаю ошибки одну за другой?

Несмотря на то, что ночь в полицейском участке была не самым лучшим временем, ни усталости, ни головной боли я не ощущала. Сперва я ходила вдоль стены — десять шагов вперед, десять шагов назад. Когда первые клокочущие пары эмоций утихли, я вернулась к небольшому подобию скамейки-лежанки. Села, ощущая все углы и неровности, и принялась снова обдумывать всё заново.

Меня привезли сюда и провели в небольшую комнату для допросов. Это помещение можно было назвать слепым и немым, настолько оно было лишено хоть какого-то собственного духа. Зато воздух в нем был просто пропитан злом, страхом, холодным безразличием и тонким отзвуком крови. Через двадцать минут или меньше, время тут тоже отсутствовало, в допросную вошла Анна.

— Нам придется подержать Вас здесь до утра, поскольку только так можно правдиво объяснить Ваше поведение.

Дословно это означало — "сумасшедшую, которая полезла в пасть к крокодилу, надо обезопасить, чтобы крокодил не попытался ее догнать и сожрать".

— Мне показалось, что он знает о том, что я сообщила Вам о нем, — как бы там не было, крокодил чересчур умен и может сожрать меня не сразу, а потом.

— Если он не обладает сверхспособностями, то не узнает, — Анна была так спокойна, что на мгновение я подумала — она ведет себя так же, как и Гаспар. Она внимательно смотрела на меня, изучая, и только придя к каким-то своим выводам, снова заговорила, — Вам нужно запомнить всё, что я скажу.

Она говорила недолго и немного. Но мне с каждым ее словом казалось, что теперь я стою между двух огней, и они оба одинаково беспощадны. Теперь уже, идея рассказать полиции о том, что представляет из себя Гаспар, не выглядела такой правильной, как раньше.

Я покачала головой и тихо засмеялась. Можно жить в хорошей семье и получить отличное воспитание, но если ты являешься авантюристом и любителем неприятностей, они сами найдут тебя. Тагамуто вскользь обронила, что моё прошлое, в котором был не один и не два визита в полицию, ей известно. Как и кричала всегда Нина при ссорах — я на всю жизнь останусь паршивой овцой, способной только позорить себя и семью. Теперь оставалось лишь надеяться, что те крохи знаний, которые оставило паршивое прошлое, помогут мне продержаться между двумя огнями чуть дольше, чем те рассчитывают.

Может сейчас я и проигрывала по всем фронтам, но это был ещё не конец.

Все же под утро я задремала и проснулась только от того, что в мой хлев зашел какой-то полицейский и поднял с жесткой скамьи. Отчаянно зевая, я поплелась с ним и соображала так же туго, как бревно. Меня снова привели в безликую допросную, и я из всех сил таращила глаза, чтобы не задремать. Появлению Анны я не удивилась, поэтому продолжала дальше бороться со сном.

— За Вас внесен залог, — по ее лицу скользнуло неудовольствие, — и при всем желании мы не можем Вас не отпустить.

Прежде, чем я подумала, что теперь мне придется до конца жизни выслушивать

напоминания о том, какую жертву принесла ради меня сестра, узнав, что я попала в полицию, и за меня нужно внести неплохую сумму, Анна мимолетно бросила взгляд вбок, туда, где возвышалась одна из стен. Я подумала, что возможно там расположена комната наблюдения, а стена — это толстое стекло, затемненное со стороны допросной. Тагамуто настолько незаметно оглянулась, что я могла бы не заметить этого, не смотри я ей прямо в лицо.

— Отлично. Значит, я могу быть свободна? — Честно говоря, я просто мечтала о своей кровати.

— Да, но Вы должны ни на секунду не забывать того, о чем мы вчера говорили. Сейчас сюда придет лаборант и возьмет у Вас анализ на определение ДНК, — вчера я подписала согласие на проведение процедуры, поэтому согласно кивнула, — а после этого Вы можете вернуться домой.

Мне не гарантировали безопасность, не обещали ничего. Это была опасная игра, и теперь я превращалась в пешку Тагамуто, которой при необходимости можно будет пожертвовать. Может она и считала меня важной пешкой, но суть не менялась. Главным для Анны была задача поймать свою добычу.

Дверь за мной звучно хлопнула, словно ставя какую-то точку. Почему-то я думала, что на улице по-прежнему льет дождь, но навстречу мне выползло неяркое солнце из-за крыш соседних домов. Внизу, у последних ступеней, там, где парковались машины, стоял Гаспар. Так же обыденно и спокойно, как и всегда. Я видела его вплоть до мельчайших деталей, вроде легких складок на темном пальто, и мне хотелось завопить от злости так громко, как только хватит сил. Анна знала — кто внес залог, и она не соизволила мне сказать, она захотела столкнуть нас снова, решив пойти в очередной ход своей игры. Стоять вечно на лестнице я не могла, а потому мне пришлось начать передвигать ноги и спускаться вниз. За время, понадобившееся чтобы преодолеть пару ступеней, я уже взяла себя в руки.

Еще две ступени вниз, и я сворачиваю направо, оставляя Гаспара в стороне. Я иду, а каждый волосок на моей голове стоит дыбом, и по спине словно проползает холодный ветер.

— Ивана, — Гаспар догоняет меня, покрыв расстояние между нами за долю секунды. Только не перед зданием полиции. Только не здесь. Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему, нацепив на лицо самую невозмутимую маску.

— Как дела? — Интересуюсь я, а глаза мои невольно сползают вниз, от линии прямого подбородка к его шее. Элегантное темное кашне закрывает её, и мой рот так и хочет скривиться в ухмылке. Гаспар, в свою очередь, смотрит на меня, и я впервые не могу понять — что доминирует в его глазах там, позади видимого спокойствия.

— Ты пыталась убить меня, — он произносит это так, будто пробует на вкус слова, несущие для него новую информацию.

— Я думаю, что мы квиты, — я подхожу к нему ближе, — иначе бы ты не стоял тут, а сидел бы в своем логове и обдумывал между делом — когда тебе удобнее выпустить из меня кишки, не тратя время или же не нарушая заведенного графика.

Гаспар смотрит на меня так долго, что я запоздало думаю — этот человек способен на всё, и если ему вздумалось, то он может оставить меня ползать в луже крови прямо тут, перед сотней полицейских. Но Гаспар вскидывает одну бровь, придавая себе выражение удивления, поднимает голову и смеется. Он смеется так искренне, что я ощущаю себя почти глупо.

Затем, он перестает смеяться и пожимает плечами:

— Наверно я должен быть польщен, слыша такое мнение. Но все гораздо прозаичнее, я хотел отвезти тебя домой.

Моё второе Я моментально прокручивает в голове все возможные варианты того, что он планирует сделать, и я молчу, ничего не отвечая ему.

— Я не знаю, в чем еще тебе хочется обвинить меня, но думаю, что мне стоит подарить тебе хороший охотничий нож, чтобы ты была уверена в своей безопасности, — в тоне Гаспара проскальзывают веселые нотки, и они делают смысл его слов холоднее и страшнее.

— Могу дать один совет, — я подхожу к нему ближе так, что могу вполне поднять голову и коснуться его губ, — в следующий раз, когда захочешь меня убить, сделай это сам. И не будь так уверен в том, что я не попытаюсь прикончить тебя.

Он наклоняет голову, и мой шепот почти касается линии его губ. Еще секунда, и мне кажется, что он ждет чего-то, подозрительно похожего на поцелуй, несмотря на то, что в его глазах пляшут бешеные огненные звезды.

— Ивана? — Я стряхиваю наваждение и оборачиваюсь. У обочины стоит машина, и с водительского места на меня смотрит тот самый коренастый, мощный полицейский, который был с Анной, — Вас подвезти?

Я круто разворачиваюсь и улыбаюсь мужчине в машине, — Большое спасибо, Вы меня сильно обяжете.

Когда я оказываюсь в машине, ее водитель кажется таким же молчаливым и опасным, не внушающим доверия, как и сам Гаспар. Если минутой ранее я не сомневалась, садясь в его машину, то сейчас чувствую себя неловко и скованно. Он молчит уже достаточно долго, и я смотрю в окно, стараясь казаться незаметной и невидимой.

— Вы живете достаточно уединенно, — неожиданно заговаривает со мной полицейский.

— Мне так нравится, — наверно стоит быть немного полубезнее, но проведенная в крошечном застенке ночь дает о себе знать.

— Анна просила передать, что мы позаботимся о Вашей безопасности. Я хмыкаю, открыто выражая свое мнение, и мужчина протягивает мне свободную руку, удерживая другой руль:

— Бьёрн. Бьёрн Гис, я из отдела по особо тяжким преступлениям.

Я пожимаю крупную ладонь с огрубевшей кожей, и Бьёрн, глядя на моё, по-прежнему выражающее полное недоверие, лицо продолжает:

— Несмотря на то, что официально мы не имеем такой возможности, я лично буду присматривать за Вами, скажем так — негласно охранять.

Интересно, эта идея пришла Тагамуто до или после того, как я пробралась в квартиру Гаспара, и не является господин охранник по совместительству контролирующим меня лицом?

Он ведет машину, смотрю на дорогу так, словно и не разговаривал со мной. А затем снова вспоминает о моём присутствии.

— Вы не должны больше повторять того, что вчера сделали, — услышав это, я мысленно закатываю глаза. Похоже, что теперь каждый сочтет своим долгом напомнить мне об инциденте и велеть не выкидывать больше ничего подобного.

— Да, я знаю, это была ошибка — вот так напасть на беззащитного невинного гражданина, — довольно грубо отрезаю я, — конечно же, он не убийца.

Вероятно, последняя часть фразы звучит слишком уж неправдоподобно потому, что

мужчина на мгновение остывает взгляд от дорожного полотна, чтобы посмотреть на меня. А затем, неопределенно хмыкнув, снова продолжает в тишине вести машину. Когда я уже привыкаю к молчанию, он неожиданно разрушает его, произнося одну-единственную фразу:

— Я верю Вашим подозрениям.

Гораздо позже, уже оказавшись дома, я лежу и смотрю в темный потолок. Несмотря на все попытки заснуть, сон не идет, и я продолжаю бессмысленно пялиться вверх, позволяя мыслям в своей голове бешено скакать. Я прокручиваю в голове слова агента Бьёрна и раздумываю — как теперь это может мне помочь. Затем, внезапно для самой себя начинаю думать — чем сейчас занят Гаспар. Что он делает в такой поздний час.

Наверно он сидит посреди своей тихой квартиры, одной из многих, которые он меняет, когда становится слишком опасно жить в старой. Квартиры, которые так же лишены жилого духа и могут исчезнуть в любой момент. Темно-синяя рубашка обтягивает сильную линию плеч, спины. Гаспар погружен в свои дела, мысли — я не знаю что именно, но уверена, что он не позволяет себе потратить зря время. Как он убивает людей? Будто это небольшая разминка в перерыве между работой? Он находит время на существование обычного человека, он встречается с рыжеволосой женщиной, и он выглядит тем, кем является — просто мужчиной, в чьих манерах не найти изъяна. А каким видят Гаспара его жертвы? Какой он настоящий?

Созданное мною отражение комнаты не меняется, и я делаю такой же ненастоящий, как и все вокруг, шаг к Гаспару. В моей руке вновь кусок стекла.

— Признайся, тебе нравится всё это, — произносит призрачный Гаспар, продолжая сидеть спиной ко мне, — ты ищешь ответов только потому, что тебя пугает правда. Правда не о том, сколько убийств за моей спиной, а о том, что ты могла закрыть глаза на всё лишь потому, что понимала, что можешь мне доверять.

В его голосе звучит такое же настоящее спокойствие, какое имеет Гаспар наяву. Но этот его образ говорит вещи, которые я не хотела бы признавать. У него нет права ковыряться в моих мыслях.

— Ты одинока, хоть и пытаешься это скрыть. Прячешь свое настоящее лицо за ложью, и чем ты лучше меня? Ван, я совсем не против твоей игры, наоборот. Я готов играть с тобой до конца.

То, что говорит созданный воображением человек, слишком правдиво, чтобы я могла это отрицать. Я стою рядом с ним, ощущаю запах свежести, травяного шампуня от еще влажных волос. Рука всё ещё прижимает к его шее осколок, и Гаспар медленно откидывает голову назад, встречаясь со мной взглядом.

Я смотрю в кажущиеся бездонными глаза, где-то на дне которых полыхает пламя.

Ждущие глаза.

Медленно провожу острым краем по прохладной светлой коже. Кровь сперва выступает как след кометы — небольшой полоской. Затем я размахиваюсь и вгоняю осколок так глубоко в плоть, что он почти наполовину исчезает в толще мышц.

Кровь вырывается наружу как вода из прорванной плотины, и этот толчок заставляет тело Гаспара содрогнуться, но в темных глазах нет ни страха, ни боли. Только удовлетворение. Кровь пульсирует, вытекая всё больше и сильнее, а я смотрю в лицо Гаспара, где никак не гаснут яркие огоньки, заполняя собой черноту его глаз и подсвечивая их изнутри.

Глава 14

Чем сильнее становилась осень, тем больше казалось, что в воздухе сгущается невидимое напряжение. Холодный воздух проникал под одежду, солнце больше не согревало даже тогда, когда светило на высоком и по-зимнему голубом небе. Молчание и тишина вокруг не напоминали подготовку природы ко сну, казалось, что что-то ожидается, что-то произойдет. Не могла стереть этого ощущения даже работа над проектом, которая отнимала у меня достаточно времени, чтобы не отвлекаться на ненужные размышления. Я искала нужные решения, проводила подсчеты, а мой затылок сводило от неясного шепота предупреждений, который был слишком тихим, чтобы его понимать, и чересчур очевидным, чтобы не замечать.

Дом молчал, наблюдая за тем, как я хожу от работающего сутками ноутбука к столу, на котором лежала куча листов, исписанных вдоль и поперек. Работа в тишине позволяла мне держать себя в железных рамках, не давая отвлекаться или уходить в сторону. Но это не означало, что все осталось в прошлом и больше не вернется на первый план. Это был таймаут.

Ожидание не продлилось слишком долго. Все произошло в день, когда выпал первый снег. Земля выглядела невинной под легким покрывалом, и все вокруг замерло в удовлетворенном молчании. Даже птицы не щебетали громко, перекликаясь между собой почти шепотом. Снежную белизну не нарушало ничто. Под телом, подвешенным на толстых канатах на остовах рекламного щита и раскинувшем руки в приветственном жесте, не было крови, несмотря на то, что убитый был превращен в хорошо выделанный экспонат для анатомической выставки, а его кожа лежала внизу, прямо под его ногами. Он улыбался, и эта улыбка была настолько естественной и радостной, словно человек не испытывал боли. Возможно, он умирал с этой улыбкой. Из всего, что было, убийца не забрал ничего, почти ничего, кроме указательного пальца.

Кажется, что вид подобного уже перестал вызывать тошноту. Только отвращение и тянущее под ложечкой ощущение ненависти. Он настолько открыто показывал свое превосходство, смеясь в глаза всем, что казалось — это даже не игра в кошки-мышки, а банальное надирание задницы полиции. Во всяком случае, лицо Бьёрна сохраняло каменное выражение всё время, пока он смотрел на экран, где захлебывались от сенсации новости.

— Он играет с нами, — подытожила Тагамуто, и ее лицо на мгновение отразило хорошо скрываемое негодование. Они вдвоем с Бьёрном стояли около телевизора и смотрели в экран. Само собой, место происшествия и тело оба уже увидели, а сейчас в их головах шевелились все детали механизмов, нацеленных на поимку убийцы.

— Что мешает вам его поймать? — Я развела руками. Сидеть тут, в странной роли полуподозреваемой-полусвидетеля было очень некомфортно.

— Отсутствие четких доказательств и ДНК на теле жертвы, — отозвалась Анна. — Он работает хорошо и чисто.

Бьёрн ничего не сказал, лишь скептически пожал плечами. Он вообще предпочитал больше молчать, чем говорить. Анна еще несколько мгновений изучала мелькающие на экране новости, затем обратила свое внимание на меня:

— Единственный вариант, который мы можем использовать, это попробовать спровоцировать его.

— Я не понимаю, — раздраженно заговорила я, — то вы практически высмеиваете моё утверждение, что убийца знаком мне и спокойно расхаживает по городу, то подталкиваете к тому, чтобы разозлить его и вывести на чистую воду.

Тагамуто явно не испытывала никаких проблем с совестью, она знала свою цель, и это было важнее всего. Поэтому моё возмущение кануло в пустоту, и Анна, как ни в чем не бывало, продолжила:

— Мы попробуем такой вариант развития событий, естественно, если Вы по-прежнему согласны нам помочь.

Она знала, что я не захочу стоять в стороне, и умело манипулировала этим. Дождавшись моего кивка, Анна нажала на кнопку, выключая телевизор, и так же невозмутимо попрощалась, направляясь к двери. Мы остались в небольшой комнате одни. Что-то вроде конспиративной квартиры, где Анна провела нашу встречу, смахивало скорее на пустынную студию, в которую привезли мебель, наскоро её поставили в разных углах, чтобы создать эффект обжитого помещения, и так и оставили всё как есть. Одним словом, вроде и комфортно, но неуютно. Бьёрн казался тут слишком большим, уменьшая размеры и без того крошечного пространства.

— Вы имеете хоть малейшие навыки самообороны? — Казалось, что ему этот вопрос доставляет столько же удовольствия, сколько доставляет обычно мозоль на ноге. Я пожалала плечами.

— Немного.

— Можете продемонстрировать?

Он направился прямо на меня — огромная, смертоносная махина, и я едва успела увернуться от удара. Затем, неведомо как, моя шея оказалась в захвате его ручки, и я запрыгала на месте, пытаюсь вдохнуть и не сломать себе позвоночник.

— Так Вы не переживете и пары секунд, когда наш убийца захочет добраться до Вас, — голос Бьёрна звучал так же спокойно, будто он не удерживал моё дергающееся тело. В глазах становилось всё темнее и темнее, и я из последних сил изловчилась и ударила ногой его по голени, почти под коленом. Я помнила, что там всегда сильнее всего удары, да и синяки заживают слишком долго. Бьёрн охнул, ослабляя хват, и я выбралась на свободу.

— Я научу Вас паре приемов, — с шумом выдыхая, произнес Бьёрн. Очевидно, я засадила ему ногой слишком сильно, но жалости почему-то не чувствовала. Не я втягивала всех в это, не мне и печалиться.

— Кто был на этот раз? — Спросила я, потирая онемевшую шею.

— Не думаю, что Вам он известен. Занимался нелегальными гонками и поставлял тем, кто платил, специалистов по выбиванию долгов и получению желаемых результатов. Если мы не поймаем нашего красавца, то ему придется плохо, когда его поймут расстроенные мафиози.

Делая вид, что мне понадобилось заправить брюки в сапог, я присела, пряча лицо. Человек, ставивший на Гаспара во время гонок в каменной чаше и выглядевший его хорошим знакомым. Поставляющий дуболомов желающим. Не его ли людьми были те громилы в сарае?

Иногда мне казалось, что существует какой-то определенный план, некая закономерность, которой убийца руководствовался, выбирая свою следующую жертву. А иногда казалось, что единственное, что им руководит — простая прихоть. Они хотят проверить — окажусь ли я такой же прихотью, и смогут ли Гаспара поймать в тот момент, когда он потеряет контроль?

Я разгладила и без того узкие джинсы и поднялась на ноги. Бьёрн смотрел на меня сверху вниз, как огромная каменная статуя с острова Пасхи.

— Великолепно, — заявила я, — значит, будем делать так, как предложила Анна.

Ни один предложенный Тагамуто вариант не подходит, более того — каждый из них выглядит так нелепо и искусственно, что я заявляю — если они хотят результатов, то пусть дадут мне самой решать. Высказываюсь я конечно очень грубо, но зато спустя некоторое время Анна вынуждена согласиться и отдать поводья в мои руки.

Из головы не выходит приветствующий своих зрителей труп, с которого снята чулком кожа, словно огромная змея скинула прежнюю одежду. Я снова и снова возвращаюсь к этому сравнению, беспокоящему как ноющий зуб. Сидеть на жестком, ровном полу не очень приятно, я подтягиваю ноги, усаживаясь по-турецки. Когда мои ноги скрещиваются в более приятной позе, я наконец-то понимаю — чем меня зацепила эта мысль. Это же так очевидно, так понятно и всегда было на виду. Костоломы. Трое выпотрошенных.

Каждая жертва оставалась охотничьим украшением, с приложенным к нему посланием, рассказывающим о том — кем был трофей до своей смерти. Боюсь, что если придет мой черед, то Гаспар отрежет мне язык и вылузит мой мозг, как ядро грецкого ореха, вполне очевидно намекая на то, чем я заслужила его гнев. Как же до сих пор не поняла этого Тагамуто, не увидела приложенных к телам своеобразных записок?

Мои мышцы успевают так затечь, что я с трудом шевелюсь. Сколько прошло времени — не знаю, каждая связка ноет, но я не собираюсь отсюда уходить. Облокотившись на прямую поверхность, я успеваю даже немного подремать — будто провалилась в ватное небытие. Выныриваю оттуда я так внезапно, что, кажется, будто глаза закрылись всего на пару секунд. Однако, сгущающиеся сумерки опровергают это, прошло гораздо больше времени. Как бы там не было, я продолжаю сидеть на месте в ожидании.

Даже если он удивлен, то этого не прочесть по его лицу. Гаспар стоит прямо передо мной, рассматривая мою съежившуюся под его дверью фигуру, и, лишь спустя некоторое время, протягивает руку, предлагая помочь подняться. Это весьма кстати, так как мои ноги словно окаменели, и разогнуть их не так-то просто.

— Что случилось, Ивана? — Я не сомневалась, что голос его будет полон неподдельного участия. Рука Гаспара, которую я отпустила с чуть большей поспешностью, чем нужно, еле заметно дергается, словно он хочет возобновить тактильный контакт, но останавливает себя.

Я опускаю глаза, мысленно хлещу себя по лицу, призывая собраться, затем немного хмурю, что вполне соответствует моим мыслям и образу, произношу:

— Нам нужно поговорить.

Лицо Гаспара отражает почти торжество, вперемишку с удовлетворением. Словно он ожидал, что я приду, не смогу оставаться в стороне и приду. Он открывает дверь своей квартиры, придерживает её, пропуская меня вперед.

Я даже останавливаюсь на месте, оглядывая совершенно новое помещение. Прежней квартиры нет, сейчас на полу лежит мягкий ковротин персикового цвета. Большой диван тянется вдоль стены, рабочий стол и несколько плетеных стульев стоят у окна. На небольшой этажерке в углу поблескивает гранями ваза. И в ней рассыпаются пурпурными каплями розы. Я не узнаю прежнюю квартиру Гаспара.

— Проходи, — он кивает на диван, а сам направляется за стеклянно-металлическую перегородку, разделяющую студию и кухню. Осторожно опускаюсь на край дивана, здесь, в этой обстановке, сменившейся как по мановению волшебной палочки, я ощущаю себя

немного растерянно. Мои джинсы слишком дешево выглядят на мягкой ткани обивки, а я сама кажусь залетевшей в роскошные хоромы вороной.

Гаспар возвращается, неся поднос с парой чашек. Это своеобразный ритуал, который мы проводили каждый вечер, когда он заглядывал ко мне домой. И сейчас его действия — это тонкий намек, своего рода напоминание о наших встречах. Белый флаг перемирия на момент переговоров.

Мужчина придвигает к дивану стул, располагаясь напротив меня. Он сохраняет между нами дистанцию, давая мне личное пространство и при этом оставаясь в зоне диалога. От предложенного кофе я отказываюсь, этот жест показывает, что я знаю подтекст, но прикидываться, что всё — как прежде, не буду. Гаспар же делает небольшой глоток, осторожно откладывая в сторону, на поднос кофейную ложечку. Он скинул пальто и сидит передо мной, демонстрируя уязвимость, отсутствие угрозы и готовность к диалогу. При этом он ждет, ждет моей инициативы, что я заговорю первой. Я знаю, что Гаспар может ждать своего достаточно долго, если это ему нужно.

— Ты внес за меня залог, — почему я произношу именно это, понятия не имею. Слова выходят наружу мучительно и напряженно, я ненавижу себя за то, что говорю и как веду себя. Но все же помню, что если лгу я, то и мужчина напротив меня — далеко не ангел, и не обычный человек, обманывать которого и медленно пытаться увести за собой в нужную сторону мерзко. Передо мной тот, кто убивает других и не испытывает угрызений совести. Эти мысли помогают мне, но совсем немного. Гадкий, мутный осадок всё равно не оседает.

— Я не хотел, чтобы ты находилась в полиции. Это не самое лучшее место для времяпровождения, — Гаспар пожимает плечами так, словно я сообщила ему, что вода — мокрая.

— В любом случае спасибо. Я верну тебе долг, — выходит гораздо более резко, чем должны звучать слова благодарности.

— Мы друзья, Ван, — напоминает мне он.

— Уверена, что мы никогда не были по-настоящему друзьями, — это не то, что должно было сорваться с моих губ, но такие слова не позволяют мне переигрывать в разворачивающемся акте нашего спектакля.

— И поэтому ты хотела убить меня, пыталась перерезать мне горло, — голос Гаспара звучит с укором, и я не обманываюсь мягкостью его взгляда. Он наблюдает за мной.

— Да, — я киваю, — хотела.

И не уверена, что не хочу этого больше.

Моё заявление не заставляет его, как любого нормального человека, выставить меня за дверь. Гаспар не улыбается, но и не меняет мягкую интонацию голоса, когда интересуется:

— Ты хотела обсудить это?

— Не совсем. Я хотела сказать, что, несмотря на это, с тобой я не ощущаю себя одиноко. С тобой я живая, — каждое слово заставляет мои связки кровоточить.

Ощущение, что я наелась грязи, прямо таки въедается в кожу, и мой жалкий, озлобленный вид соответствует моим словам. Гаспар молчит, очевидно просчитывая варианты того, что я лгу. А затем протягивает руку, чтобы провести по моему лицу так же невинно и без двусмысленного подтекста, словно успокаивает меня.

— Я хочу предложить небольшую сделку, Ван, — моё имя, сокращенное до ласкового прозвища и произнесенное его голосом, хлещет как плеть, оставляющая багровые полосы. Я не дергаюсь, когда Гаспар касается меня, но с большим трудом заставляю себя подавить

желание отодвинуться и спрашиваю:

— И что ты хочешь?

Пауза, заполненная самыми странными предположениями, тянется слишком долго.

— Ты вернешь мне свой долг, рассказав то, о чем я буду тебя спрашивать.

Я смотрю на ровную линию шеи мужчины, где маленький розовый след еще напоминает о том, что произошло в прошлый раз. Скоро он пропадет, стирая все то, что я пыталась сделать. Как скоро провалится этот раунд игры? Боюсь, что очень скоро.

Хочется сжать пальцы рук так, что побелеют костяшки суставов. Я киваю, глядя прямо в лицо Гаспару. Очевидно, он понимает, что мне некомфортно, и отодвигается назад, на прежнее расстояние.

— Кто ушел из твоей жизни?

Когда я согласилась на его условие, я ожидала совершенно иного, вопросов, касающихся чего-то более поверхностного и грязного. Поэтому я мысленно спотыкаюсь. Ищу подвох и не нахожу пока.

— Родители.

— Расскажи мне, — Гаспар облокотился на плетеную спинку стула и наблюдает за мной. Его слова выводят меня из равновесия, хотя бы потому, что мне никто никогда не предлагал рассказать, произнести вслух то, что я никак не могла забыть долгое время.

— Перед тем, как все это произошло, мы сильно повздорили. Они уехали. Стоял поздний вечер, зима, и на дороге был гололед. Они умерли не сразу, какое-то время еще пробыли в реанимации. Потом всё.

Это неправильно. Неправильно рассказывать такое человеку, преспокойно убивающему людей и играющему с полицией в кошки-мышки. Неправильно и то, что после того, как я произношу всё это, мне внезапно становится легче. Невероятно легче, чем было все эти годы. И я испытываю еще большую злобу, понимая, что Гаспар — единственный, кто заставил меня выпустить своих демонов наружу, а теперь еще и освободил от давящего груза. Я ненавижу его потому, что понимаю — каждый шаг его имеет определенный расчет, ничего просто так он делать не будет. И это еще более отвратительно — получить помощь из тех рук, которым в другое время не дала бы приблизиться к себе.

Я уверена, Гаспар мог заметить какие-то отблески моих эмоций, но не подал виду. Вместо этого он поднялся со стула и произнес:

— Насколько я понимаю, ты еще не ела. Поужинай со мной.

Этот вечер не похож на те, что были раньше. Несмотря на то, что я хочу есть, кусок в горло не идет. И я чуть ли не давлюсь превосходной рыбой с ломтиком лимона и зелеными оливками. Но ем, ради своих целей и ради того, чтобы хозяин, сидящий напротив меня, не заподозрил моего нежелания воздать должное ужину. Повисшее молчание так же не помогает ситуации. Когда Гаспар отходит, чтобы поставить тарелки возле небольшой мойки, встроенной в цельный комплекс его кухни, я долго смотрю ему в спину. Он весь вечер демонстрирует мне возможность выбора — напасть или играть в согласие. И я до сих пор борюсь с желанием выбрать такой очевидный, но совершенно проигрышный вариант. Именно поэтому я отрезаю себе путь к ошибке, когда произношу, сначала не очень громко, а затем более отчетливо:

— Я думаю, что не права.

Гаспар останавливается на мгновение, отчего его фигура кажется замершей в ожидании. Затем он продолжает свои действия. А я договариваю:

— Мы можем быть друзьями.

Глава 15

После того, как агент Бьёрн едва успевает в очередной раз уклониться от моего кулака, пролетающего перед ним, он довольно хмыкает.

Каждый раз, как мы встречаемся в необжитой полупустой квартире, он заставляет меня снова и снова демонстрировать ему те приемы боя, которым он избирательно меня учит. Я уже догадалась, что они, в большинстве, направлены на отражение нападения. Не на атаку. И это меня раздражает. Нет, безусловно, я однозначно проиграю любому, кто повыше и посильнее меня, но это всё лишний раз напоминает о том, что меня рассматривают как червяка, который скачет перед жукой и может только извернуться и двинуть ее в глаз, когда она попытается его съесть. Тагамуто видит во мне только пешку, она легко спишет меня со счетов, если всё провалится, и я стану мертвой или бесполезной для неё. Я для неё — вещь. Думаю, что и все остальные тоже, и этот холодный расчет заставляет инстинктивно держаться настороже, когда оказываешься частью её плана. Поэтому я с большим удовольствием стараюсь доставить Бьёрну как можно больше моментов драки, где я могу выиграть за счет его массивности.

— Как продвигается ваше расследование? — Я наблюдаю за тем, как он выдыхает и надевает снятый перед побоищем пиджак.

— Никак. Пока никак, — в отличие от Тагамуто, Бьёрн более откровенен. И я пользуюсь этим, когда понимаю, что меня держат в стойле слишком долго. Я сама не откровенна с ними и не собираюсь рассказывать того, что считаю важным.

— Вы продолжаете поддерживать отношения с нашим объектом?

В последнее время такая фраза заставляет меня приходить в необъяснимое раздражение. Слово "отношения" звучит оскорбительно для того, что происходит. Ложь, паутина лжи, игра в прятки в густом тумане. Общение. Видимость общения. Но уж всяко — не отношения. Я уже собираюсь резко ответить, но вовремя спохватываюсь и как можно более спокойно отвечаю:

— Да. Я думаю, что он начинает доверять мне.

— Анна не верит в то, что он — убийца, — напоминает мне Бьёрн.

— Однажды поверит, — я слишком устала доказывать правду. Всё, что мне остается, это ждать. Играть в игру Гаспара и ждать. Рыба ловится долго, но если рыбак умеет ждать и сливаться с берегом, то она сама с удовольствием заглотит наживку.

В этот раз Бьёрн не позволяет мне в одиночку добраться до дома. Он провожает меня до кодовой двери, затем шагает рядом всё время, словно огромный молчаливый зверь. Видя то, как я начинаю озираться, стараюсь держаться от него как можно дальше, чтобы не выдавать себя на тот случай, если Гаспар следит за мной, Бьёрн снисходительно замечает:

— Не стоит так волноваться, он улетел сегодня утром.

Я недоверчиво смотрю на агента, недоверчиво потому, что я ничего не знаю об отъезде Гаспара. А Бьёрн знает.

— Мы получили данные о его регистрации на рейс.

Место, куда улетел Гаспар, агент не называет, видимо не сочтя это нужным. Я почти раздосадована, и противный голосок внутри уточняет, что меня злит тот факт, что Гаспар ничего мне не сказал.

В этот раз Бьёрн сопровождает меня до порога дома. Очевидно, что отсутствие Гаспара в городе позволяет ему открыто перемещаться в компании со мной. Он слишком

профессионально оглядывает периметр, и я уверена, что ни одна деталь не ускользает от взгляда агента. Возможно, что все происходит как раз так, как надо. Открыв дверь, я предлагаю ему заглянуть в дом и выпить чего-нибудь. На улице уже достаточно холодно, и горячее — отличный предлог, против которого весьма сложно устоять. Бьёрн не исключение, и его согласие весьма предсказуемо.

На мгновение я понимаю, что мой дом требует капитальной уборки. Хлам на столе в гостиной, стопки книг и бумага. Не то, чтобы слишком грязно, но все таки работа отняла слишком много времени, безмолвно захватив всё моё пространство.

Пока варится кофе, я объясняю Бьёрну где находится ванная комната.

Тик-так.

Тик-так.

Он аккуратным движением вешает свой пиджак на стул, расправляет складки. И неторопливо поднимается по лестнице.

Как только Бьёрн скрывается, и слышно, как с легким скрипом открывается дверь ванной, я срываюсь с места. У меня есть две минуты для того, что я планировала всю последнюю неделю. Правый карман пиджака. Телефон. Слава богу, на нем нет блокировки экрана. Подключение телефона к ноутбуку через шнур занимает больше, чем я планировала, и я начинаю испытывать легкую панику. Рабочий стол, папка с названием "Разное". Когда я репетировала происходящее, больше всего времени у меня уходило именно на то, что было в папке. Я отстаю от графика. На мониторе появляется полоса загрузки, и я ощущаю, как сердце начинает колотиться где-то в висках и почти под челюстью, угрожая выпрыгнуть наружу. Только сорок процентов установлено, а моё время уже истекает. Кажется, я где-то просчиталась. Семьдесят процентов. Я почти слышу скрип открываемой Бьёрном двери, и меня прошибает холодный пот. Девяносто девять процентов. Бьёрн закрывает за собой дверь. Отсоединение телефона и почти прыжок через всю комнату — полторы секунды.

Агент Гис выходит на кухню, и на столе стоит чашка ароматного кофе.

— Молоко? Сахар? — Я поворачиваю к нему голову, покачивая в руке бутылку и удерживая дверцу открытого холодильника.

— Спасибо, но я обойдусь только кофе.

Оказывается, Бьёрн умеет улыбаться, и это заставляет меня невинно ухмыльнуться ему в ответ. Когда он уходит, я запираю дверь и возвращаюсь к ноутбуку. Если его телефон имеет синхронизацию с домашним ноутбуком, то программа проникнет и туда, а дальше кейлоггер автоматически сообщит обо всем, что будет делать Бьёрн. Если мне повезет, то я смогу узнать гораздо больше.

Если повезет.

Почти четыре часа напряженного ожидания, во время которого я срастаюсь с ноутбуком как сиамские близнецы. Кажется, что в глазах начинает рябить, и медленно подступает головная боль, но я не покидаю своего поста. За окном давно стемнело, и я передвигаюсь по дому, закрывая шторы и держа в одной руке ноутбук. Очевидно, что судьбе очень нравится моё движение вниз по наклонной дорожке, нарушающей все законы и пункты конституции. Потому, что через какое-то время малютка-программа начинает демонстрировать то, что делает Бьёрн. И я не верю своим глазам, не верю в такое огромное удачное совпадение. Агент Гис заходит в систему. Все, что мне надо — повторять его действия. Очевидно, что используемый им пароль — не токен, одноразовый ключ, но я не рискну воспользоваться им снова даже при том, что теперь на моем стареньком ноутбуке стоит программа, прячущая

меня от чужих глаз. Глаза тех, кто контролирует эту систему, легко увидят меня за пару секунд, обойдя все доступные человеку, вроде меня, защиты. Поэтому я просто иду за агентом, держась в его виртуальной тени.

У меня нет времени на удивление и недоумение. Нет возможности обдумывать всё прямо сейчас. Есть только шанс делать скриншоты и скачать то, что в достижимых пределах. Я отдаю себе отчет, что это уже второе преступление, которое я совершила за последние шесть часов. Когда я открою файлы, являющиеся, по сути, личными документами, если не документами, имеющими значение для следствия, то это будет третьим нарушением закона. И, кажется, что они будут далеко не последними. Я до сих пор делаю свои грязные дела, имея на чаше весов лишь желание выжить назло всем и узнать правду о происходящем.

Я отключаю ноутбук, надеясь, что все прошло без проблем. Для подстраховки всё, что я получила, скопировано на флэшку, а оригиналы удалены с компьютера. Настало время мне идти за большой чашкой кофе и чем-то съедобным, чтобы затем, с новыми силами вернуться к тому, что ожидает меня в виде нескольких фотографий.

Гаспар Хорст смотрит на меня с фотографий, сделанных наблюдением, и кажется, что он прекрасно знает о своей "свите". Он словно целенаправленно поворачивается к камере, предоставляя ей возможность запечатлеть его лицо. На первой фотографии его закрывают темные очки, на второй — Хорст снимает их одной рукой и смотрит куда-то рядом с фотографом. И его необычные глаза посмеиваются, пряча где-то на своем дне за этой смешинкой холодную оценку ситуации.

Ничего больше. Только две фотографии.

Вернувшись обратно к столу с новой чашкой кофе, от которого у меня скоро будет передозировка, я сажусь и продолжаю смотреть в экран, с которого взирает на мир Гаспар.

Пока я продолжаю бессмысленно смотреть в монитор, в каком-то углу звонит мой телефон, похороненный заживо под горой газет. Помяни черта, он и явится. На экране высвечивается имя Гаспара, и я медлю, решая — отвечать на звонок или нет. Затем нажимаю на зеленую клавишу.

— Как твои дела? — Интересуется он так, словно ему действительно важно это знать.

"Отлично. Я знаю, что ты жестокий и опасный убийца, которого никак не могут поймать. И я знаю, что пляшу наживкой между тобой и не менее жестокой Анной Тагамуто с ее другом из бюро безопасности".

— Все нормально, — я смотрю на морщины, разбегающиеся веером от глаз Гаспара на фотографии.

— Прости, что не позвонил раньше, я был вынужден уехать по делам, — вероятнее всего, он сейчас сидит в мягком кресле, расстегнув ворот рубашки и наслаждаясь вечером. Неважно, что он делал перед этим — убивал или вел непринужденную беседу и строил новые ходы в своих хитроумных планах.

— Не стоит так волноваться о том, что я не в курсе твоих перемещений, — я действительно не могу понять — почему он так ведет себя, словно ему нравится изображать заботу обо мне.

— Позволь мне заметить, что это звучит не слишком вежливо, — голос его смеется, он смеется надо мной, как взрослые смеются над детскими причудами, — завтра обещают сильный дождь, так что не выходи на улицу лишней раз. В такую погоду слишком легко заболеть.

Эта банальная фраза звучит так, что спустя секунду я напрягаюсь, понимая, что где-то

глубоко под словами о дожде спрятан другой смысл. Возможно, это предупреждение о том, что он знает о моих встречах с Тагамуто и Бьёрном.

— Когда ты вернешься? — Последнее, что мне нужно, так это лишиться своей головы из-за нелепого прокола.

— Как только улажу все дела. Не беспокойся, Ван, всё будет хорошо.

Всё будет хорошо, Гаспар. Но я сама в это не верю.

Бессонница и редкие провалы в кошмарные сны не способствовали тому, чтобы на утро я была способна соображать. Вопреки предсказанию Гаспара, которого я старалась вспоминать как можно меньше, на улице не было дождя. И это лишь способствовало тому, что я испытывала самые неприятные эмоции.

В полдень мне пришлось уехать, чтобы решить некоторые проблемы, связанные с тем, что по моим подсчетам на проект требовалось гораздо большие затраты, чем было заявлено. Работать же с тем минимумом, который предложили, было неудобно как мне, так и будущим хозяевам проекта. А моё начальство упорно не хотело обратить внимание на такую мелочь, как недочеты в составленном плане. Затем вернулась домой, оглядываясь по сторонам. Мне казалось, что за мной следят внимательные и цепкие глаза, и я готова была шархаться от каждого куста.

Не знаю, чего хотелось больше — того, чтобы Гаспар был тут, и можно было знать наверняка, что это именно он ходит за спиной, как неумолимая Смерть. Или же хотелось сбежать куда глаза глядят, как можно дальше, чтобы больше не сталкиваться с всеми монстрами из чересчур глубокого омута. Я наверно предпочла бы убежать. На какой-то момент мне не хотелось больше разбираться в том, во что я ввязалась, даже то, что Гаспар пытался меня убить, уже не казалось стоящим того, чтобы жертвовать всем ради истины.

Почти возле дома меня окликнули по имени, заставив вернуться к реальности из мрачных размышлений. Дядя Саул выпускал редкие кольца дыма и покашливал, его легкие уже давно были пропитаны табаком, и теперь мужчину мучал хронический бронхит. Впервые за весь день я улыбнулась, помахав ему.

— Как дела, девочка? — Только Саул называл меня так, и это было приятно. словно я возвращалась в далекое прошлое, где еще не было ни монстров, ни мрачных будней жизни.

— Неплохо, — я направились к старику.

— Заглянешь ко мне? У меня есть коньяк.

Когда вокруг одно сплошное дерьмо, низкое качество алкоголя перестает играть какую-то роль. Но об этом я не сказала вслух. Я не интересовалась никогда — как живет Саул, а он в свою очередь никогда не спрашивал о том, что происходит в моей жизни. Поэтому я была достаточно сильно удивлена, когда он налил мне стакан и неожиданно произнес:

— У тебя дома есть оружие?

Я чуть не поперхнулась и удивленно воззрилась на Саула.

— Зачем оно мне?

— В наше время никогда не знаешь — когда понадобится постоять за себя, — как-то уклончиво ответил Саул, — тебе бы не мешало чем-то защищаться.

Я подумала, что при тех событиях, которые разворачивались вокруг последние несколько месяцев, мне не поможет то, что стреляет и режет. Только то, что лежит в моей черепной коробке, сможет найти выход.

— Не беспокойся, дядя Саул, — я пожалала плечами, — что такого может случиться, что

не изменит хороший удар в пах или в глаз?

Саул хохотнул. Звук, который он издал, походил скорее на сипловатый короткий лай.

— Было бы так всегда, девочка, было бы так всегда, — Саул покачал головой.

Вероятно, что я становилась параноиком, так как весь вечер мне не давало покоя размышление над словами Саула и Гаспара, когда я вернулась домой. Я называла Гаспара тем именем, каким знала, но заставляла себя привыкать к тому, что этот человек на самом деле является другим. Однажды я и это знание станем одним целым, но сейчас мне было сложно соединить всё воедино.

Возможно, хоть этой ночью мне удастся поспать нормально и долго. Я обложила подушками, такими мягкими и уютными, что казалось, будто я очутилась в большом гнезде. Подтянула одеяло, подтыкая его по краям, как в детстве, когда веришь, что подворачиваешь его, чтобы под него не забрались чудовища. Кажется, это сработало, и я заснула. Крепко, глубоко и без сновидений.

Первым проснулось обоняние. Оно ощутило отвратительный, тяжелый запах дыма, вползающего как рептилия в комнату. Затем завопил дыхательный центр мозга, когда в легких оказалась оседающая на стенках бронхов и будто бы закупоривающая их вязкая гарь из втянутого носом дыма. После этого все тело полностью проснулось, подчиняясь воплям всех нервных окончаний об опасности. Я вскочила с кровати так резко, что, и без того, задурманенная голова закружилась, и на меня почти бросился пол. В комнате стоял такой плотный дым, что, когда я включила маленький ночник, его серую массу можно было почти потрогать наощупь. Кашляя и закрывая рот и нос, я выглянула вниз. Где-то потрескивало пламя, не так интенсивно, чтобы подумать о бушующем костре, но достаточно для того, чтобы источать тонны дыма и угара.

Вернувшись обратно в комнату и моргая слезящимися глазами, я добралась до окна и приоткрыла нижнюю створку. Этого достаточно для того, чтобы выбраться наружу, так как верхнюю часть заклинило. Телефон, который я накануне не поставила по глупости на зарядку, мигал индикатором. Все беды происходят от глупости, все беды в этом мире. Пока я ждала ответа службы спасения, то надеялась, что телефон не отключится до того, как меня соединят с диспетчером или же во время разговора. Я говорила быстро, но достаточно разборчиво, и вежливая, спокойная женщина попросила меня постараться не паниковать, пообещав, что пожарный наряд прибудет в ближайшие минуты.

Понимая, что внизу слишком много огня и дыма, который убивает так же хорошо, как и пламя, я протиснулась через нижнюю часть окна и вылезла на узкий карниз. В горле нещадно драло, и каждый новый глоток воздуха доставлял боль, словно я впихивала в легкие парочку ножей. Скорее всего, я бы так и торчала на карнизе, пока не хлопнулась вниз. Но в замутненном мозгу возник план, следуя которому я добралась до края и спустилась вниз по водосточной трубе. Лишь то, что железные штыри, на которых она держалась, были укреплены на совесть, я смогла слезть. Ссадины на руках были более легкой расплатой, чем вероятная смерть в дыму. Когда я задрала голову, из окна выползали серые клубы, отчетливо видимые в рассветном сумраке.

Позднее, я сидела, закутанная в казенный плед из машины скорой, а меня осматривал пожилой спасатель. Я наблюдала, как пожарные, выломавшие дверь, замок у которой почему-то заело, тушат пламя, сожравшее первый этаж. Почему-то я размышляла о том, что это хороший повод навести теперь в доме порядок, сменить кухню и мебель. Кажется, мой

мозг просто угорел в дыму и выдавал какую-то околесицу. Старший пожарного расчета сказал мне, снимая каску и вытирая испачканное гарью лицо, что произошло замыкание, и оно спровоцировало пожар. Затем его оттеснил в сторону спасатель, который непрерываемо заявил, что мне нужно поехать в госпиталь для перестраховки. Скорее всего, у меня ожог дыхательных путей, и отравление угарным газом. Я замерзла, устала, голова кружилась, и вместо того, чтобы отказаться, я промычала, что согласна, и закрыла глаза. Мне хотелось спать, просто лежать и спать, но этому мешало обжигающая боль в горле. Так что, я была вынуждена признать правоту спасателей и оказаться в госпитале.

Глава 16

Белый цвет успокаивает, но иногда он раздражает. Особенно, если глаза воспалены, слезятся и смотреть на этот яркий белый цвет просто больно. Поэтому я либо находилась с закрытыми глазами, либо старалась глядеть на коричневую деревянную тумбочку возле кровати, если мне надо было с кем-то разговаривать.

Моим первым посетителем, вошедшим в палату около часа дня, была Анна Тагамуто. На фоне светлой больничной стены она казалась большой и опасной пантерой в темном пальто, подчеркивающим её стройную фигуру. Вероятно, что заглянуть ко мне она смогла в перерыве между работой, так как под расстегнутым пальто виднелся бейдж. Если бы я не ненавидела Анну за ее расчетливость, доходящую до цинизма, я бы восхищалась ее умом, разыгрывающим каждую партию так, как не каждый шахматист сможет провести свою игру. Но я ее не любила, и я знала другого человека, который до сих пор разбивал в пух и прах любые защиту и нападение.

Она пришла, не скрывая того, что больше всего ее волнует два вопроса — что произошло на самом деле, и в состоянии я продолжать наше сотрудничество. Анна будто родилась такой — холодной, целеустремленной и берущей все преграды на своем пути. Сейчас она мгновенно оценила моё состояние, запомнила всё сказанное и раздумывала над чем-то.

— Расследование заходит в тупик, — наконец произнесла Тагамуто, — больше нет убийств, а это значит, что он залег на дно.

— Разве Вам мало тех жертв и того, что удалось найти? — Я понимала ход действий, но знала слишком мало, чтобы не задавать глупых вопросов. Анна видимо знала это и подошла ближе к больничной кровати, на которой сидела я.

— Проблема в том, что чем ярче и театральной действия убийцы, тем больше он дает ключей к своей поимке.

— А теперь тишина, и у вас не хватает деталей для мозаики, — мне совсем не нравилось то, что следовало из этого.

— Именно. Те убийства дали нам несколько подозрений, но они не приблизили к тому, кто их совершил.

— Вы имеете право рассказывать мне такое? — Я просипела последние слова и закашлялась. Анна буднично отозвалась, протягивая мне стакан с лекарством, стоящий на тумбочке у кровати:

— Не имею, но ведь никто не сказал, что это то, что написано в документах следствия. Да и наше с вами сотрудничество так же лежит за пределами отчетов.

— Вы хотите спровоцировать его, — озарение не было неожиданностью, но от этого не становилось менее тошнотворным.

— Я хочу поймать опасного убийцу, — глаза Анны оставались спокойными и

внимательными к мельчайшим деталям, таким как эмоции, легко читаемые на моем лице. И я опустила взгляд на расчерченный квадратами пол. Теперь, когда я знала гораздо больше о Гаспаре, я догадывалась, что всё гораздо более запутанно и сложно.

— Я свяжусь с Вами, когда продумаю дальнейшие шаги. А пока — поправляйтесь.

Тагамуто закрыла за собой стеклянную дверь и отошла вглубь, к посту медсестер.

То, что сказала Анна, не давало возможности расслабиться и валяться в кровати, как полагается больному. Кажется, что у меня такой роскоши, как лежать и бездействовать, вообще не было в сложившейся ситуации. Становилось понятно, что Тагамуто готова к самым радикальным действиям, и теперь ей нужно новое убийство, новая "свежая кровь", которая приблизит ее команду к поимке добычи. Она даже знала, кого может отдать в качестве необходимой жертвы.

Я перестала смотреть на прямую спину Тагамуто, всё еще находившейся за дверью палаты, и закрыла глаза. Более насущной проблемой было то, что ждало меня дома — грязь, разруха и новая головная боль. Менять проводку, которую мне провели год назад. Возможно, я плохо разбираюсь в электричестве, но мне было непонятно — что могло спровоцировать пожар. Вроде никаких проблем раньше не возникало, так с чего вдруг они появились сейчас?

День посещений не закончился. Снова открылась дверь, и светлая шторка стукнула по стеклу, заставляя меня приоткрыть глаза, в которых будто песка насыпали.

Хорст стоял у стены и смотрел на меня. Пришлось моргнуть несколько раз, чтобы было не так больно глазам от светлого цвета краски. Гаспар шагнул вперед, придвинул к кровати стул и сел на его край, кинув перед этим пальто на спинку стула.

— Как ты себя чувствуешь, Ван? — Если его глаза были такими же, как глаза Тагамуто — непроницаемыми и спокойными, то голос отражал беспокойство. Я хмыкнула и сипло поинтересовалась:

— Ты так быстро вернулся?

Гаспар рассеянно улыбнулся, словно его позабавил мой вопрос, и оглядел стоящую возле кровати систему капельницы.

— Деловые поездки всегда не такие долгие, какими кажутся. Думаю, что мне не стоило уезжать вообще.

Он осторожно поправил одеяло, которым я была укрыта. Я бросила взгляд туда, где стояла Тагамуто, немного запоздало понимая, что только что произошло. Агент Тагамуто и Гаспар Хорст, находящийся на прицеле у неё, столкнулись почти лицом к лицу. Анна стояла, беседуя с кем-то из персонала, но ее глаза были устремлены сюда, в палату. И она фиксировала всё, что происходило. Возможно, сейчас в ее голове окончательно укоренились мысли, которые не сулили ничего хорошего.

Когда я снова посмотрела за пределы палаты спустя минуту, Тагамуто там уже не было. Не знаю, обратил ли внимание на мои поглядывания в сторону Хорст, но он всецело был занят наблюдением за моим состоянием и показанием всяких приборов. Я бы даже поверила в то, что он сильно обеспокоен, если бы не знала, что он из себя представляет. Гаспар заставил меня рассказать ему то, что случилось, а затем просто велел больше ни о чем не думать и слушаться врачей. Это выглядело так, словно со мной сидел близкий родственник, которому крайне важно моё состояние.

— Почему ты так стараешься быть частью моей жизни? — Не удержалась я, сделав вид, что не заметила его неодобрение того, что я снова разговариваю жутким хриплым голосом. Выражение его лица было некоторое время терпеливым, как у людей, реагирующих на

глупые и очевидные вопросы.

— Мне нравится делать то, что я делаю, — а вот в голосе Гаспара слышалось некоторое раздражение, и я знала, что выгляжу со стороны законченной дурой. Но приходилось быть ею, чтобы держаться на плаву.

— Я хотела сказать тебе спасибо, что приехал сюда, — не знаю, было ли это в какой-то мере правдой, но и ложью тоже не было. Хорст улыбнулся, и от его глаз снова разбежались морщинки. Он ничего не ответил, просто положил свою руку поверх моей и пожал ее доверительно и тепло.

Выглядел Гаспар уставшим, и я подозревала, что он как-то узнал о случившемся, еще находясь там, где был вчера, и вернулся так быстро, как только смог.

Раньше я никогда не обращала внимания на то, что иногда мысли Гаспара напоминали о себе, особенно когда тот был слишком погружен в размышления. Их выдавали две морщины на широком лбу и одна — возле бровей, еще пара возле линии губ придавала лицу Гаспара ироничное выражение. Это был крепкий, сильный мужчина, но то, что пряталось в нем, и то, что прятал он сам, иногда проскальзывало, накидывая на его внешность еще десяток лет. Но прятал он свое второе Я и его владения слишком хорошо, чтобы кто-то мог заметить их. Человек, сидящий рядом со мной и держащий мою руку, не был тем, кем был тогда, когда оставлял после себя очередной труп.

Не помню, как я отключилась. Когда же открыла глаза, то было уже утро, и я подумала, что всё это мне привиделось. Не знаю, если раньше моё состояние было мрачным, то в последнее время всё выглядело так же, как чернила в бутылке. Мрак, беспросветный и безысходный. Там, где была забота, была лишь ее видимость, за которой пряталось пиршество полуразложившихся остатков этой заботы. Там, где должна была быть семья, давно уже было пустое и поросшее бурьяном поле. И так неправильно, и этак неверно. Было бы разумней держаться как можно дальше от всех, позволяя развиваться аутизму, взамен не причиняя себе вреда от контактов с людьми. Но я упустила этот поворот, и теперь моя телега летела под откос на всех парах.

Пока меня осматривал снова врач, с которым я немедленно стала торговаться о выписке домой, мозг предоставил мне одну гипотезу, которая еще больше добавила мрака в мои мысли. Я внезапно подумала, что возможно, слова Гаспара о дождливой погоде касались не моих встреч с Тагамуто. Акцент был на намеке не покидать дом. А это могло значить лишь то, что он меня предостерегал от чего-то, что должно было случиться. Как и дядя Саул, туманно говоривший о том, что мне нужно защищать себя.

Гаспар и Саул оба что-то знали.

Градус тайн и обманов накалялся, и он вплетал все больше людей и ситуаций в свой водоворот. После того, как врач в мягкой форме заявил, что готов отпустить меня, но только завтра, после того, как окончательно убедится в нормализации состояния, я знала, что делать. И Гаспар, и Тагамуто будут знать всё о моих шагах, а этого я не собиралась допустить.

Я прогуливалась по коридору, будто направлялась куда-то, пока не дошла до случайно оставленного кем-то на скамейке пальто. То, что мне было нужно, попало не сразу, но поиски того стоили. Мысленно извинившись перед тем, чье пальто я накинула на себя, я направилась к выходу. Конечно, светлые штаны, торчащие из-под мужского пальто, выглядели слишком глупо, но так, по крайней мере, меня никто не остановит. Люди слишком редко утруждают себя вниманием к прохожим, забывая их через пару-тройку

секунд. Прогулки пешком полезны для здоровья, но перед ними не стоит лежать в больничной постельке. Сразу начинаешь ощущать легкое гудение в ногах, а потом каждая мышца напоминает о том, что она оценила твои старания. Я собиралась вернуться домой, переодеться, а затем найти Саула и встряхнуть из него всё, что он знал. На какой-то момент я подумала, что мать не просто так недолго любила своего родственника.

Вопреки моему ожиданию, дом выглядел не так уж плачевно. Следы гари и копоти требовали нескольких часов уборки, но в целом всё было терпимо. Заинтересованно я разглядывала следы пламени на стене в одном месте, где оно началось и причинило наибольший ущерб. Самое интересное было в том, что здесь действительно было что-то не так, а что — понять я не могла. Пламя началось отсюда. Всё электрическое оборудование и проводка в доме были новыми и не могли послужить причиной пожара. Я окинула еще раз взглядом комнаты и пошла к двери. Были проблемы поважнее грязи на стенах.

Дом, где жил Саул, стоял на самом пригорке, в стороне от других. С крыльца можно было увидеть всё, что происходило вниз по улице, располагающееся как на ладони перед тем, кто стоял возле дома. Сколько я помнила, возле дверей лежала старая железная бочка, из которой вылезал вьюнок, давно спрятавший весь ее остов под своей зеленью. Сейчас, когда стояла поздняя осень, бочка лежала на боку, демонстрируя облезшую краску и яркую ржавчину бортов. Обычно Саул находился где-то недалеко от двери или в гостиной, или в небольшой мастерской, которую он сделал из кладовки, и появлялся дядя на пороге достаточно быстро. Но в этот раз царила мертвая тишина.

Я стукнула еще раз и запоздало заметила, что дверь не заперта. В другой раз совесть напомнила бы мне, что заходить в чужой дом — неправильно, но сейчас она молчала. Внутри было тихо и пустынно. Наоборот, в доме было настолько пусто, что казалось, что уже много лет дом заброшен. Я обошла его полностью, встречая лишь пустые комнаты, вещи, к которым никто не прикасался, позволяя пыли ложиться тонким слоем на их поверхность. Затем вернулась назад, чтобы вертеться на одном месте, как потерявшая след собака. Но больше всего меня интересовало внезапное исчезновение Саула. Он жил здесь все время с момента моего переезда сюда, и к нему было легко привыкнуть, как к вьюнку на старой бочке. Я знала, что дядя Харпер — военный человек, прошлое которого полно своих секретов, но мне было сложно представить, что он возьмет и бесследно исчезнет в один момент. И каждый раз все предположения о происходящем словно натыкались на огромную стену. Саул знал что-то обо всем, и он мог помочь мне. Его внезапное исчезновение не могло сойти за случайность.

Я обошла кругом дом ещё раз. Но Саула нигде не было. Казалось, что дом похож на отжившую своё шкуру, которую скинули за ненадобностью. А я разглядываю эту шкуру и пытаюсь понять — куда делся её хозяин. Пикап стоял на своем месте, и одна из дверей приоткрылась. Я заглянула в окна, предположив, что хозяин находится внутри. Я уже была готова даже к тому, что дядя умер, занимаясь каким-то делом. На сидении водителя белел прямоугольный конверт, и я осторожно подняла его. Вещь лежала так, словно ее специально положили на видном месте, зная, что так она быстро бросится в глаза. Ни подписи, ни адреса. Я оглянулась вокруг, а затем надорвала конверт, вскрывая его.

«1309»

На вложенном внутрь листе плотной белой бумаги были отпечатаны только четыре цифры и больше ничего. Я оглядела и сам конверт, и лист со всех сторон, но так ничего и не нашла. Очевидно, что эти цифры что-то обозначали, явно очень важное и предназначенное

для того, кто мог знать — о чем они говорят. Подумав, я сунула конверт в карман, решив, что подожду возвращения Саула и отдам ему бумагу, раз уж она лежала в его машине.

Саул не появился ни через час, ни через три часа, и я поняла, что он не вернется вообще. Что бы ни произошло с ним, этот дом будет пуст. Дядя ушёл дальше по своей дороге, даже не попрощавшись со мной. Наверно, пора привыкнуть терять людей и не надеяться, что подаренное ими тепло будет вечно рядом.

Гарь со стен отмывалась не очень просто, и было понятно, что на то, чтобы навести порядок в доме уйдет не меньше трех-четырёх дней. Я вынесла все то, что было безнадежно испорчено огнем, и поняла, что в доме стало гораздо просторней, чем было раньше. Удивительно, но уже второй день никто меня не беспокоил, словно о моем существовании все забыли. А на утро третьего дня меня разбудил звонок сестры. Спросонок я сперва не сразу сообразила — кто мне звонит, настолько изменился голос Нины. Она как обычно болтала много и не по делу, но теперь казалось, что она болтает машинально, что-то обдумывая и выжидая. Можно было, конечно, решить, что я вижу то, чего нет, на пустом месте, но в последнее время я усвоила еще один урок — прислушиваться к тому, что кажется.

Это подтвердилось спустя несколько минут, когда Нина вдруг заговорила безразличным тоном:

— Знакомые продают очень милую квартиру в центре города. И от нас недалеко, и все, что нужно, всегда рядом.

— Рада за твоих знакомых, — отозвалась я, начиная чувствовать подвох.

— Не хочешь съездить и посмотреть? — Спокойно поинтересовалась Нина.

— Нет.

— Послушай, ты можешь сколько угодно артачиться, но ты должна продать дом. Твое поведение выглядит смешным, словно ты пытаешься доказать, что твое отшельничество — это вызов всем вокруг, — то, как спокойно и холодно говорила сестра, задело меня.

— С каких пор ты лезешь не в свои дела? — Стараясь сдержаться, я говорила как можно медленней.

— Это не твое дело, это то, что ты должна сделать, если у тебя есть хоть капля ума, — женщина, которая говорила со мной, больше не играла в родственников.

— Должна? — Я выпрямилась на кровати.

— Обычно никто не испытывает судьбу, сообразив — что надо делать еще с первого раза. Ты не понимала намеков, но вряд ли не могла понять и прямого толчка к действиям все эти несколько раз. Скажи спасибо за то, что всё обошлось без крови. Мы думали, что пара дней взаперти научит тебя уму-разуму.

Не то, чтобы я была шокирована до потери дара речи, но глаза мои медленно вылезали из орбит от удивления.

— Ты знала? И ты тоже принимала в этом участие? — Наконец поинтересовалась я, прерывая тишину.

— Это были вынужденные меры.

Я называла ее своей сестрой все эти годы.

— Не надо пафоса, Ивана, — отозвалась Нина.

— Это для тебя просто пафос? — Кажется, что я была на грани потрясения, хотя и думала, что уже увидела достаточно много за всё это время.

— А для тебя, пятна проказы на теле нашей семьи это, конечно же, святая истина, — яд, сочащийся из голоса Нины, был просто осязаем. — Сейчас это не имеет никакого значения, — продолжила она, — ты должна продать дом. На кону слишком многое. Я не хочу оказаться на улице и жить в трущобе лишь потому, что ты не способна продать дом и отсрочить этим наши с Аланом финансовые проблемы.

Я понятия не имела, о чем она говорит, поскольку все мои мысли разом покинули голову, и вместо них там находилась ватная пустота. Я так и молчала, не отвечая на то, что говорила Нина, пока не повесила трубку, прервав ее на середине монолога.

Будь я помладше, то все происшедшее повергло бы меня в ступор, из которого пришлось бы долго выходить. Но сейчас какие-то участки моего мышления получили дополнительную закалку и не позволяли мне съехать с катушек. Какая-то часть меня ощущала предательское облегчение, что с меня словно спала вина за то, что я никогда не могла преодолеть пролегающую между нами пропасть.

Пора было составлять список вопросов, требующих решений. Я прошла к шкафу босиком по холодному полу, вытащила из кармана белый, сложенный пополам конверт и снова вынула из него листок с четырьмя цифрами.

1309

Четыре цифры. Незвестный код, шифр, адрес, имя, одним словом — что угодно.

Мне действительно надо было иметь что-то для собственной защиты. Потому, что чутье подсказывало — нарастающий ветер превращался в торнадо.

Глава 17

Кабинеты агентов выглядят совершенно не так, как их представляет зрителям кино. Это очень компактное, заполненное только самым нужным и важным помещением, в котором нет никакого намека на легкомыслие и отдых. Только пара фотографий, портретов первых лиц страны над столом, да и то, они лишь укрепляют сидящего лицом к ним в мыслях о том, что тут нет места ничему, что выходит за рамки долга и обязанностей. Впервые я сидела перед агентом Тагамуто и ощущала себя совсем некомфортно, чего она даже не замечала, занятая ожиданием ответа на свой вопрос.

— Какие отношения связывают вас? — Когда Анна хотела добиться своего, она была терпелива как время и настойчива как вода, точащая камень.

— Никакие. С его стороны — нечто вроде дружбы, — я действительно не знала ответа на ее вопрос и сама отдала бы многое за правду. Анна мне не верила, и я ее понимала — после сцены в госпитале она не видела подтверждения моим словам, а наоборот, наблюдала их полное опровержение.

— Вы хотите сказать, что не знаете — почему тот, кого Вы считаете разыскиваемым убийцей, фактически знает каждый Ваш шаг?

— Да, — не моргнув и глазом, ответила я.

— Не знаете, почему ваши действия известны ему до того, как это становится известно мне и агенту Бьёрну?

— Да, не знаю.

— Возможно, Вы не с нами, Ивана? — С таким же спокойствием Тагамуто загнала бы мне иголки под ногти и наблюдала бы, как я с воем катаюсь по земле, ожидая признания.

— Я хочу только одного — чтобы мне не приходилось вздрагивать каждый раз от мысли, что я буду следующей, кого ваш Художник превратит в очередное анатомическое чучело, — может, повышать голос в кабинете агента на самого агента было глупо с моей

стороны, но то, что говорила Тагамуто, приводило меня в бешенство.

Тем не менее, она поняла, что немного перегнула, и пошла на попятную.

— Мы прилагаем все силы для того, чтобы вывести его на чистую воду. Вы — наш единственный шанс завершить начатое, поэтому так важно, чтобы между нами было взаимопонимание, — Анна протягивала мне белый флаг так, как могла и умела.

Но верить этому тоже не стоило. И когда она изложила тот план, который должен был сработать для установки ловушки, я поняла, что ни о каком сотрудничестве никогда речи и не шло. С самого начала Анна разрабатывала план, в котором было лишь две фигуры — она и убийца. Все остальные были инструментами, способствующими ее действиям.

Несмотря на холодную ясную погоду, я сидела на небольшой скамейке у замершего на зиму фонтана. Еще весной мне казалось, что моя жизнь настолько тиха и бесцветна, что в ней тускнеют любые краски. А теперь я хотела вернуть те тусклые дни, понимая всю их прелесть размеренности и спокойствия. Я не готова. Я не смогу удержать тот груз, который продолжал увеличиваться, пригибая меня к земле. Больше не хотелось бороться, слишком неравными были силы. Небо было голубым и высоким, как всегда в холодное время года. Ветер изредка гонял по дорожкам какой-то мусор, шурша им и нарушая тишину.

Когда равновесие не восстановить никаким способом, есть только одно решение — заглянуть в себя. Найти то, что способно остановить падение осколков самого себя. И в моем случае это было море.

Оно сплеталось в картинку прямо посреди площадки со старым фонтаном. Его волны тихо рокотали, набегали на песок, в котором вязли ноги. Море мурлыкало свою вечную песню и баюкало мечущиеся мысли. Светлое небо опускалось в море и сливалось с ним, так что невозможно было понять — есть ли граница между ними, или ее нет. И, подчиняясь однообразному движению, мысли возвращались на свои места, сознание восстанавливало свою целостность, и откуда-то приходила уверенность в том, что все разрешимо.

Я не вернулась домой, а зашла в ближайший бар, взяла себе виски и устроилась в углу зала. Торопиться больше некуда, снежную лавину толкать не надо — она и сама понесется вниз, увлекая всё за собой. Важно только не остаться погребенной ею. Я пила обжигающий виски и мысленно расставляла происходящее по полочкам.

Агент Бьёрн вошел в зал ровно без десяти пять и направился ко мне. Ему удавалось при всем своем росте и массивности казаться настолько естественным в любой обстановке, что при его появлении никто даже не обратил внимания на вошедшего. Он сел напротив меня и заговорил только после того, как незаметно оглядел зал.

— О нашей встрече знают. Поэтому я не советую Вам выходить из бара вместе со мной, подождите минут десять и только потом идите.

— Все настолько плохо? — Я невольно заговорила почти шепотом.

— Я работаю не первый год, и поверьте мне — за Вами наблюдают, — Бьёрн спокойно взял из небольшой тарелочки сухари, отдающие чем-то вроде бекона, и захрустел ими так, словно кроме них его ничто больше не интересовало. Но я знала, что он внимательно меня слушает.

— Есть несколько вещей, — я заранее обдумала то, что сейчас говорила, — которые могут иметь отношение к происходящему. Бьёрн кивнул мне, предлагая продолжать. Я кратко изложила ему историю о пожаре, коснувшись слегка моих взаимоотношений с семьей. Но не рассказала о подозрительной пропаже Саула.

— Я не знаю о результатах анализа Вашей ДНК, пока ее проверяли на совпадение с

ДНК на жертвах, — видя моё выражение, Бьёрн пожал плечами, — Вы были одной из подозреваемых до тех пор, пока не нашлись другие сведения о происшествиях. Если Вы окажетесь в родстве с кем-то из занесенных в базу, об этом станет известно.

— Я понимаю, — мне было ясно, что просить Бьёрна о помощи было бы непростительной глупостью.

— Я помогаю Вам потому, что считаю, что планы Тагамуто имеют слишком много погрешностей, — Бьёрн выпрямился, — пока я могу сказать только одно — будьте осторожны. Гаспар Хорст — не простой убийца, и сделанного им вполне хватит на смертный приговор. И если мы не поймаем его, то нам придется крупно пожалеть.

Сухо кивнув на прощание, Бьёрн поднялся и направился в мужской туалет. Оттуда он вышел через некоторое время и, пройдя через зал, скрылся в дверях бара.

Когда Бьёрн сказал, что ему кажется, будто за нами наблюдают, он был прав. Я шла вдоль домов, ощущая спиной чье-то присутствие, не покидающее меня всю дорогу. Впору было уже бросаться в сторону от каждой тени, но я старалась идти так, словно ничего не было. Там, где улица расходилась в две стороны, разделенная декоративным газоном, я остановилась и оглянулась. Никого. Никого, кто бы мог наблюдать за мной. Хотя, впрочем, никто не мог поручиться, что любой прохожий не может оказаться тем, чей взгляд буравил мне спину.

Испытывая вновь гамму неприятных чувств, я вытащила телефон и набрала номер Гаспара. Он был сейчас последним человеком, которого я могла использовать для своей цели, и первым — кому я действительно могла позвонить. Получался странный парадокс. Трубку Гаспар взял почти сразу.

— Где ты сейчас? — Он не тратил много слов, сразу перейдя к делу. Я назвала адрес.

— Я скоро буду, — с этими словами он отключился.

Мне даже не хотелось представлять себе того или тех, кто сопровождает меня, больно уж жутковатые мысли приходили в голову. Смешавшись с очередной группой прохожих, я нырнула ближе к зданиям так, чтобы за спиной была стена, а саму меня было почти не видно в отбрасываемой домом тени.

Я не была уверена в том, что за мной следует кто-то другой, а не Хорст, до тех пор, пока возле тротуара не притормозила уже знакомая мне машина. Окно опустилось, и Гаспар с долей иронии в голосе осведомился:

— Тебя подвезти?

Как бы не выглядела ситуация, я была убеждена, что его задел тот эпизод, когда в наш неприятный диалог вклинился Бьёрн. Это была ревность, не особо скрываемая, словно Гаспар не старался скрыть от меня своего возмущения. Я не смогла не отметить, что мне это почему-то было приятно. Затем мысленно отвесила себе оплеуху, припоминая, что только круглая дура позволит себе расплываться розовой лужицей восхищения после всего происшедшего.

— Как хочешь, — огрызнулась я. Под его тихий смешок я села в машину и испытала долю облегчения — здесь, в компании предполагаемого убийцы мне было спокойнее, чем на улице, где чьи-то шаги крались за спиной в темноте. Очевидно, что-то в моем мировоззрении неумолимо переворачивалось с ног на голову. Но я знала, что Хорст не причинит мне вреда до тех пор, пока не захочет этого.

— Что произошло, Ван? — Он знал, как сильно меня раздражает это прозвище, и называл так, демонстрируя свое желание, идущее вразрез с моим собственным. Сильнее

всего меня раздражало, что, если Гаспар называл меня так, это звучало ласково и тепло, словно я была ему близка.

— Небольшие проблемы, — отозвалась я, подавляя желание оглянуться в окно машины назад. Гаспар бросил взгляд в зеркало на дверце автомобиля и выехал на дорогу.

— Если ты захочешь поделиться, я готов выслушать тебя, — заявил он, и в его тоне звучало вежливое участие стороннего наблюдателя.

Я молчала, размышляя. Ситуация поворачивалась такой стороной, что в данный момент я не могла больше никому доверять. Существовала лишь степень опасности, и она держалась на одинаковых уровнях в отношении Тагамуто, Гаспара и в большей степени — если говорить о моей сестре, её мужа и Габриила.

— Поужинай сегодня вместе со мной, Ван, пожалуйста, — прервал мои мысли Гаспар, — тебе не стоит оставаться в одиночестве дома. Иногда надо оказаться подальше от своих проблем.

Я поняла, что почти задремала, прислонившись к окну. Мозг настолько устал исхитряться в играх и интригах вокруг меня, что просто взял и выключился, провалившись в сон.

— Я не настаиваю, — продолжил Гаспар, — но мне была бы приятна твоя компания.

Возможно, это было неразумно, нелогично и неправильно, но сегодня я нуждалась в ком-то, с кем могла поговорить. И уцепилась за предоставленную возможность. Я не буду пытаться сегодня вечером разгадать Гаспара, не буду помнить о том, что больше всего хочу увидеть его там, где ему и место. Мне нужно просто общество человека, который остается спокойным несмотря ни на что. Даже, несмотря на то, что по этому человеку плачет электрический стул.

Я была уверена, что Гаспар готовит сам, но он просто рассмеялся в ответ на это. Может, если у него и было бы желание, он стал к плите. Но глупо тратить время впустую, когда в паре кварталов есть отличный ресторан, и всегда можно заказать еду домой. Не смотря на то, что квартира Гаспара находилась в районе, не славящемся элитностью, аромат еды был божественным, и он явно не преувеличивал достоинства ресторана

Я просто сидела в тишине, наблюдая за тем, как Хорст с удовольствием пробует то одно, то другое блюдо. Мне не хотелось шевелиться, говорить, поворачивать голову, я просто сидела на мягком стуле и ощущала, как моё тело отдыхает, расслабляясь от предыдущих дней.

— Тебе стоит попробовать это рагу, — Гаспар неодобрительно посмотрел на мою почти не тронутую тарелку.

— Прости, у меня сегодня плохой аппетит, — как бы великолепно не выглядела еда, я хотела оставаться в состоянии расслабленности, и даже жевать пищу казалось огромным трудом.

Гаспар отложил вилку и нож в сторону, легким движением коснулся своего рта салфеткой и выпрямился:

— Если есть что-то, что ты хочешь обсудить, то я тебя слушаю.

— Мне нужно узнать одну вещь, не прибегая к помощи официальных лиц, — я постучала пальцами по колену, стараясь подавить внутренний голос, требующий еще раз подумать — могу ли я говорить о таком с Гаспаром.

— В нашем мире можно узнать всё, было бы желание, — мужчина пожал плечами.

— Мне нужна помощь, — практически выдавила я. Гаспар улыбнулся, но сейчас в его

выражении не было тех эмоций, которые заставили бы меня пожалеть о сказанном:

— Услуга за услугу, Ван. Ты помнишь наш уговор?

Что он придумает на этот раз? Потребуется ответов на свои вопросы, которые окажутся слишком близко к Тагамуто и ее действиям?

— Да, помню. Иначе бы я не обсуждала это с тобой.

Гаспар с дружелюбным выражением на лице чуть подался вперед:

— Я помогу тебе. Но сперва ты расскажешь мне о том, кем считаешь меня, человека, раз уж называешь своим другом.

Я не могла ошибиться. Некоторое время я молчала, заставив себя вытащить из памяти все появления Хорста в своей жизни и еще раз взглянуть на них, чтобы окончательно закрепить те слова, которые собиралась произнести.

Всё это время Гаспар с улыбкой на губах молчал, пристально глядя на меня. Не знаю, его взгляд не пытался забраться мне в голову, он просто ждал, отмечая любые изменения моего выражения. Некоторое время я молчала, заставив себя вытащить из памяти все появления Гаспара в своей жизни и еще раз взглянуть на них, чтобы окончательно закрепить те слова, которые собиралась произнести. Всё это время Гаспар с улыбкой на губах молчал, пристально глядя на меня. Не знаю, была ли я права, но его взгляд не пытался забраться мне в голову, он просто ждал, отмечая любые изменения моего выражения. Наконец я заговорила:

— Тебе нравится привлекать внимание людей, но так же комфортно выглядеть невзрачно и просто, сливаясь с окружающим миром. В твоей жизни не существует близких отношений лишь потому, что ты не нуждаешься в ком-то. Это заставляет тебя испытывать двойное ощущение — ведь с одной стороны я пока близка тебе, а с другой — ты раздражен из-за вынужденного разрушения тех границ, в которых ты контролируешь абсолютно всё. Ты не можешь контролировать себя, когда мир состоит из нас двоих.

Повисла тишина. Я закончила говорить, а Гаспар молчал, продолжая смотреть на меня. Альберт Камю писал, что внезапная искренность равнозначна непростительной потере контроля над собой, и его слова были абсолютной правдой. Искренностью в моем случае было ответить на вопрос Гаспара и показать — насколько глубоко я зашла в его мир, насколько много времени уделила тому, чтобы сделать выводы о нем. Интерес к объекту наблюдения и исследования порождает долю привязанности, а она влечет за собой уязвимость. Уязвимость из-за того, что между вами образовывается связь, которую можно отрицать до хрипоты, но разорвать сложно, так как о ней не подозреваешь. А когда начинаешь её осознавать, то понимаешь, что она и желанна, и ненавистна одновременно.

Гаспар прервал тишину первым, покачав головой и засмеявшись.

— Тебе явно следует обратить внимание на психологию и изучать её более глубоко. У тебя хорошо получается, — он снова принялся за еду и выглядел очень довольным. Я, признаться, ощутила себя почти задетой. Мне казалось, что он отреагирует как-то иначе, но мои ожидания не оправдались.

— Расскажи, что именно ты хочешь узнать, и я попробую это выяснить, — Гаспар всегда играл с извращенной честностью, и это я не могла не признавать.

— Я хочу узнать — родные ли мы сестры с Ниной, — произнесла я куда-то в потолок. Может, всё дело в этом, и именно из-за того, что нас ничего не связывает, Нина оказалась способна закрыть глаза на попытку прикончить меня. Гаспар на долю секунды замер, затем вновь продолжил увлеченно отдавать должное ужину.

— Ты хочешь узнать больше о своей семье? — Полуутвердительно переспросил он.

— Да, — мне было почти физически больно об этом говорить.

— Хорошо, — Гаспар произнес это так, словно поставил точку в диалоге. Когда передо мной возникла чашка и кусок шоколадного пирога на изящном блюде, я решила поинтересоваться:

— Как у тебя могут быть такие возможности, которые легко позволят тебе найти то, что ты захочешь?

Положительно, сегодня я только и делала, что развлекала Гаспара. Он снова засмеялся, затем с укором произнес:

— Ван, ты не можешь спрашивать то, на что я буду вынужден ответить тебе заведомой ложью.

— Мы все в какой-то мере лжём друг другу, — я снова увидела образ старого сарая, за дощатой перегородкой которого стоял невидимый человек, и мы оба слышали дыхание друг друга. Но никто не сделал шаг, чтобы снять маски.

Гаспар посмотрел прямо мне в лицо:

— Когда ты близок с кем-то, то уже не можешь ему лгать. Это будет равносильно предательству. Ты можешь промолчать, можешь скрыть ту часть истины, которая будет жесткой. Но не лгать.

Несмотря на то, что он сейчас ответил мне на тот вопрос, который я всегда хотела ему задать, этот ответ меня не удовлетворил. Эти правила были вывернуты наружу и выглядели как искривленное отражение, которое и правдиво, и лживо одновременно. Так глубоко в сплетения обмана я не могла зайти, не потеряв контроля, а потому — оставалась на месте и не пыталась их понять, заходя в мутный и губительный водоворот.

Тишина, спокойствие и ощущение безопасности сделали свое дело, заставив меня засыпать с открытыми глазами. Это не могло скрыться от Гаспара, и он уверенно заявил:

— Переночуй у меня, уже слишком поздно.

Возможно, не будь там, в ночи, чьих-то глаз, не будь я настолько расслабившейся и не готовой к спорам, то обязательно отказалась и направилась бы домой. Но я даже обрадовалась тому, что мне не придется возвращаться обратно.

Позже, когда я свернулась в клубок, устроившись в углу большого и мягкого дивана и подтянув под голову подушку, которая так и утягивала в сонную бездну, мне запоздало пришло в голову, что я определенно заняла место хозяина дома. Его гостеприимство однозначно было слишком щедрым. Гаспар снова сделал вид, что я высказала нечто очень забавное, и заявил, что в квартире хватит места для нас двоих. Если он собирался спать на полу, то меня это должно было задеть. Но не задевало, так как я хотела спать, и это делало меня эгоистичной.

Когда я уже совсем засыпала, и всё вокруг медленно затихало, на какое-то мгновение я открыла глаза. Гаспар сидел у стола, занятый какими-то своими делами, и темноту комнаты разгоняла лишь небольшая старинная лампа. Я полусонно наблюдала за мужчиной, откинувшимся на спинку стула и расслабленно что-то листающим. Очередные бумаги и очередные дела.

— Гаспар, — мой шепот звучал слишком громко, как мне казалось. Он повернул голову.

— Что случилось, Ван? — Возможно, что он никогда не прекратит выглядеть почти заботливым, будто это и правда его настоящее лицо. От этой мысли становилось больно.

— Посиди со мной, — если можно на мгновение поверить, что всё это — правда, то

почему бы и нет? Почему не воспользоваться шансом?

Он не удивился, не замер от неожиданности. Просто поднялся со своего места, подошел к дивану и осторожно присел на его край, рядом со мной. Лампа едва разгоняла темноту тут, у стены, но лицо Гаспара было достаточно освещено, чтобы я могла его видеть. Он улыбнулся мне, и морщины в уголках глаз внезапно сделали его гораздо старше, а выражение лица — мягче. Наверно, Гаспар — совсем не тот, кого следует просить быть рядом. Возможно потому, что под рубашкой прячется сильное тело, тепло которого почти осязаемо, и слишком навязчивы мысли о том, чтобы дотронуться до мягкой кожи, пахнущей травяным шампунем. Ощутить её ближе, чем надо.

Возможно, это творится со мной лишь потому, что всё выглядит так, словно его действительно волнует моя жизнь. Люди бывают искренними тогда, когда говорят что-то, не подумав, и тогда, когда их баюкает сон. Я снова открываю глаза, уже с трудом, и некоторое время смотрю в лицо Гаспара, а затем спрашиваю:

— Ты знаешь обо мне всё, не так ли?

Он протягивает руку и отводит волосы с моего лба назад, чтобы они не лежали на лице.

— Я знаю, что у тебя на голове шрам. Я знаю, что ты не любишь стоять на месте и ждать. Я знаю, что, если ты идешь к своей цели, то тебя сложно остановить. А ещё, я знаю, что ты не пьешь лекарства, которые тебе выписали в госпитале.

Его рука такая теплая и большая лежит на моих волосах. Он привязывает меня к себе, манипулирует мной, умело дергает за нужные веревочки и не отпускает никуда. Он уделяет слишком много времени тому, чтобы держать меня в пределах своих границ. И это так же делает его уязвимым, как и меня — попытки обыграть его.

Я размышляю, что это и к лучшему. Это означает, что между нами гораздо больше общего, чем между ним и другими. Я ловлю себя на том, что думаю о той рыжей женщине и испытываю раздражение от того, что возможно она знает его гораздо лучше, чем я, что она имеет на него какие-то права. Это ревность, и даже если это та правда, которую я бы хотела затоптать и спрятать как можно глубже, которая заставляет меня испытывать неприязнь к самой себе, она придает правдоподобности нашим отношениям.

Я закрываю глаза и медленно засыпаю, чувствуя, как пальцы Гаспара ласково касаются моей головы.

За все время, которое я провела вне родительского дома, я никогда не спала так крепко и спокойно, как в эту ночь. Когда я открыла глаза, на улице уже было довольно светло, и я не сразу поняла — где нахожусь. В квартире было пусто, и тишину нарушали только звуки с улицы, которые проникали внутрь через стекло окон. Я потерла глаза, поняв, что одна единешенька. Встала, дошла до ванной комнаты, где в зеркале меня поприветствовало мягкое, но отдохнувшее лицо. На щеке остался след от подушки, волосы стояли дыбом, но в целом всё было просто замечательно.

Вернувшись обратно в комнату, я огляделась. Судя по всему, этой ночью Хорст не ложился спать, уступив мне место для отдыха. На кухонном столе стоял накрытый салфеткой поднос, поверх салфетки была положена записка. В ней Гаспар написал лишь одну фразу, предлагая просто закрыть дверь и не беспокоиться о замках, если я соберусь уходить. Казалось, что он почти предполагает вариант развития событий, в которых я не захочу уходить, но в то же время никоим образом не выказывает своих мыслей, оставляя мне право выбора.

Под салфеткой стояла тарелка с сэндвичами, рядом возвышался стакан сока. Господи, я

словно попала в петлю времени и вернулась в то время, когда обо мне всегда заботились. И это вызвало у меня внезапно ярость. Это было подло, играть на самом больном, прекрасно осознавая, что собака привяжется к тому, кто предлагает ей тепло и добрую руку. Более того, теперь я ни секунды не сомневалась в том, что мне стоит больше не покушаться ни на какие поступки, особенно теперь, когда было понятно, что Гаспар манипулирует людьми, манипулирует мной.

Я опустила обратно салфетку, положила на место записку и, сняв свою куртку с вешалки, вышла из квартиры. Ощущение, что я тайком сбегаю, не покидало меня и тогда, когда я вышла на улицу. Теперь, при свете дня всё происходившее накануне выглядело как странное наваждение. Я выпрямилась и зашагала вперед, возвращаясь к негостеприимной реальности.

Сегодня температура воздуха упала, и холодный воздух стягивал кожу лица, заползал под одежду. Я быстро шагала по улице, стараясь противостоять холоду. Миновав пару домов, завершающих квартал, я огляделась. Из небольшой подворотни всегда может появиться машина, да так неожиданно, что ты осознаешь ее приближение лишь в последний момент. Редкий водитель бывает так любезен, что едет медленно и как-то предупреждает пешехода о себе. Я направилась дальше, но теперь уже смотрела по сторонам. Именно благодаря этому, когда по противоположной стороне улицы зашагал мужчина, вышедший из-за угла дома, я невольно обратила на него внимание. Он направлялся в обратную сторону, мимо дома Хорста, и что-то в нем было мне знакомо. Я прошла еще пару метров, затем остановилась как вкопанная, чтобы развернуться и броситься следом за мужчиной. Рост Саула, выправка Саула, военная походка, будто под ногами — вечное полотно плаца.

На мой оклик он не отреагировал. Напротив, даже прибавил шаг, ускоряясь. Казалось, что он не хочет оказаться со мной лицом к лицу, но я была настроена добиться своего. Спустя некоторое время мужчина, явно дававший фору в попытке оторваться от меня, нырнул в новую щель между домов, в которую ни одна машина не смогла бы проехать, разве что боком. Я добежала до темного провала и осмотрелась, не желая получить неприятные сюрпризы от складывающейся все более странно ситуации. На стене здания, прямо над моей головой, висела табличка, оповещающая, что номер этого дома — 1309.

Было слишком поздно для размышлений и раздумий, и я побежала в темноту, стараясь догнать свою цель. Дома здесь были почти похожи друг на друга, различаясь лишь степенью освещенности. Во всяком случае, дом, где жил Гаспар, явно был более ухожен, чем тот, по лестницам которого сейчас мы бежали.

Так я оказалась на последних этажах, и, когда где-то над моей головой хлопнула с грохотом железная дверь, я постаралась приускорить свой темп. С чердака открывался выход на плоскую крышу дома, на которую сейчас я и выбралась. Я не знала, почему похожий на дядю мужчина убегает от меня, оставив перед этим послание с указанием на этот дом. Но на продуваемой всеми ветрами поверхности не было никого. Было бы слишком жестоко, если оказалось, что это не то, о чем говорилось в записке, а человек, за которым я погналась — какой-то мелкий наркоман или хулиган, решивший, что за ним направилось правосудие. Я не стала рисковать, подходя к краю здания и разыскивая варианты, которыми мог воспользоваться беглец. Хватило и того разочарования, которым меня укрыло полностью от бессмысленности происходящего. Железная дверь тихо скулила несмазанными петлями, и этот звук нарушал унылую тишину. Скорее, рефлексивно, чем осознанно, я придержала дверь, чтобы она не раздражала слух своими песнями.

За углом ската, который служил выходом на крышу, что-то шевельнулось на плоской и грязной поверхности. Я осторожно выглянула, осознавая, что могу легко получить удар в глаз кулаком, или что еще хуже — чем-нибудь острым и заточенным. Но вопреки моим опасениям там было пусто. Никого. Только бумажный конверт средних размеров, чья незаклееная верхняя часть шевелилась от ветра и как раз привлекала моё внимание.

Оглядевшись вокруг на всякий случай, я наклонилась и подняла его. Конверт оказался достаточно массивным, и в нем явно лежала не просто одна-единственная бумажка. Содержимым его являлось несколько фотографий и простой телефон, одна из моделей, которые способны только принимать звонки и отправлять сообщения. В тот момент, когда я подняла сверток с крыши, телефон издал мелодичный свист. Было поздно спохватываться и думать о том, что это может быть какая-нибудь взрывающаяся вещица. Я осторожно вытащила телефон, снова издавший звуки, и обнаружила, что это не что иное, как оповещение входящего сообщения. Второй раз решить, что это адресовано не мне, было бы уже не просто, и я нажала кнопку.

"Когда понадобится помощь, позвони".

После того, как я дважды перечитала это послание, телефон неожиданно пискнул, и экран погас. Как я не старалась включить аппарат, он не подавал больше признаков жизни, словно его предназначение было одноразовым. Фотографии, вложенные в конверт, были сделаны на хороший фотоаппарат с высоким разрешением. Каждая деталь, каждый штрих вырисовывался очень четко и объемно. Я рассматривала мужчину в спецовке, открывающего дверь моего дома. Камера поймала его в тот момент, когда он повернул голову, оглядываясь. Дата на снимке указывала, что всё это было снято накануне пожара. Вторая фотография демонстрировала во всех деталях и подробностях обнимающуюся пару в окне здания, которое находилось напротив фотографа. Я слишком хорошо знала каждого, настолько хорошо, что могла сказать — где у Габриила небольшой, но заметный шрам от ожога на руке, и что за татуировка на лопатке Нины. Ветер бил мне в лицо, а я разглядывала, как мой бывший муж и моя сестра обнимаются перед тем, как нырнуть в постель.

Я не могла сказать спасибо неизвестному доброхоту за его любезно подброшенные мне откровения. Половину меня раскатало в лепешку, вторую половину трясло от тихой ненависти. Я размахнулась и забросила уже ненужный, по всей видимости, телефон ввысь. Он взмыл в небо, затем описал дугу и камнем полетел вниз, между зданиями, чтобы разбиться на мелкие осколки. Фотографии я, подумав, засунула в карман. Они были похожи на опасную ядовитую змею, но при этом — стащили с моих глаз последние розовые очки.

Часть 1. Главы 18 -21

Глава 18

Потрясение, как любой шок, делится на фазы. В одну ты готов голыми руками разбивать камни и извергать огненные струи как дракон ты разбит, язык не слушается, мысли разбегаются. В другую фазу ты разбит, язык не слушается, мысли разбегаются. А потом ты просто задаешь куда-то в пустоту вопросы, на которые не получишь ответа, и под конец смиряешься, принимая всё таким, каким оно свалилось на тебя. Это даже лучше, ведь от фейерверка эмоций или отупелого, коматозного состояния нет никакого проку. Я не могла решить сейчас ни одной проблемы, ни одно движение не казалось мне верным. И, несмотря на то, что судорожно хотелось куда-то идти, что-то делать, я знала, что надо противостоять этому желанию.

Ватные, тяжелые облака угрожали новой порцией снегопада, и я торопилась домой, запоздало понимая, что еще пару часов назад должна была позвонить и договориться о встрече с клиентами, ожидающими свой план интерьера. Людей на улице становилось все меньше и меньше, а погода была откровенно недоброжелательна к тем, кто рискнул выйти из дома. Еще несколько недель назад улица казалась приветливой, и деревья, которых было достаточно возле домов, шелестели листвой, создавая уютное ощущение защищенности и безмятежности. Теперь же они тянули вверх, к тяжелому, стальному небу свои черные ветки, словно пытались позвать на помощь или же отодвинуть наступающий холодный ветер.

На смену сезону года, беспечному и занимающемуся незамысловатыми делами, такими же яркими и поверхностными, как игривые летние облачка, пришел его холодный, бесстрастный брат, и погружающий всё в безысходный, почти мертвый сон. Возможно, когда-то придет весна, возможно, когда-то всё изменится. Но не сейчас.

Я опустила озябшие руки под теплую, почти горячую воду, и долго держала их под струей, ощущая, как кожа медленно наливается кровью от оживших сосудов. Затем несколько секунд вытирала пальцы махровым полотенцем, массируя их и ругая себя за то, что накануне забыла дома перчатки. Надо было приготовить что-нибудь поесть, ведь я не ела ничего со вчерашнего вечера, и живот мой явно прилип к позвоночнику.

Мысленно ворча, что превращаюсь в закоренелую холостячку, я не стала доставать тарелки, и принялась уплетать приготовленный на скорую руку обед прямо из посуды, в которой его сделала. Для того, чтобы было совсем уж весело, включила ноутбук, заменивший мне телевизор, немного пострадавший при пожаре. Обычно я выбирала новости, и они шли звуковым фоном к моему пребыванию на кухне.

Раньше я считала себя более-менее привыкшей к жутким кадрам очередных происшествий, но сейчас мне даже перехотелось есть. Сначала я просто смотрела видеоряд новостей, потом переключилась на прямую трансляцию в сети. Там было то же самое событие дня, привлекающее зрителей и повышающее рейтинги. И это событие выглядело как подвешенный на железной цепи к фонарному столбу, обгоревший труп. Он находился на перекрестке аллея парка, и убийце было легко остаться незамеченным. Обнаружил раскачивающееся черное тело прохожий, выгуливавший своего добермана. И вид у мужчины, стоящего возле полиции и скорой помощи, был такой, словно его снова начнет мучительно и долго тошнить, пока он не выплюнет собственные потроха. Глаза бедняги так и не принимали нормального выражения, оставаясь потрясенно-остановившимися. Тело, тем

временем, пытались снять с железной цепи, которая была закреплена на убитом, по всей видимости, ещё тогда, когда он был жив.

Ничего особенного, черт возьми, ничего необычного. Очевидно, что этот проклятый город захлестнул безумный карнавал Смерти, разгулявшийся не на шутку.

Потеряв аппетит, я выключила новости и отставила подальше еду. Мне действительно становилось не по себе в городе, словно он душил меня тем, что в нем обитало. Но для того, чтобы куда-то убежать, у меня не было денег и не было уверенности в том, что это нечто темное не живет на самом деле внутри самой меня. В противном случае ни один город или континент не принесут облегчения и освобождения.

Часом позже я вышла из душа и сидела на краю кровати, вытирая волосы полотенцем. Можно было высушить их феном, но они были достаточно короткими, да и я сама стала относиться с подозрением ко всем электрическим приборам. За окном было совсем темно, зимние ночи становились всё длиннее, но до дня равноденствия было уже недалеко. Вчера мне повезло выспаться, и я не ощущала желаний лечь, забравшись на кровать скорее по привычке.

Я настолько ушла в чтение подвернувшейся под руку книги, что не сразу поняла, что грохот, раздающийся где-то на улице, на самом деле является абсолютно невежливым стуком в мою входную дверь. Складывалось впечатление, что колотили руками и ногами, и дверь явно содрогалась от такого натиска.

Уже привычно пожалев, что в доме нет ружья, я спустилась и осторожно подошла к двери, оставив свет не включенным, чтобы меня нельзя было увидеть снаружи. Там находился человек, встрече с которым я была не рада, но и опасаться которого лично могла немного меньше, чем остальных. В мою дверь ломилась Нина. И когда я ее открыла, то вид у сестры был такой, что мне пришлось пожалеть о своем решении. Этот очаровательный ухоженный вид придавал ее выражению еще большую ненависть, которую Нина не скрывала. Она окинула меня с головы до ног, словно облила ведром кислоты, и затем сразу задала вопрос, очевидно думая, что на церемонии больше времени нет:

— Где он?

Признаюсь, я моментально подумала о нескольких людях сразу, а потому слегка заторможенно поинтересовалась:

— Кто "он"?

Выражение лица Нины стало настолько холодным и пустым, что меня обдало неприятным холодком.

— Если ты хоть что-то сделала...

— погоди, — перебила я сестру, — если ты не в состоянии сказать что тебе нужно, то поговорим в следующий раз.

— Где Габриил? — Прошипела Нина, и я поняла, что ей очень хочется вцепиться мне в глаза.

— Я не слежу за твоим любовником, — рявкнула я, мысленно представляя — есть ли смысл вылить ей на голову помой, или это не даст ровным счетом ничего. Нина на мгновение даже удивилась.

— Так ты знаешь?

— А что, не похоже? — В тон ей ответила я, — поищи его у какой-то другой подружки, и не ломай впредь мне двери.

С этими словами я захлопнула несчастную дверь и закрыла замок. Сердце колотилось

как бешеное, и только сейчас, когда меня отпустило, я поняла, что меня все-таки задевает факт того, что они были вместе. Да, задевает. Я поплелась обратно к себе, и теперь мне с новой силой захотелось сбежать куда-нибудь на край света.

Наверно именно встреча с Ниной заставила меня утром, как только я проснулась, принять решение. Мне было плевать, что оно полностью соответствовало тому, чего добивались сестра и Габриил. Я поняла, что если не вырвусь из этого вязкого болота, то оно поглотит меня и лишит способности сопротивляться. Я собралась убежать от всего. Достаточно было просто позвонить в агентство недвижимости, чтобы меня вежливо заверили в том, что на этой неделе все начнет приходить в действие.

Некоторое время я еще лежала, глядя в никуда. Появившееся ощущение облегчения и освобождения было таким упоительным, что не хотелось шевелиться, чтобы оно не исчезло. Возможно, я бы повалилась еще с полчаса, если бы не зазвонил телефон. Отчаянно ловя за хвост ощущение удовлетворения и безмятежности, которое приготовилось оставить меня, я выбралась из-под одеяла.

Моё благодущие прекратилось так же внезапно, как и возникло, когда голос Тагамуто в трубке произнёс:

— Вам нужно приехать.

Кажется, все дороги, которыми я иду, приводят в одно и то же место. Я снова сижу в безликой комнате для допросов, где одна из стен — окно для тех, кто наблюдает за процессом. Комната похожа на человека после лоботомии — она есть, но она пуста и лишена собственного духа. И это медленно заставляет испытывать приступ паники, поднимающейся как волна тайфуна. Даже если ты невиновен, минуты ожидания в этом вакууме заставляют тебя начать сомневаться во всем. Небольшая психологическая атака, ничего такого особенного, и в то же время — достаточно, чтобы нащупать трещины в тебе и начать их расширять, чтобы пойти на приступ.

В этот раз я нахожусь в одиночестве достаточно долго, и становится понятно — что-то идет не так. Помня о том, что меня видят, я держу себя под контролем, стараясь оставаться сосредоточенной, но расслабленной. Как Гаспар — именно его я сейчас пытаюсь держать перед мысленным взглядом. Никогда не думала о том, насколько это будет так необходимо — копировать человека, который вызывает во мне плохие эмоции.

У меня нет с собой часов и телефона, все это забрали до того, как оставить меня в допросной. Поэтому я не знаю — сколько уже прошло времени. Сидеть я устала, но с места не встану. Движение подчас говорит о человеке больше, чем его выражение лица.

— Где Вы были позавчера вечером? — Мне непонятен этот вопрос, но я отвечаю на него без намека на недоумение.

— Дома, — не у себя дома.

— Вы знаете этого человека?

— Да, это мой бывший муж.

— В каких Вы отношениях с ним?

— Мы практически не поддерживаем отношения.

— Когда Вы видели его в последний раз?

Я хмурю брови и, подумав, называю число, когда мы вместе посещали злополучный благотворительный вечер.

— Телефонные звонки? Выглядел ли он обеспокоенным или испуганным?

— Нет, — чтобы что-то обеспокоило бывшего, это должно было касаться только его комфорта и благополучия.

— Есть кто-то, кто может подтвердить, что Вы были в тот вечер дома?

Нет. Никто не может этого подтвердить потому, что я была не дома. Я была в совершенно другом месте. И провела ночь тоже не дома.

Немного помедлив, следователь убирает ручку в карман пиджака, закрывает папку. Меня снова оставляют одну в окружении серых стен, и компанию мне составляет только стол и стул напротив.

Я продолжаю сидеть на одном месте, облокотившись на руки и закрыв глаза. Вид крайне утомленного человека, который вынужден терпеть, но понимает, что ничего сделать не может. Это должно сработать, должно убедить наблюдающих за мной людей в том, что я действительно не знаю, что происходит. Дверь открывается, и передо мной садится Тагамуто. Она как обычно холодна, собрана и в её глазах невозможно прочесть что-либо.

Анна пододвигает ко мне фотографию, и я невольно ощущаю, как содержимое моего желудка бросается вверх. Нет ничего привлекательного в обожженном до костей теле, скорченном из-за сведенных огненной судорогой мышц и сухожилий. Кривящийся провал рта словно пытается что-то сказать, оставаясь замершим в последней попытке. Я ощущаю, как поверхность стола внезапно бросается на меня, и только в последний момент мне удается взять себя в руки и не грохнуться лицом вниз. Тагамуто смотрит всё это время на меня, считывая каждую эмоцию, каждое движение, и, когда я поднимаю на неё глаза, она уже не настолько сурова, словно сделала какие-то выводы, явно говорящие в мою пользу.

— Мы полагаем, что это Ваш бывший муж, — произносит она, и в ее голосе слышно почти сочувствие. Настает мой черед по-настоящему удивиться и ощутить полнейший шок. — Проведенный результат анализа зубной карты подтвердил это.

Серые стены медленно покрываются трещинами, по которым ручейками сыпется крошащееся покрытие. Кусок за куском отваливаются кирпичи, и комната теперь выглядит как разрушающийся от ветхости угол. На самом деле, это не здание претерпевает изменения, это разрушается в моем мозгу что-то, что поддерживает его шаткое равновесие. Однажды я уже испытывала это состояние, когда видела тела людей, которые были такими реальными и живыми. Там, где проходит граница, которая делает их мертвыми, мой рассудок дает сбой. Он не способен воспринять тот факт, что то, что перед ним, и тот, кого он знал — это одно и то же. Доходя до этой границы он щелкает и повторяет бессмысленное движение, которое по-прежнему не позволяет ему осознать случившееся.

Анна Тагамуто прекрасно понимает это состояние, а потому прячет фотографию и даже придерживает дверь, чтобы я могла выйти из комнаты для допросов. Мне кажется, что я с очень большим трудом осознаю то, что мне говорят. Сказанное доходит через пару световых лет, и я ровно столько же времени думаю над ответом. Как бы я не ненавидела своего бывшего, сколько бы черных кошек не пробегало между нами и какими бы не были его дела, он был человеком. А сейчас он стал маслянисто черной головешкой. И я не могла не испытывать определенной боли, похожей на то, что при каждом шаге большая заноза оказывается в теле все глубже и глубже.

На улице было достаточно холодно, и морозец позволил дышать более свободно, чем раньше. Мне нужно было что-то, что столкнет меня с точки холостого хода, а сама я пока этого сделать не могла. Поэтому я даже обрадовалась, когда увидела похожего на огромный валун Бьёрна, стоящего у своей машины. Он махнул мне рукой, и я подошла ближе, ощущая

облегчение. Немногословный, но трезво мыслящий Бьёрн был как раз тем, что мне и было нужно.

Он в курсе происшедшего, это видно по его выражению лица, сочувствующему и смущенному от этого сочувствия. словно Бьёрн не привык к проявлению эмоций, которые испытывают обычно люди. Мы стоим друг напротив друга и молчим, а затем он делает движение плечами и роняет:

— Меня, скорее всего, отстранят от этого дела.

Ему нелегко признавать это, ведь Бьёрна, словно марафонца, могут снять с дистанции за несколько шагов до финиша. Он нужен мне как единственный фактический союзник, на которого я могу как-то полагаться. И эта новость меня не радует. В ответ на моё недоумение таким поворотом событий, Бьёрн поясняет свои слова и выглядит еще более странно — словно в нем смешиваются растерянность от того, что он так смог поступить, и попытка держаться все под маской официальности.

— Я подтвердил Ваше алиби, рассказав о нашей встрече в тот день.

Он не смотрит мне в глаза, стараясь выглядеть так же непроницаемо, как пристало агенту. И до меня запоздало доходит, что Бьёрна накажут за самовольно предпринятые действия. Тагамуто не потерпит вмешательства в свои планы, а уж тем более, если их пытаются изменить, она еще больше захочет напомнить о том — кто главный. Таким образом, Бьёрн будет отстранен, я лишусь союзника, и все вернется на свои места — балаган марионеток, руководимый то Тагамуто, то Гаспаром.

Все церемонии выглядят одинаково. Но каждые похороны проходят по-разному.

Для журналистов это было прощание с очередной жертвой неизвестного убийцы. Для пришедших знакомых это была вежливая необходимость отдать последний долг. Для меня, как единственного близкого человека, это было прощание. Ни слез, ни горя, ничего. Недоброе прошлое ушло, и сейчас я говорила "прощай" человеку, которого знала несколько лет. Смерть примиряет людей, и она сейчас мирила меня с бывшим мужем.

Священник закончил свою речь и отошел в сторону, присутствующие потянулись небольшой цепочкой к гробу, чтобы положить на него принесенные цветы. У меня цветов не было. И к гробу я подошла просто, чтобы мысленно пожелать покойному лучшей доли там, куда он ушел.

Затем я отошла подальше, к стоящим возле могил деревьям. Они были голыми, спящими, но через несколько месяцев по их стволам побежит сок, разбудит каждую веточку, и кладбище зазеленеет, напоминая людям о вечном круге жизни и смерти. Сейчас же выпавший снег четко обрисовывал каменные плиты памятников. На одну из них неподалеку от меня опустилась большая темная ворона. И ее антрацитовый глаз смотрел в нашу сторону, явно не одобряя того, что люди производят столько ненужного шума. Птица наклонила голову набок, словно хотела разглядеть получше происходящее. Затем взмахнула широкими крыльями и взлетела. Она пролетела достаточно низко над землей, как раз между мной и остальными, и я невольно проводила птицу взглядом. Черный веер перьев скрылся в таких же черных ветках дерева на той стороне кладбища, которое разделяла полоса дороги, используемой для подъезда катафалков. Машины, на которых все прибыли сюда, стояли вдоль линии асфальта, и их потихоньку заносило мелким снегом, похожим больше на крупу.

Один автомобиль выбивался из общей массы. Он был припаркован на другой стороне дороги, и я не могла вспомнить, чтобы его хозяин присутствовал на прощании. Я видела

фигуру в темном пальто, стоящую возле машины. Чтобы не мерзли руки, Гаспар держал их в карманах, и это придавало ему еще больше вид наблюдателя. Он мог быть здесь более десятка минут или же только приехать. Я смотрела на него, он смотрел на похороны, и было ясно — Хорст не собирается присоединиться к церемонии.

Мы пересеклись взглядами лишь на секунду, после чего Гаспар сел в машину. Наверно я не подошла бы к нему. Когда соприкасаешься со смертью, сложно лгать. Сложно изображать что-то. Смерть сдергивает все шторы и заставляет самую потаенную правду оказаться на свету. Я не смогла бы стоять рядом с Гаспаром, обнажая все свои вопросы, обвинения и эмоции. И мне сейчас было абсолютно безразлично — что привело его на кладбище.

Глава 19

Спустя несколько дней после похорон я всё еще обдумывала идею продать дом и уехать куда-нибудь. Мне нравилось представлять, каким будет новое место, ничто не мешало мне создавать его образ. Может, это будет северный район, где тишина и погода создают одно целое. Может это будет небольшой городок у реки, где зимой стоят морозы, а летом над водой поднимаются туманные завесы.

Дом будто понимал, что я хочу его оставить. Все словно сговорилось и демонстрировало мне свое негодование: из рук выскальзывала посуда, замки, новые и исправные, внезапно заедало так, что приходилось возиться довольно долго, чтобы их открыть. На самом деле, мне всё это только казалось. Мне хотелось видеть это, и я придумывала себе эти истории. Ведь у меня просто тряслись руки, мысли бродили слишком далеко от попытки повернуть ключ в нужную сторону. И я знала, что с этим надо заканчивать.

Бьёрну я позвонила лишь один раз, когда решила прервать информационное молчание и узнать самостоятельно — что они думают об убийстве. Я могла это себе позволить. Я была заинтересованной стороной.

Он даже будто обрадовался мне. Очевидно, за то время, пока мы варились в нашем адском котле, он перестал видеть во мне подозреваемую. Это было даже приятно, когда есть кто-то, кто относится к твоим словам с некоторой долей доверия. Бьёрна не отстранили, но Тагамуто обязательно нашла способ напомнить ему о том, что он не должен мешать делу. Анна не хотела, чтобы инициатива переходила к кому-то, она должна была держать руку на пульсе. Так что, Бьёрн дал мне алиби, весьма условное, так как при желании можно было бы докопаться до любого алиби и найти повод для обвинения. Так-то у меня был мотив убить своего бывшего.

Звонок не дал ничего. Они по-прежнему искали виновного, но не обвиняли того же самого убийцу предыдущих жертв лишь потому, что по мнению полиции почерк был не его. Трубку я положила с твердым убеждением, что мышление полицейского почти не способно выйти за рамки. И тысячи дел решались бы лучше, если бы они на мгновение поставили бы себя на место убийцы. Хотя, впрочем, не мне, разработчику дизайна интерьеров, было поучать людей, сдавших курс криминалистики, юриспруденции и прочих премудростей. Я просто решила, что попробую сама сделать то, что смогу.

Зима окончательно утвердилась в правах, снег лежал на крышах домов, на дорожках. Иногда приходилось расчищать крыльцо, чтобы не открывать дверь прямо в небольшой сугроб. Рождественские праздники должны были начаться через неделю, и город медленно утопал в гирляндах огней, игрушек и праздничного настроения.

Я редко вылезала на улицу, предпочитая каждое утро заниматься упражнениями, затем

работать над чем-то из проектов. Начальство решило, что мне стоит поработать на дому. Таким образом, они шли навстречу мне, да и сами оставались в выигрыше.

А потом, когда за окнами темнело, я уходила наверх с большой чашкой кофе с молоком и сидела на теплом ковре с ноутбуком перед собой. Из новостей я уже знала о том, что компания Алана разорена, и благополучие сестры рассыпается как карточный домик на сквозняке.

Сочельник наступил незаметно и тихо. Когда-то этот день был самым ожидаемым, и предвкушение появлялось за несколько дней до его прихода. Во всех семьях сейчас люди веселы и довольны, кухни полны тепла и аромата специй, члены семейства держатся вместе, и их скрепляет друг с другом вошедший в дом дух Рождества.

В этот раз я не испытывала уколов тоски по прошлому. В доме не было украшений и елки, вместо них я поставила на видное место семейную фотографию, где родители и мы, еще маленькие и далекие от вражды, улыбаемся в объектив камеры. Раньше я избегала фотографий, они служили для меня напоминанием о том, чего уже нет, и я инстинктивно обходила стороной то, что причиняло боль. Теперь боль отошла. И я улыбалась, бросая взгляды на отца, прищурившего один глаз, на мать, которая даже на снимке оставалась силой притяжения для всей семьи.

Этим миром в душе я была обязана Гаспару, но вспоминать о нём не хотелось. Достаточно было того, что он был в моей голове постоянно, как часть меня. Иногда казалось, что я начинаю думать как он, или же, что мои мысли говорят его голосом. Во всяком случае, я не стала поздравлять Гаспара с Рождеством, прекрасно зная, что в телефоне есть несколько пропущенных звонков от него, и если я продолжу его не замечать, то он однажды постучится в мою дверь. Я, конечно же, не ждала Санту, не вешала носок на камин — не было камина для этого. Перед тем, как лечь, я подумала, что единственным подарком, который мне хотелось, было бы разрешение вопросов и белых пятен. С тем я и заснула.

Утро Рождества было тихим и умиротворенным. Мягкий снег не скрипел под ногами, будто бы не хотел нарушать тишину этого дня. Солнце почти встало, и его лучи золотили верхушки деревьев и бросали отблеск на дома. Я спустилась со ступеней, дошла до бака и запихнула туда черный мешок с мусором.

— Какое чудесное утро! — Я чуть не выпрыгнула из собственной кожи, когда со мной заговорил бак для отходов. Секундой позже до меня дошло, что голос раздается из-за моей спины, и я с облегчением выдохнула. Соседка из дома ниже по улице стояла с коляской, в которой дремал ее трехлетний сын, и с любопытством смотрела на меня.

— Действительно, чудесное утро, — вежливо согласилась я.

— Вы не смотрели сегодня ещё новости? — Женщину явно распирало от желания поделиться с кем-нибудь новостями. Видя моё выражение лица, она с восторгом пояснила, — говорят, полиция наконец-то поймала этого ужасного психопата. Так что, наконец-то можно спать спокойно.

Она хихикнула, словно мы были две подружки-заговорщицы, понимающие смысл фразы. Я моргнула, переваривая услышанное, затем пожелала ей счастливого Рождества и вернулась домой. Похоже, что Тагамуто решила использовать любые способы, чтобы выманить Гаспара наружу. Она планировала сыграть на его эмоциях, вызвать возмущение тем, что кто-то присвоил его лавры себе. Бесспорно, Анна с отличием закончила академию, и курсы, посвященные моделям действий преступников, она прослушала очень внимательно. Вот и решила воспользоваться старым, проверенным методом, который обычно работал при

поимке преступников.

И это было глупо. Она явно не понимала, что он не поведется на это.

Погода за окном продолжала радовать солнечным великолепием. Лучи придавали каждой детали, каждой мелочи яркость и объемность, отчего мир был похож на красивую миниатюру в стеклянном шаре. Смотришь в него и видишь все прекрасным, изящным. Мир вокруг не замечал зла, конфликтов, насилия, или же замечал, но старался стереть отпечатки человеческих дел и вернуть все в первозданное равновесие. Это ему удавалось все хуже, но не мы ли сами были тому виной?

Снег придавал освещению двойную мощь, и в доме было так светло, словно горел десяток ламп. Солнечные зайчики дрожали на потолке, отражаясь от зеркальных поверхностей вазы на столе в комнате, на кухне — от воды в миске, где лежали очищенные овощи. Сумерки наступят очень скоро, а пока что, солнце предьявляло свои права на власть.

Оно уже начало светить мягче, а на снегу стали проступать более длинные тени, предвещающие приближение ночи, когда я закончила готовить ужин. Работа на кухне для меня была чем-то вроде медитации, когда заняты руки, а мозг может расслаблено наблюдать за процессом. Мягко завибрировал телефон, слегка подпрыгивая на столе и сползая к самому краю. Звонил Хорст, и я ответила, прекрасно помня о том, что на предыдущие его звонки я не обращала внимания, таким образом, провоцируя разные, непредсказуемые события.

— Как ты? — Голос Гаспара был таким же, как и месяц назад, и два, и больше. Спокойный, балансирующий между вежливостью и заботой.

— Хорошо, спасибо, — я вытерла руки, прижимая телефон плечом к уху.

— Рад это слышать, — если попытаться представить себе Гаса, легко можно было бы увидеть, что он улыбается. Мне уже не составляло труда знать его привычки, жесты и выражение лица по тому, как он говорил.

— Прости, что не ответила на звонки. Мне было немного не до этого, — я стояла у окна, глядя на то, как удлиняются сиреневые тени на снегу.

— Я понимаю. Не стоит извиняться, Ван.

Меня по-прежнему раздражало то, как он называет меня, умышленно избегая полного имени. Когда он так обращался ко мне, казалось, что прозвище выражает его степень расположения, доверия, близости. Можно было назвать это по-разному. Суть оставалась одна.

— Зачем ты приезжал на кладбище?

Блестящий глаз птицы. Комья замерзшей земли. Мелкий, острый снег. Темная фигура в дорогом пальто. Белое и черное, черное и белое, две стороны одной медали. Солнце медленно исчезает за горизонтом, и его последние лучи освещают только края низких облаков.

— Я хотел убедиться, что с тобой всё хорошо.

— Тогда почему не подошел?

— Мне не хотелось тревожить тебя во время церемонии. Прощание — это диалог двоих, а не толпы. Поэтому я не одобряю множества народа на похоронах.

— Ты говоришь так, словно не один раз был на похоронах сам. Тем, кто прощается, — я почти вижу, как там, на той стороне, его улыбка становится более острой, словно на шахматной доске Гаспару предстоит сделать новый ход.

— В любом случае нам не стоит скорбеть слишком долго. Это будет оскорблять

ушедших, будто бы мы эгоистично видим в смерти только причину собственного ущерба, — его слова похожи на неспешно текущую воду, — В Южной Азии принято отмечать похороны так, словно это главный праздник в жизни покойного.

— Хорошо, что мы живем не в Азии, — я медленно иду по мелководью, не забывая об осторожности, — иначе нам пришлось праздновать каждый день чью-то смерть.

Мягкий голос Гаспара звучит так, словно взрослый терпеливо объясняет ребенку вещи, довольно сложные для его понимания.

— Я понимаю твою иронию. Скорбь — благородное чувство, но она хороша в умеренном количестве. Во всяком случае, мир признает власть силы, и об этом не стоит забывать. Сила и эмоции не всегда сочетаются между собой.

— Ты живешь в интересном мире, — я сажусь на диван в полутемной гостиной, и сумрак погружает комнату вокруг меня в странную пустоту, — нарушаешь правила и признаешь только силу.

Гаспар смеется — негромко и коротко. Сейчас его смех звучит совсем безрадостно и холодно, словно бьется стекло.

— Мне нравится, как ты необычно видишь вселенную вокруг, Ван, но ты не права, — я слышу, как его голос меняется. Наверно, он откинулся на спинку стула, расстегнул привычным движением ворот рубашки, и продолжает говорить, но уже более мягко и расслабленно, — нельзя поклоняться, верить во что-то и быть свободным. Я не верю ни во что, Ван. Тебе может показаться это непонятным, но это дает свободу разуму. Свободу принятия решений и действий.

Слова Гаспара словно отвечают на его собственные мысли, беспокоящие его настолько сильно, что он позволяет им прорваться наружу.

— Как поживают твои деловые занятия? — Это слишком очевидный уход от темы разговора, но он безопасен.

— Хорошо, — Гаспар знает это и снисходительно поощряет мою смену курса, — Кстати, я всё хотел спросить, как тебе альбом? Наверно, ты так и не добралась до него, ведь у тебя всегда много дел.

Я оглядываюсь на книжную полку, где лежит его подарок.

— Открой его на пятнадцатой странице, — предлагает Гаспар, и я поднимаюсь, чтобы взять с полки книгу. Плотные листы бумаги с красочными фотографиями ложатся на твердый переплет, и я смотрю на картину, которую прячет страница номер пятнадцать.

— Видишь эту статую? Не один год она была просто камнем, который так и оставался лежать в стороне, никем не замеченный и не востребованный. Если бы не амбиции его создателя, самоуверенность и вера в себя, в свои возможности, а не во что-то иное, мы так бы никогда и не увидели этой несокрушимой силы спокойствия.

Гаспар говорит со мной, создавая нечто живое и реальное. И фотография приобретает очертания, отделяется от бумаги и встает сама во всей своей трехмерности.

— Его лицо сосредоточенно, но он не испытывает страха. Он не боится потому, что он знает свою силу, свои возможности и свой выбор. Посмотри, как он глядит на того, кто перед ним. Он готов ко всему. Каждый раз, когда я смотрю на это лицо, я думаю, что Голиаф не смог бы устоять перед ним. Да, великан допустил ошибку, позволив себе на несколько мгновений перестать видеть в Давиде воина. Но он был бы в любом случае покорен тем, как мальчик готов принять все происходящее. Тот, кто готов к любым переменам, уже побеждает в схватке. У Голиафа были сила и могущество, а у Давида только праща. Знаешь,

что оказалось слабым местом великана? Сам Давид.

— Возможно, Микеланджело видел Давида таким же, как и ты, — я закрываю книгу, стряхивая наваждение, говорящее о том, что сказанное Гаспаром относится не только к скульптуре. Слишком уж лично и интимно звучат его слова.

— Возможно, но спросить у него об этом мы не можем, — легко соглашается со мной Гаспар, — кстати, я видел копию скульптуры в Лондоне. Говорят, что оригинал гораздо больше копий, но мне не слишком нравится Рим, чтобы поехать и проверить это утверждение. Давай, как-нибудь я покажу тебе английскую версию, если ты захочешь посмотреть Лондонские музеи?

Когда ночь сгущается, и в комнате уже совершенно темно, я продолжаю лежать с открытыми глазами. И статуя Давида не исчезает, находясь прямо посреди моей комнаты. Все слова в красивых и порой таких странных фразах Гаспара — это аллегории, которые дают легкий намек на правду. Возможно, чтобы понять их, надо увидеть всё глазами Гаспара, думать его мыслями.

Мне не составляет труда увидеть, как сам призрачный Гаспар выходит из-за статуи и обходит ее кругом, рассматривая творение Микеланджело Буонарроти.

— Ты ищешь в моих словах подсказки, — он, запрокинув голову, вглядывается в лицо Давида, — тогда как все гораздо проще. Усложнять себе задачу удобно, когда отрицаешь очевидное. И ты должна признать то, что я фактически сделал шаг в ловушку. Но не является ли этот шаг очередным хитроумным ходом? Может, я хочу совершенно другого, не того, что ожидаешь от меня ты?

Лицо статуи искажается. Мрамор превращается в текучий воздух, линии переплетаются, то смягчаясь, то наоборот становясь более угловатыми. Я заставляю себя отпустить иллюзию, и всё исчезает. Я хочу наконец-то добиться правды хотя бы для того, чтобы все мои мысли и чувства встали на ноги. Чем дальше я продвигаюсь, тем сильнее запутываюсь и понимаю, что освободиться от них будет очень сложно.

Кто из нас охотник, а кто — жертва?

На этот раз Тагамуто выбрала местом встречи невзрачный зал городской библиотеки. Стройные стеллажи, в которых можно было легко потеряться, возвышались над головой и уходили вверх. Возможно, тут было свыше десятка тысячи книг, и пыли в придачу было тоже немало. Она плясала в лучах солнца, которые были не такими яркими из-за света дневных ламп. Я периодически заходила в библиотеку, мне нравилось читать книги, которые можно было взять в руки, прочитать строки, напечатанные на старой бумаге. Поэтому я могла не волноваться за то, что этот визит вызовет подозрение у того, кому вздумается наблюдать за моими перемещениями. Иногда меня удивляло нежелание Тагамуто приводить меня в офис, но ей, как человеку со значком и удостоверением агента, было виднее — что безопасно и разумно.

Анна сидела у стола в читальном зале, погруженная в чтение. Я бы абсолютно точно поверила в то, что женщина занята книгой, которую держит в руках. Либо книга была интересная, либо Тагамуто умела играть нужную роль.

— Он звонил, — я села у края стола и открыла свою книгу по основам композиции.

— Вам никогда не казалось странным совпадение, что Вы работаете с изобразительным искусством, а его иногда называют Художником? — Анна перевернула страницу и подперла щеку рукой, внимательно изучая текст.

— Мне многое кажется странным, — я обратила внимание на то, что Тагамуто не скрывала своих мыслей, а это значило то, что она высказывает значащую что-то идею.

— Он говорит на понятном Вам языке, — Анна не поднимала головы, разговаривая со мной достаточно тихо и незаметно со стороны.

— Я думаю, что каждое убийство — это трофей с посланием. Объяснением того, что убитый сделал. Выпотрошенные как скот. Бессердечные, которым сердце ни к чему. Бесстыдные, глаза которых не туда смотрели. Меняющие обличия, как змея — кожу.

Анна вскинула одну бровь, давая понять, что хочет услышать продолжение моих мыслей:

— Он снисходит до того, что объясняет свою волю всем, поясняет, что это не только развлечение, это заслуженная кара?

— Каждое убийство было сделано так, чтобы вы искали не то, что нужно.

Анна смотрит прямо на меня, и её глаза пытаются заглянуть прямо мне в голову:

— Вы хотите сказать, что он играет с нами и оставляет записки для того, кто их прочитает. Всё это время он кружит и оставляет отметины на пути, чтобы читателю было интересно открывать новые главы его истории.

Я прерываю зрительный контакт и опускаю глаза в книгу. Мне совсем не хочется, чтобы пронизательная Тагамуто увидела истину. Слишком долго мне пришлось отрицать ее, чтобы сейчас принять как факт то, что все эти смерти были бессмысленны, и в то же время полны определенного значения. Это было обращение, шарады, адресованные тому, кто сможет понять их язык.

Сладости на дорожке, ведущей Гензеля и Гретель к пряничному домику.

— Вполне возможно, что его близость с Вами является тем, что поможет нам его поймать. Насколько он доверяет Вам? — Тагамуто полна холодного расчета. В ее исполнении он означает одно — какова бы не была подоплека странного диалога убийцы с миром, она оставит правду на потом. До того момента, когда за Хорстом не закроется дверь камеры. А затем Анна Тагамуто примется за оставшиеся вопросы.

— Достаточно, чтобы заставить его признаться так, как нужно вам для его ареста, — шорох страниц звучит оглушительно громко в тишине.

Пользуясь секундой, я бросаю взгляд на женщину. Меня поражает и удивляет её хладнокровие и спокойствие. Наверно такими выглядят рептилии в глазах окружающего их мира — незаметные, сливающиеся со стволами деревьев, зелеными побегам. Никогда не упускают из виду ни единой мелочи, словно в их головах идет непрерывный анализ и обработка информации. Хотелось бы мне заглянуть в голову Анны, увидеть ход её мыслей, попытаться понять — что делает её такой совершенной и отстраненной. Но мне хватает и того, что мой мозг практически постоянно занят Гаспаром и его совершенными партиями в игре. В глазах Анны я всегда вижу мизерное значение жизни и смерти, если они лежат на одной из чаш весов, тогда как на другой находятся её цели. Глаза Анны пусты и холодны, но при этом за ними живет что-то другое, что руководит её совершенной логикой.

Я опускаю глаза в книгу. Мир вокруг словно сбрасывает маски, показывая мне странные и страшные личности, живущие за каждым из внешне благополучных и адекватных людей. Из разнообразных глаз — темных, светлых, круглых, узких, ориентальных, европеоидных на мир смотрят тихие, ждущие своего часа монстры. Это глаза тех, кто носит в себе своего демона и не выпускает его наружу, подкармливая только изредка вспышками насилия, гнева, разврата.

И мне становится страшно.

Бьёрн догоняет меня уже тогда, когда я прошла пару кварталов от библиотеки. Он был неподалеку, где-то в том же зале, и проходившая встреча с Тагамуто страховалась его присутствием. Мне всегда было интересно — что заставляет его участвовать в плане Анны, который он явно не одобрял?

— Вы не обязаны идти на это, — агент Бьёрн явно недоволен происходящим, более того, он почти что встревожен, — Анна не имеет права втягивать Вас, гражданское лицо, в операцию.

Вообще-то Бьёрн прав.

— Я понимаю, но это то, что я могу сделать для поимки вашего психопата.

— Очнитесь, — неожиданно Бьёрн достаточно резко трясет меня за плечи, словно пытается привлечь моё внимание к своим словам ещё больше, — неужели не понятно, что Тагамуто совершенно уверена в том, что никакого признания может и не быть?

Я не столько обращаю внимание на то, что пальцы Бьёрна достаточно сильно вцепились в меня, проникая даже сквозь теплую куртку, сколько заинтересовываюсь его словами. И уточняю:

— Тогда как она собирается произвести задержание?

Мгновенно ставший безразличным и спокойным, Бьёрн отпускает меня, отодвигаясь на шаг назад.

— Она рассматривает, как вариант, захват преступника на месте убийства.

Глава 20

Говорят, что перед любым важным событием, можно ощутить ужасное волнение. На самом деле, так бывает не всегда. Все зависит от того, насколько ты готов к грядущему и насколько ярко горят позади мосты.

Мужчина в белой рубашке с темным галстуком сосредоточенно проверяет работу маленького датчика слежения, который находится на мне. Комната полна аппаратуры, и от многочисленных экранов начинает рябить в глазах. Не знаю, чье присутствие больше беспокоит меня — Анны Тагамуто, наблюдающей за ходом подготовки к предстоящей операции. Или вид хмурого Бьёрна, который стоит в углу у двери. Он кажется камнем преткновения, проявившим беспокойство в тот момент, когда я уже сделала выбор. Подсознательно я понимаю, что всё это лишь усложнит ситуацию, но сделать ничего не могу.

С Анной в офисе проходящие мимо здороваются так, словно им хотелось бы убраться подальше, а вместо этого приходится попадаться на глаза женщине. Я так и не поняла место Тагамуто в иерархии офиса — агент, которого обходят стороной агенты, это довольно странно. Но я бы тоже убралась как можно дальше от нее, будь у меня такая возможность.

Перед тем, как зайти в это помещение, Анна останавливает меня и спрашивает:

— Вы осознаете весь риск, Ивана?

Руководит ли мной желание отомстить за бывшего мужа? Нет. Я не собираюсь делать всё это во имя кого-то конкретного.

Наверно, я хорошо научилась притворяться, или же близость финиша заставляет Анну быть не настолько внимательной, как прежде. Она не обращает внимания на то, что я отвечаю достаточно уклончиво, и ведет меня к специалистам офиса. Они должны установить на мне прибор для отслеживания местоположения меня или моего трупa, в зависимости от того, как пойдут дела. Поэтому я не смотрю в сторону Бьёрна. Беспокойство

в его глазах говорит о том, что он думает о том же самом. И крепкий агент Гис ужасно не хочет открыть дверь, войти в помещение и обнаружить там куски моего, еще теплого тела. Если им повезет.

Мы возвращаемся в кабинет Анны после того, как худощавый специалист по слежению говорит, что все исправно работает. Теперь я — это красная точка, которая перемещается по виртуальной карте на экране. Сейчас стоит середина зимы, но синева неба, кусок которого виден в окно, напоминает, что весна не за горами. И я не могу перестать посматривать в окно на безмятежную голубизну.

Анна, тем временем, обсуждает план действий, выглядящий довольно просто. Для того, чтобы все прошло идеально, я не должна нарушать привычного образа жизни, общения с Гаспаром. Когда он окажется слишком близко, мне надо выманить наружу его демона. И надеяться, что Тагамуто успеет к тому моменту, когда из меня начнут выпускать кишки. Но я на это не надеюсь, и все остальные, присутствующие в кабинете, — тоже.

В глубине души я позволяю себе расслабиться. Есть несколько вещей, которые я скрыла от всех, и, благодаря этому, я могу выиграть если не ситуацию, так время, нужное для шанса на спасение. Я не рассматриваю больше перспектив сбежать, мигающая точка на экране — это полыхающий мост, отрезанный путь к отступлению.

— Не дайте ему запутать Вас, если он решит снова вернуть Ваше доверие, — Анна выглядит настолько уверенной, что мне даже жаль ее. Она так убеждена в том, что вся ситуация полностью контролируется ею, что не может допустить мысли о том, что это не так. О том, что её агент ведет свою игру, что её наживка преследует свою цель. Панцирь логики и расчета превращается в щоры, и Анна медленно теряет контроль, но заметить этого не хочет.

На улице почти тепло. Настолько, что можно не прятаться в капюшоне куртки, но уши все равно начинают понемногу мерзнуть. Я иду прочь от здания по чистой дороге, снег с которой смели в сторону проезжей части. Очень странно, что я раньше не замечала — сколько оттенков у кажущегося однообразия снега. Дома вокруг меня тоже разнообразны, каждый имеет свое лицо, и ни одно из них не повторяется дважды.

Впервые я не замечаю прохожих, спешащих мимо меня. Они словно исчезают настолько стремительно, что я даже не обращаю на них внимания больше, чем на акт вдоха и выдоха воздуха. Зато я слышу, что городские птицы щебечут гораздо громче, чем неделю назад, а цвет неба медленно становится более ярким, приближаясь к весенней синеве. Для того, чтобы почувствовать всю глубину ощущений и восприятия, понадобилось совсем немного. Всего лишь — оказаться на краю пропасти перед последним шагом.

У меня два варианта. Либо я выберусь живой, либо не выберусь. И поскольку, будучи живой, я справлюсь со всем, то мне нужно подготовиться ко второму варианту. Оказывается, что для потенциальной смерти у меня слишком много неоконченных дел.

Я захожу домой. Окидываю взглядом комнаты, мысленно прикидывая — можно ли навести порядок, или это не настолько важно прямо сейчас. Я проверяю окна в гараже — они должны быть закрытыми, чтобы никакое животное не забралось и не оказалось в ловушке. В доме я проверяю все бумаги, раскладываю их на места. Поправляю шторы на окнах. Машинально протираю пыль на небольшом комод. Книги в шкафу лежат ровно и не требуют изменений, но я все-таки смотрю на них, раздумывая о том, что будет жаль, если их просто выбросят на свалку. Альбом, подаренный мне Гаспаром, лежит на полке. Я протягиваю к нему руку, затем отдергиваю ее, передумав.

На кухне царит идеальный порядок, когда я заканчиваю уборку и оглядываюсь. Предусмотрительно оставленная на столе чашка источает аромат чая, и я, наконец, свободная от дел, сажусь на стул и подтягиваю ее к себе. На работу я позвонила, передав последние сделанные файлы на почту менеджеру. Больше мне некого предупредить. Существование Нины еще недавно заставило позвонить ей хотя бы для того, чтобы поговорить, перекинуться парой слов. Но я не позвоню ей. Я попыталась ее простить, но забыть не смогла. А потому я остаюсь в одиночестве с идеально убранном домом и неторопливо обжигаю губы горячим терпким чаем с тонким запахом жасмина.

На самом деле умирать не страшно. Страшно принять мысль о наступающем конце.

Ночью я не вижу снов. Сплю так крепко, что с трудом открываю глаза, когда прямо над ухом начинает гудеть телефон, оповещая о входящем звонке. Что-то падает с прикроватной тумбочки, когда я пытаюсь нащупать свой мобильный. Глаза мне просто не разлепить, голову с подушки поднять невозможно, и, если бы не продолжающаяся вибрация, я бы продолжала спать.

После долгих усилий телефон попадает в мои руки, и я отвечаю на звонок. С первой же секунды мне приходится окончательно проснуться. Голос Гаспара мягок и доброжелателен, но этим голосом говорит со мной моя вероятная Смерть. Гаспар спрашивает как и тысячу раз до этого дня меня о том, как мои дела. Как моё самочувствие. Он до сих пор продолжает считать, что обязан осведомиться о моем состоянии после пожара. Словно это беспокойство дает ему что-то. Возможно, он не хотел бы, чтобы кто-то повредил мне больше, чем он того захочет. Затем Гаспар, каким-то звериным чутьем заметив изменения, осторожно спрашивает — не помешал ли он своим звонком. Меня внезапно одолевает дикое любопытство — что было бы, если бы я хотя бы раз дала ему понять, что — да, он может мне помешать?

Благоразумие шепчет, что не стоит испытывать и без того слишком призрачное везение.

— Я выяснил немного о том, что ты хотела узнать, Ван, — мне кажется, что неловкий момент прошел, и Гаспар снова говорит уверенно, немного самодовольно и спокойно. Ему нравится делать что-то, что заставляет меня удивляться или же замечать его особенность. Стараются ли он быть необычным для всех окружающих или же это касается только наших взаимоотношений?

Тем не менее, я знаю, что свои слова Гаспар выполняет, и благодарю его.

— Ты будешь вечером свободна, Ван? Я думаю, что такие вещи не стоит обсуждать по телефону, — говорит он, и внутри меня медленно сворачивается пружиной ожидание.

— Да, вечером я не занята — отвечаю я. Хочу я того или нет, но кончики пальцев начинают испытывать холод, а затем и вовсе немеют.

— Возможно, дело даже не столько в том, что я узнал, — тон Гаспара меняется, словно смягчаясь до какой-то неопределенной границы между снисходительностью и жутковатым теплым, — я хотел бы увидеть тебя. Мы давно не общались так, как раньше. Признаться, мне этого не хватает.

Когда я кладу телефон обратно на тумбочку, мне уже не хочется спать. Не хочется пребывать в искусственной тишине отрицания того, происходит. Наступает фаза ожидания, и каждая клеточка нервов во мне готовится к действиям.

Подъем. Аккуратно, без складок застелена кровать. Чашка кофе и что-то съедобное. Каждая секунда падает вниз, как песчинка в часах. Времени остается слишком мало, всего чуть меньше двенадцати часов. Но я не торопясь допиваю кофе, вымываю чашку и только

после этого набираю номер Анны.

Тагамуто отвечает почти сразу, словно ждала моего звонка. Она разговаривает немного отрывисто и явно старается не привлекать к нашему диалогу внимания, так как на заднем плане слышатся голоса. Наверно я позвонила в тот момент, когда Анна находилась на каком-то совещании. Но Тагамуто попросит меня подождать секунду, затем наступает тишина, словно женщина вышла из помещения.

— Во сколько вы встречаетесь? — Анну явно интересуют лишь точные и сухие детали, необходимые для координации действий. Услышав от меня приблизительное время встречи, она замолкает на минуту, затем снова сообщает, — не бойтесь, мы будем поблизости и не дадим ситуации пойти не так, как нужно. Главное, попробуйте подтолкнуть его к выходу из тени настолько, насколько это будет возможно.

Она до последнего момента молчит о том, что все действительно не так безопасно, что нужно быть готовым ко всему. Анна Тагамуто просто отмечает то, что не входит в её цели — ненужные, с точки зрения агента, дополнительные объяснения, слова, трата минут на разговоры. Ведь всё это только отвлекает от основной задачи. Анна видит во всем происходящем большое шахматное поле. Пешек и слонов не ободряют и не поддерживают перед ходом, их дело — служить во благо общего дела. Для этого они и ставятся на доску.

Я не собиралась проводить время в тихом ожидании того, что произойдет. Вместо этого, мне просто пришло в голову выйти на улицу и пройтись по городу, пока такая возможность у меня имелась. Снега было мало, но относительный холод не позволял ему начать таять. В некоторых местах даже можно было представить, что снежная масса образует сугробы. Небольшие, но все-таки сугробы. Одним словом, зима не сдавала свои позиции. Идеальный день не портил даже ветер, который периодически бил в лицо холодными, колючими порывами, а затем стихал до следующего удара. Людей на моей улице практически не было, половина населения работала, вторая половина сидела дома. Ноги несли меня не вниз, в центр города, где как раз таки и царило оживление, а вверх по улице, заканчивающейся почти у самой линии легкого леса на вершине холмов. Их цепь окружала город, создавая естественную преграду для разрушительной силы природы и поддерживая относительно устойчивый теплый климат внутри чаши. Сейчас деревья были голыми, ветки их припорошило снегом, и темные стволы не скрывали. Летом же они легко прятали в своей тени то, что находилось на их территории. Я не стала сворачивать с дороги в сторону леса, пусть даже снега было мало, а солнце светило ярко, блуждать там не хотелось. У меня была другая задача, которая как раз и вытянула меня из дома.

Долгие гудки раздавались слишком громко, как мне казалось. Номер, указанный в сообщении того одноразового телефона, которое предлагало помощь, я знала наизусть. Так получилось, что несколько цифр словно выжгло в памяти без прилагаемых к этому усилий. Гудки шли и шли, а я испытывала странное ощущение, в котором смешивались интерес и доля нервозности. Этот звонок был одним из моих козырей. Будет очень обидно, если окажется, что ничего не вышло.

Словно в ответ на мои мысли все звуки прервались. Сперва в трубке царил тишина, потом раздался голос женщины средних лет:

— Говорите.

Я перехватила телефон другой рукой и спокойно, насколько только могла в такой странной ситуации, произнесла:

— Мне нужна помощь.

— Хорошо, — после чего на той стороне отключились. Раздались короткие гудки.

Вот и всё, весь разговор. Я испытывала разочарование, но оно разбавлялось шепотом, говорящим о том, что всё это выглядит как-то странно для простого розыгрыша. Впрочем, в том, что происходило всё это время, не было вообще ничего похожего на розыгрыш и шутку.

Когда я уже почти подошла к дому, зазвонил телефон. Иногда мне хотелось избавиться от надоедливого аппарата, всякий раз приносящего только новые проблемы. Но на этот раз звонили с работы. Меня попросили приехать в офис, дескать, у них какие-то проблемы, обновление данных, собрание сотрудников или что-то в этом роде. И моё присутствие крайне необходимо. Как бы я не хотела провести оставшееся время дома, в тишине, мне ничего не оставалось. Заверив девушку в том, что приеду, я решила, что однажды все-таки избавлюсь от телефона. Устрою себе каникулы в одиночестве и без связи.

Дорога до офиса заняла около часа. Было то время дня, когда люди начали возвращаться с работы, и городские улицы медленно превращались в подобие бобровых запруд, едва шевелящееся от скопления машин разной величины, автобусов, юрких такси и прочей железной ерунды на колесах. Просидев пятнадцать минут в пробке, я не выдержала и выбралась из автобуса на первой же остановке. Перспектива пройти пешком не пугала, тогда как раздражало ожидание момента, что впереди кто-нибудь начнет двигаться, и твой автобус сможет сделать пару оборотов колёс прежде, чем снова остановится. Имея две ноги можно легко обойти весь город.

Я без труда дошла за десять минут до конца транспортного затора. На перекрестке, как это обычно бывает вечерами, столкнулась пара машин. Водители расхаживали возле своих покалеченных колымаг, полицейский разговаривал с кем-то из коллег по рации. Недовольные тем, что им не разъехаться, сигналили друг другу машины разных габаритов. Одним словом, живая реклама, призывающая отказаться от автомобилей и возникающих с ними проблем. Автобус, на котором я рассчитывала доехать, не было даже видно за огромной гусеницей пробки, сожравшей без остатка всю проезжую часть.

Офис фирмы, занимающейся разработкой идей для интерьера, находился неподалеку от центра города. Высокие здания деловых центров тут находились в соседстве с небольшими особняками, в которых размещались рестораны, галереи и дизайнерские салоны.

Роскошная бутафория, призванная прятать от богачей, посетителей города и туристов кварталы, в которых всей этой позолоты не было. Тем не менее, со своей задачей центр города справлялся успешно. На какой-то момент даже коренному жителю окраины, знающему все грязные и неприглядные секреты, приходилось признать, что здесь расположен довольно красивый и успешный район. Глаз не мог не радоваться всем этим изящным и залакированным благополучием, и все были довольны. Туристы получали своё восхищение, городская администрация не переживала за вид города, а все остальные мирились с тем, что им оставалось.

Как и все бутафорское вокруг, здание, в котором находился офис, было сияющим, ухоженным. С каменной облицовкой, изящной подсветкой вместо громоздких ламп. Мечта любого работника, одним словом.

Компания занимала седьмой этаж, и в окнах еще горел свет, показывая, что рабочий день еще не закончен. Когда только двери лифта разъехались в сторону, мне показалось странным то, что практически нет народа. Обычно, работа кипит, и помещение напоминает небольшой, шумный муравейник. Возле лифта находится стол дежурного сотрудника, принимающего факсы, звонки и корреспонденцию. К нему я и направилась, рассчитывая

узнать причину, по которой мне пришлось сюда добираться. Девушка за столиком выглядела немного недовольно, как любой человек, который вынужден сидеть на рабочем месте, тогда как все остальные уже начали собираться и расходиться по домам.

— Привет, — я не смогла вспомнить имя администратора и покосилась на бейдж, висящий на кармане ее блузки, — привет, Лана.

— Добрый вечер, — Лана дежурно нацепила на лицо сияющую улыбку, — Вы сегодня поздно.

— Мне позвонили и сказали, что надо подъехать. Какие-то проблемы, вроде совещание, — я оглянулась вокруг, ища намеков на то, что в офисе что-то происходит. Обычно, в таком случае несколько сотрудников стояли бы, обсуждая повод для совещания. Но было довольно пустынно. Только парочка работяг еще сидели на своих местах, явно торопясь завершить важные документы к завтрашнему дню. Лана закончила листать свой блокнот для записей и покачала головой:

— На сегодня ничего не было запланировано, иначе я бы знала. К тому же все уже разошлись по домам. Вы уверены, что не перепутали день?

— Пожалуй, я действительно что-то перепутала, — помедлив так, словно раздумывала над её словами, вежливо согласилась я. А затем направилась обратно к лифту под неодобрительным взглядом администратора. Было бессмысленно спрашивать ее про звонок, когда и так очевидно, что девушка понятия не имеет об этом. Но факт того, что меня целенаправленно вытянули из дома, оставался висеть в воздухе и напоминать о себе.

Стеклянная дверь выпустила меня из здания, и оказалось, что на улице достаточно сильно похолодало. Зима отличается именно тем, что если днем вам казалось, что запахло весной, ждите — к вечеру погода напомнит о том, что до весны еще не близко. Пришлось засунуть руки в перчатки, потом — в карманы, чтобы сохранить тепло. Кажется, что на градусниках явно температура покачивается на уровне минус пятнадцати по Цельсию.

Время утекало как песок из часов — быстро, неумолимо. Я поежилась, стараясь прогнать заползающий под одежду холод, и пошла вперед. Упавшая температура разогнала всех прохожих по домам, и на улицах становилось тихо и пустынно. Где-то высоко наверху на темнеющем небе медленно проступали звезды. И в холодном воздухе казалось, что они непрерывно мигают, словно передают на землю что-то, используя азбуку Морзе.

На дороге уже было спокойнее, заторы из машин разошлись, и движение останавливали только красные огоньки светофоров. В салоне автобуса было прохладно, от дыхания запотевало оконное стекло. Я вытащила руку из перчатки и нарисовала улыбающуюся рожицу. Теперь она косилась на меня с окна, и я ухмыльнулась, подумав, что еду в компании кривоватого, но веселого соседа.

Жить с постоянной угрюмой манией легко, это помогает всегда быть начеку. И если внезапно начинается невероятная свистопляска, именно такой взгляд на мир помогает более спокойно принять происходящее. Но иногда надо вылезать из скорлупы, вспоминать о том, что существует еще и иррациональное состояние безмятежности. Пусть даже его приносит растекающаяся по запотевшему окну рожица.

И все-таки, даже это не помогло мне расслабиться. Наверно было бы странным, если я в такое время, при таком стечении обстоятельств пела, плясала и пускала пузыри от всеобъемлющего счастья. Но сейчас я, хотя бы не так остро ощущала, как убегает время, не оставляя возможности пожалеть о сделанном выборе.

Тук. Тук.

Минус секунда.

Минус минута.

До дома я дошла достаточно быстро, стараясь шагать как можно быстрее. От остановки мне пришлось еще немного пройти по холодным, стылým дорожкам. Было совсем до неприличия холодно, словно город внезапно переместился в Арктику. С каждым шагом я думала только о том, что хочу попасть в тепло, за стены, поближе к чему-нибудь горячему. Это было куда как важнее, чем всё остальное.

Попав со второй попытки в замочную скважину, я открыла дверь, внося с собой клубы холодного воздуха. В доме было тепло, это было его главным достоинством, которое я сейчас могла оценить. Вслепую нашарив руками выключатель на стене, я заставила темноту убраться куда-нибудь вверх, на второй этаж, до которого еще не дошла. Свет залил дом, и вместе с ним выхватил фигуру, устроившуюся на диване посреди гостиной.

Гаспар немного щурился, как большой кот, которому в глаза неожиданно светил фонарь. Кажется, он дремал до моего прихода, судя по тому, что воротник его рубашки, выглядывающей из-под пальто, был расстегнут, да и само пальто было просто накинуто на плечи.

Глава 21

И так, я стояла у двери, Гаспар смотрел на меня, а я — на него.

— Если это ответ на моё вторжение в твою квартиру, то считай, что мы квиты, — наконец мне удалось открыть рот и сказать что-то, лишь бы не висела непонятная тишина.

— На самом деле я просто жутко замерз, ожидая твоего возвращения, — Гаспар слегка неловко улыбнулся, поднимаясь с дивана, — и решил воспользоваться твоим запасным ключом.

Я пожала плечами и сняла куртку. Потом вдруг до меня дошёл смысл сказанного им, и я обернулась.

— Ты знаешь про запасной ключ?

Гаспар сделал такое лицо, словно я пыталась его обвинить в чем-то очевидном. В другой момент я бы даже посмеялась от того, каким забавным его делало это выражение.

— Так это была твоя рубашка, — не знаю почему, но внезапно мне стало так забавно, словно вдохнула веселящего газа. Мужская рубашка с пятнами крови. Запасной ключ. Всё оказалось слишком просто. Теперь было понятно — кому понадобилось выманить меня из дома, чтобы проникнуть внутрь и немного нарушить просчитанные планы.

Гаспар подошел ближе, забрал куртку, которую я так и не успела повесить на крючок. Водрузил её на место.

— Нам стоит поговорить, но вряд ли это будет уместно возле входной двери. Если только ты не хочешь выставить меня за дверь, не услышав того, что я смог узнать о твоей семье.

Он был абсолютно уверен в себе и не сомневался, что получит желаемое. Это делало его моложе, скидывая десяток лет и стирая все его манеры и постоянное снисходительное спокойствие, словно передо мной стоял подросток, убежденный в своем превосходстве. Я кивнула, признавая факт того, что Гаспар сейчас прав. Было уже поздно для проявления ненужных эмоций вроде истерик, обличительных речей, упреков.

Вместо этого я потащи́лась на кухню, ощущая, как кровь возвращается в пальцы рук, и те краснеют, отекают и наливаются живительным теплом. Мне было плевать на то, что Гаспар в моём доме, важнее этого было лишь желание выпить что-то горячее.

— Я могу приготовить тебе чай, — очевидно, он понимал, что я должна быть недовольна его вторжением, и хотел показать своё желание загладить вину. Это могло быть милым, если бы в моей кухне, позади меня не стоял человек, играющий в шарады с полицией и убивающий людей.

Я молча сунула на стол чашку, включила чайник и стала ждать, когда он закипит. В мои планы не входило такое раннее и неожиданное появление Гаспара. Приходилось на ходу перекраивать всё и играть по ситуации.

— Что ты хотел рассказать? — Поинтересовалась я.

— Я думаю, тебе стоит сперва выпить чаю, согреться, а потом выслушать всё.

— С каких пор ты решил командовать моими действиями? — Такую меня Гаспар знал, и от того, что я фактически хамила ему в лицо, можно было не ожидать проблем. Он счёл, что я выпускаю пар и срываю на нём своё возмущение его поступком.

— Ван, так нельзя. Я пытаюсь сделать так, как будет лучше, а ты бросаешься на меня.

Он выглядел и в правду расстроенным, словно я задела его и заставила снять маску вежливого и самодовольного спокойствия. В ответ я покачала головой и налила себе в чашку чай. Несколько глотков, и горячее, обжигающее нутро ощущение разлилось по всему телу. Я вновь ощутила себя человеком.

— Хорошо, — я отставила чашку в сторону, — теперь ты можешь рассказать, я полагаю.

Гаспар отодвинул стул, предлагая мне сесть. Затем прошелся вдоль стены, на секунду выглянул в окно. Интересно, где сейчас находится Тагамуто со своими людьми? Засекли ли они происходящее у меня дома?

— Это не совсем то, что ты хотела узнать. Но оно так же касается тебя, — Гаспар словно колебался, произнося всё это, но видя выражение моего лица, продолжил, — Поджог в твоём доме.

— И как это связано с моей сестрой?

Гаспар недовольно оглянулся, заставляя меня взглядом замолчать и не перебивать его.

— Один человек, которые делает разные вещи для желающих, назовем его Ифрит, рассказал, что однажды ему поступило предложение. Само собой, Ифрит — это всего лишь псевдоним, в таких делах не существует реальных имен. Предложение заключалось в том, чтобы нашлись надежные люди, способные поменять кое-что в электрике твоего дома и создать в определенное время пожар.

Пока до меня ещё тяжело доходил смысл рассказа, и то, к чему вёл Гаспар. Но с каждым словом казалось, что дальше будет что-то очень нехорошее.

— Естественно, разбираться в таком будет очень нелегко, чтобы отличить хорошую работу от проблем в работе электросети нужно стоящее оборудование и специалисты.

Мне отчего-то захотелось заткнуть себе уши. Только бы не слышать продолжения, не узнать сути истории. Гаспар смотрел на меня, и в его глазах явно читалось сожаление. Он сочувствовал мне, и от этого ставилось ещё более дурно.

— Это было сделано кем-то из знакомых мне людей, — выдохнула я. Мне хотелось, чтобы Гаспар отрицал это. Чтобы сказал, что это просто начало его истории. Но он молчал, а его взгляд не сулил ничего хорошего.

— Заказ был сделан в расчете на то, что в пожаре сгорит человек. Ифриту выплатили сумму не сразу, и он был очень недоволен.

Я сглотнула, отказываясь понимать его.

— Кто хотел меня убить?

Гаспар по-прежнему смотрел на меня с сожалением. Это выражение пугало сильнее, чем слова, словно он знал что-то гораздо хуже того, что уже прозвучало.

— Твоя сестра оплатила этот заказ.

Я встала, отталкивая стул так, что он с грохотом упал.

— Ты бредишь.

Он вздохнул, словно был готов к таким словам.

— Заказчик назвался ником Кудряшка Ко.

Кажется, в моем мозгу что-то щелкнуло, переворачиваясь вверх ногами. Щелкнуло очень ощутимо и громко, и меня понесло огромным течением куда-то в пустоту.

— Ван, — Гаспар подошел, положил руки на плечи, стараясь быть мягким, но одновременно сосредоточенным, — посмотри на меня, пожалуйста.

— Ты просто как-то узнал, что мою сестру звали в школе Кудряшкой Ко, — отстранённо произнесла я, думая о том, что если дотянусь до кухонных ножей, то без труда воткну один из них Гаспару в живот.

В правое подреберье.

Движением к позвоночнику и вверх, пропарывая печень.

Будет сложно объяснить Тагамуто — почему я убила человека. Возможно, она решит, что я и есть тот самый городской маньяк, засадит меня за решетку и повесит все смерти. Но это казалось слишком далеким и мелким. Меня ничто не могло сейчас выбить из состояния

— Нет, я не знал этого, — голос Гаспара звучал как-то глухо, словно он не мог вернуть себе спокойствие.

Мне в страшном сне не могло присниться, что моя сестра решит убить меня, и даже не почувствует вины за это. Просто так, ради непонятной зависти, грызущей её все эти годы.

— Ты всегда была особенной, — приглушенно произнёс Гаспар, — не такой, как все, не такой как она. Люди не любят тех, кто может от них отличаться, индивидуальность для них — как красная тряпка для быка. Ты не должна никогда винить себя в смерти родителей. Прямо сейчас, твоя сестра пытается сбежать с банкротом-мужем куда-нибудь подальше. У них больше нет ничего, и она должна быть благодарна, что они оба ещё живы, не прикончены разозленными кредиторами. Забудь о ней просто.

— Я была ребенком, которого таскали по психологам и пытались исправить его дурные наклонности. Но при этом мы были семьей. Родными людьми, — я осознала, что это звучит не убедительно. Но мне нужно было хоть что-то, что остановит падение мира и переворот всего вверх тормашками.

— Родные люди иногда оказываются не ближе друг другу, чем случайные прохожие.

Это всё равно ничего не проясняло. В моей голове такое не укладывалось.

— В тот вечер, когда ты пришла поговорить и сказать, что мы можем быть друзьями, после всего, что произошло, я много о чем думал. Это было так сложно и, одновременно, так легко, понять, что ты все-таки вернулась ко мне, хоть и хочешь меня убить.

Черт возьми. Гаспар выглядел искренне, когда говорил это. И я не могла не чувствовать какой-то больной, неправильной привязанности к нему. Вполне возможно, что это было связано с тем, что мне в глубине души нужен был друг или родной человек, с которым не стоит постоянно стыдиться своей непохожести на других, приличных людей. Или всё дело было в том, что он был уютным и близким мне всё это время, пока мы находились рядом. Но я не хотела связи с ненормальным, который нуждается в электрическом стуле или принудительном лечении.

Это было бы слишком даже для меня.

— Мне всегда казалось сущей нелепостью то, что люди выбирают — с кем им быть рядом, лишь потому, что он красив или богат. Это как выбирать себе духи по виду их флакона вместо самого аромата, — Гаспар понизил голос почти до шепота, пронзительно и пристально вглядываясь в моё лицо.

Я покачала головой. Что творится в его мозгу, было тяжело предположить. Хотя, то, что происходило в моём собственном, обдумывать тоже не хотелось. Никогда ещё мне не было так легко и противно одновременно от мысли, что я вполне готова согласиться закрыть глаза на всё то, что он делал или мог сделать — просто потому, что мне хочется сохранить ощущение полноценного и объемного мира, который мы смогли создать вдвоём. Это было ужасно, словно от падения в пропасть удерживал только маленький шажок. И подталкивать себя к полету вниз я не собиралась. А Гаспар, не подозревая о моих мыслях, продолжал:

— Я всегда хотел оказаться утром где-то рядом с горами, в практически безлюдном месте. Стоять на рассветном ветерке, смотреть, как небо окрашивается в розовый цвет, как медленно поднимается туман над вершинами. Есть только огромный мир и ты. Это дает почувствовать то, насколько люди с их вечной суматохой и неразберихой мелочны и несовершенны

— Значит, ты предлагал Габриилу убить меня, чтобы потом рассказывать о своих планах и несовершенстве людей? — Стараясь избавиться от дурмана его слов, я напомнила себе, что взгляды Гаспара на жизнь не предполагали того, что он считается с кем-то кроме него самого. Он всего лишь снисходил до кого-то, кто был ему нужен.

Сейчас Гаспар смотрел на меня так, словно я была бредящим больным, которому приходилось растолковывать простые истины.

— Мне пришлось переодеться у тебя, я торопился и просто забыл свою вещь. Кровь на ней моя собственная. И я никогда не пытался тебя убить, Ван. Я всего лишь хотел подтолкнуть тебя к действию, заставить понять, что ты должна отстаивать свои права, — одного выражения его глаза было достаточно, чтобы прочесть то, что он думает. Гаспар не испытывал ни капли вины за то, что делал. Ведь, по его мнению, всё это было сделано во благо.

Ну да. Он хотел разбудить меня и подтолкнуть к действиям. Что ж, это ему удалось. Именно поэтому, мы сейчас и приближаемся к финалу всей истории. Я скосила глаза на его руки, всё еще лежащие на моих плечах. Градус безумия происходящего медленно повышался, и держать ситуацию под контролем становилось всё сложнее. Пусть что-нибудь случится, что-то, что приведет всё к нужному финалу.

Тут мои мысли явно были услышаны. Раздался стук отлетающей двери, которая ударилась о стену. Что-то свалилось на пол, явно не выдержав силы сотрясения.

Кажется, такое уже было. Правда, в тот раз пришли по мою душу.

— Отойди от неё, — произнесла Тагамуто, — и подними руки вверх.

Выражение лица Гаспара изменилось, и он мгновенно вернулся от откровенности к своему привычному, слегка высокомерному виду.

— Похоже, ты не закрыла дверь, Ван, — произнёс он, медленно отводя руки и приподнимая их так, чтобы Тагамуто могла видеть — у него нет оружия.

Мне не хотелось смотреть ему в лицо, но я заставила себя не отводить взгляда и не испытывать дурацкое ощущение вины. Глаза Гаспара были спокойны, словно прямо в спину ему не направлено дуло пистолета, а само осознание того факта, что я причастна к этому, не

вызывало в нём бешенства.

Я попятилась назад, отходя на безопасное расстояние, пока не уперлась в стену. Анна не сводила глаз от Гаспара, который стоял к ней спиной. А я ощущала облегчение от того, что всё наконец-то так, как и должно быть. Оторвалась от стены и двинулась в сторону Тагамуто, справедливо рассудив, что стоит держаться как можно дальше от Гаспара. Что-то я сомневалась в том, что он будет спокойно стоять и ждать, пока Анна наденет на него наручники.

Всё это время, пока я передвигалась, Гаспар медленно поворачивался, сопровождая взглядом каждый мой шаг. Не составляло большого труда понять, что единственная его цель будет теперь в охоте на меня и восстановлении справедливости.

Об этом как-то даже думать не хотелось. Всё позади. Игра в кошки-мышки закончена, можно не держаться в тени, прячась от хитрого игрока. Я почти подошла к Анне, когда неожиданно поняла, что она одна в доме, и никто больше не спешит ей в поддержку. Не то, чтобы я сомневалась в ее боевых навыках, но в схватке между ней и Гаспаром, я бы не ставила на неё. Я уже стояла рядом с Анной, которая держала пистолет прямо нацеленным в грудь Гаспару. Тот повернулся к ней лицом и надменно демонстрировал свою безоружность, словно в противовес её намерениям.

— Где Бьёрн? — Спросила я, надеясь, что Анна не геройствует, стремясь присвоить себе все лавры.

Тагамуто опустила одну руку, оставив пистолет в другой, по-прежнему готовясь стрелять при малейшем движении Гаспара. Откинула полу короткого пальто, доставая из поясной кобуры второй пистолет. Затем из моих глаз посыпались искры, почище любого фейерверка, а в каждый уголок черепа отдалась пронзительная, гудящая боль.

От неожиданности я не удержалась и хлопнулась на пол, ощущая, как что-то тянется и рвется в ноге. Звездопад в голове мешал понять, что не так, и только нервные окончания вопили во всю мощь о том, что я вывернула свою конечность, и теперь она невообразимо ноет, сообщая о травме. Я же валялась на полу, а по лицу текло что-то теплое, отвратительно теплое и солоноватое. Глаза вроде оставались открытыми, но мир перед ними качался как карусель, ни на секунду не замедляя хода. Было непонятно — кто где стоит, и сколько в комнате темных, высоких теней, похожих на фигуры.

Земля перестала вращаться спустя какое-то время. Я проморгалась и, шурясь от света лампы, которая сейчас прямо-таки слепила меня, уставилась перед собой, пытаюсь понять — что произошло после того, как Анна ударила меня. Было очень больно, но факт того, что Тагамуто врезала мне, просто не вписывался ни в какие варианты развития событий.

Анна оставалась стоять на том же месте, по-прежнему держа пистолет направленным на Гаспара. Тот, кстати, не проявлял никаких эмоций по поводу того, что только что случилось. Просто стоял и смотрел на неё спокойным, заинтересованным взглядом, не двигаясь и не опуская приподнятых рук. На мгновение я подумала — а что, если сейчас Анна засмеется своим холодным, высоким смехом, опустит пистолет, и скажет Гаспару, что всё это было так увлекательно, и ей понравилось, как они вдвоем повеселились?

Но вместо этого Тагамуто продолжала целиться в Гаспара. Заметив то, что я приподнялась и немного очухалась после встречи с тыльной частью её второго пистолета, Анна улыбнулась:

— Рада, что ты достаточно крепкая, Ивана.

— Что происходит? — Я моргнула, и горизонт съехал набок.

Анна смотрела на Гаспара. Гаспар — на неё. На меня, кажется, никто не обращал внимания.

— Я долго пыталась понять, в чём подоплека, — заговорила Тагамуто, обращаясь к Гаспару и продолжая с ним играть в «кто-кого-переглядит».

Она перевела взгляд на меня, затем снова на Гаспара.

— Очень запутанная партия, надо сказать. Если не знать правды и причин поступков, то можно было бы сломать мозг, пытаясь свести концы с концами.

Мне показалось, что теперь в комнате стало на одного сумасшедшего больше. Видимо, из-за удара я не испытывала особого испуга или страха от происходящего. Навалилась вялая усталость, и я продолжала просто смотреть на них обоих, безрезультатно пытаясь понять — что вообще происходит.

Гаспар молчал и с удвоенным интересом слушал то, что говорит Тагамуто. На него это было не похоже. Анна же продолжала:

— Если бы не такое активное желание помочь нам поймать преступника, мы бы наверно так бы и рассказывали новичкам о нераскрытом деле с кучей загадок и тайн.

Кажется, она адресовала это мне. Интересно, как предпочтет меня убить Гаспар после её слов — медленно и изощренно, или кроваво и быстро? Но почему-то я не могла ощутить липкого холодка от этих мыслей. Словно Анна отбила мне какую-то часть мозга, отвечающую за эмоциональные реакции.

Тагамуто потянулась рукой в карман, доставая свернутую вчетверо бумагу и разворачивая её. Протянула так, чтобы Гаспар мог видеть её, и снова заговорила, не скрывая ноток удовольствия в голосе:

— Затем я стала более пристально наблюдать за происходящим. Окончательно меня убедили в правоте пришедшие данные исследования и заказ двух билетов на самолет. И, что интересно, оба забронированы Гаспаром Хорстом сегодня днём.

На это заявление Гаспар никак не отреагировал, просто чуть приподнял голову, выставляя вперед подбородок. Я же отстраненно подумала, что видимо это он и имел в виду, когда говорил со мной о своих желаниях оказаться где-то далеко отсюда, под рассветным солнцем.

Он хотел, чтобы я уехала с ним.

Анна держала в руках немного смятую бумагу. Она улыбалась, и я впервые видела, что она проявляет свои эмоции — торжество и полнейшее удовлетворение. Почему-то от выражения её лица мне становилось всё более не по себе.

— Я думаю, что в Иване больше нет необходимости. Тогда, как с Вами, Гаспар, нам предстоит долгий разговор.

Она положила бумагу на край стола, снова вытащила второй пистолет и недовольно поморщилась, когда коснулась запачканной кровью рукоятки. Теперь один пистолет смотрел на Гаспара, а второй предназначался, по всей видимости, для меня.

— Я раню Вас не сильно, но достаточно для того, чтобы обездвижить. После того, как с Ивановой будет закончено, мы подождём отряд полиции и отправимся в более подходящую для разговора обстановку.

Я думала, что мне должно быть даже смешно. В который уже раз я собиралась умереть, но умереть от руки Тагамуто — это было абсолютно нелепо. Хотя, впрочем, ввязываясь во все эти игры, я не обговаривала — как бы мне хотелось отправиться на тот свет. А значит, выбирать мне не приходилось.

Я прикрыла глаза, болевшие от яркого света.

Тагамуто сделала шаг вперед, чтобы было удобнее стрелять. Я не смотрела на неё, мне было безразлично — хочет ли она увидеть в моих глазах страх и нежелание умирать или же ей просто приятно пускать пулю в голову человеку, разнося его мозги.

На полу лежали песочные часы, подарок Гаспара. Они упали с полки шкафа у стены, когда Анна ворвалась в дом, и теперь остатки песка медленно вытекали из разбившейся колбы. Содержимого часов оставалось совсем немного, и оно ускользало вниз, оставляя пустой стеклянную капсулу. Я смотрела на то, как песчинки бесшумно опадают тонкой струйкой, одна за другой. Секунды безвозвратно уходили вместе с ними. Наконец, последняя песчинка блеснула в воздухе и упала вниз. Время вышло.

Щелкнул предохранитель.

Не знаю, испытывают ли люди облегчение, когда не слышат выстрела и не вылетают из собственных тел.

Я — нет, не почувствовала.

Когда раздался звук бьющегося стекла и на мгновение позже — шум падающего тела, я не открывала глаз. В этот момент я не реагировала ни на что вокруг, стараясь представить себе самое лучшее воспоминание. Плеск волн вокруг, шум накатывающегося на берег моря. Тогда еще мир стоял на ногах, а не на голове.

Все же, когда оказалось, что я относительно цела и абсолютно точно — ещё жива, я открыла глаза.

Анна Тагамуто лежала на полу, и из-под её спины расплзалась чернеющая лужа крови.

Гаспар опустил руки и стоял, наклонив немного набок голову, рассматривая распростертую перед ним Анну. Он по-прежнему был безоружен, а в разбитое окно на противоположной стороне дома бил холодный ветер. Кто-то выстрелил с улицы в тот самый момент, когда Тагамуто собиралась прикончить меня. И это неизвестный стрелок спас мне жизнь.

— Ты в порядке, Ван? — Гаспар взглянул на темный провал окна, затем перевел взгляд на меня.

Спина покрылась мурашками от холода, хотя он не был никак связан с морозным воздухом, влетающим в дом. Может, мне и было сложно отреагировать на происходящее, позволяя рассудку впасть в некий спасительный ступор, но мысль о боли приводила в животный испуг.

Сумасшедшая карусель жизни и смерти не останавливалась. К горлу подступило удушающее чувство тошноты, видимо, удар по голове был гораздо сильнее, чем казалось на первый взгляд. Пытаясь не привлечь внимание Гаса, я опустила глаза и огляделась. Пистолеты Анны лежали слишком далеко от меня, чтобы можно было рывком дотянуться до ближайшего из них и надеяться, что им можно остановить Гаспара.

К моему облегчению, он, убедившись, что я реагирую на его слова, переключил внимание на Анну. Она лежала на спине, и кровь расплывалась вокруг неё маленьким озерцом. Тагамуто была ещё жива, её глаза смотрели на Гаспара, и в них плескалась боль. Боль вперемешку с негодованием и ужасом.

Очевидно, у неё перебиты шейные позвонки, и это парализовало всё тело. Она может все видеть, слышать. Вот только она бессильна и понимает, что скоро умрет. Печально, не правда ли? Анна так рассчитывала, что из нас троих умирать придется мне одной, а теперь она составит мне компанию.

Гаспар осторожно присел, стараясь, чтобы кровь не запачкала туфли, и оглядел Тагамуто.

— Как глупо с Вашей стороны было так просчитаться, Анна, — он с сожалением покачал головой, — Вы думали, что поставили идеальную ловушку, ввели всех в заблуждение, но так и не поняли, что ошиблись.

Глаза Тагамуто блестели, и было непонятно, что перевешивает в их выражении — ярость или страх. Гаспар улыбнулся ей с видом фокусника, которому удалось потрясти зрителей.

— Дорогая Ван, которую Вы так грубо собирались убить, лишь бы она не путалась больше под ногами, обыграла нас обоих. Не так ли, Ван? Тебе ведь было интересно, что получится в результате?

Гаспар смотрел на меня и довольно улыбался. Интересно, как давно он понял, что я делаю, и как долго притворялся, наблюдая за тем, как я пытаюсь свести его и Тагамуто, чтобы понять — кто же из них страшнее?

Анна моргнула. Мне не было её жаль, и смотреть на то, как она слышит шаги своей смерти, я могла без содрогания. В любом случае, эта же смерть потом придет и за мной. Вполне возможно, что Тагамуто повезло больше, чем мне.

Поблескивающие глаза Гаспара внимательно смотрели на меня, и я внезапно поняла, что он выглядит слишком спокойно для пойманного с поличным убийцы. Легкая довольная улыбка на длинноватых губах, выражение глубоких, почти бездонных глаз, говорящее, что от них ничто не ускользает. Это страшнее, чем направленный на тебя пистолет и приближающаяся смерть. Намного страшнее. В его глазах я вижу, что он собирается разобраться со мной, и сомневаюсь, что у меня получится уцелеть после того, как он потребует ответа за все мои проделки.

Гаспар отводит от меня взгляд и неодобрительно качает головой, глядя на то, как испуганно ворочает глазами Анна. Казалось, что она боится его слов больше, чем его самого.

— Приятно иметь власть над жизнями, имея к тому же силу и полномочия. Талантливый агент, любящий убивать. Когда всё вышло из под контроля, Вы решили выдвинуть на сцену некоего убийцу, на которого и свалили свои трупы. Надо сказать, что Вы были крайне неосторожны, когда создали целую композицию из женщины и сердца, а затем прикончили тех троих бродяг. Очень грязно и очень халатно. Потрошить людей как скот — это слишком отвратительно. К тому же это не сработало — ведь Вы надеялись, что всё останется в виде нераскрытого дела, а вместо этого оставили там свои следы. Ничего не вышло, остановить желание убивать не удавалось, а в спину Вам уже дышала полиция.

Несмотря на то, что меня сложно было уже чем-то удивить, тут я удивилась. Уставилась на Тагамуто. Затем на Гаспара. Он кивнул, глядя на Анну, словно подтверждал мой немой вопрос:

— Агенту Тагамуто очень хотелось закончить с твоими подозрениями. Кроме того, ей нравилось убивать, хотя она и будет отрицать этот факт. Не правда ли, Анна, это очень многогранное ощущение? Сколько раз Вы уже убивали, чтобы снова и снова почувствовать эту власть над человеческой жизнью? Десять? Двадцать раз? Можете быть спокойны, Вас уже никто не осудит. Насладитесь этой мыслью, пока будете умирать.

От лица Тагамуто медленно отливала краска. Скорее всего, это было вызвано кровопотерей — лужа крови становилась всё больше, но мне думалось, что Анна действительно испытывает ужас. Ужас от того, что кто-то забрался ей в череп, увидел

тщательно охраняемые секреты и теперь преспокойно вытаскивает их наружу, позволяя им демонстрировать всё свое уродство.

Если я выживу, если мне удастся выбраться из этого дерьма, я приду в первую же психушку и попрошу, чтобы меня заперли там. Мой рассудок явно должен испытать какую-то относительную тишину и изоляцию, чтобы остаться цельным. Или же может я и не была здорова с самого начала, как и все, кто находится сейчас в этой комнате? Я молча смотрела на всё происходящее, и в голове было на удивленное пусто и спокойно.

Гаспар помолчал некоторое время, разглядывая Тагамуто. Тело её становилось всё более бледным, с каким-то мраморным оттенком. Глаза Анны ещё не потухли, но их блеск уже начал медленно угасать. Ей оставалось жить меньше десяти минут.

Оценив её состояние, Гаспар поднялся. Взял со стола бумагу, которая имела такое значение для Тагамуто, и внимательно пробежал глазами текст. Затем вынул из кармана маленькую, изящную зажигалку, щелкнул колесиком, выбивая пламя. Оно охватило бумагу, жадно облизывая и скручивая её в завитки. Гаспар подождал, пока половина бумаги не превратилась в трепещущий пепел, затем подошел к раковине, включил воду и смыл остатки с ещё живым огнем.

Когда он обернулся ко мне, я поняла, что надо действовать. Надо убираться отсюда, не пытаясь больше выяснять — что за дерьмо творится вообще вокруг. Бежать, спасти свою шкуру и только потом, в самой глубокой норе обдумать происшедшее и попробовать понять — а что на самом деле происходило всё это время.

— Ты непредсказуема, Ван, — заговорил Гаспар, — хотя могла просто довериться мне, и всё было бы иначе. Кроме того, ты постоянно обманывала меня, при всём том, что я на самом деле был искренен.

Его лицо выражало борьбу противоречивых эмоций. Думаю, с одной стороны ему хотелось убить меня, а с другой, он был невероятно доволен тем, что я всё ещё жива.

Я незаметно перенесла вес тела на здоровую ногу. Гаспар провел рукой по волосам, качая головой и всем видом демонстрируя полное смятение. Кажется, теперь, когда Тагамуто больше не участвовала в этой сцене, он внезапно поддался эмоциям и явно не мог в них разобраться. Серого и зеленого в его глазах практически не осталось, радужка глаз потемнела, как грозовая туча.

— Ты обманывала меня и предала. Сознательно делала мне больно.

— В жизни всё не сахар, знаешь ли, — сипло отозвалась я, прикидывая — смогу ли преодолеть расстояние до двери.

Гаспар криво усмехнулся, отчего его лицо ещё больше исказилось. Выражение спокойствия и взгляда на всё сверху вниз исчезло. И я поняла, что ему действительно причиняет боль факт того, что я его использовала и обманывала.

— Почему ты такая лживая, Ван? — Он спрашивал меня так, словно мой ответ внесет какую-то ясность. Я пожалала плечами. Сложно объяснить — зачем лжешь, когда от этого зависит твоя жизнь.

— Ты играешь в свою игру, идешь к своим целям, добиваешься их, во что бы то ни стало. Тебе без разницы — чем придется пожертвовать, и остановить тебя невозможно. Всё, что тебе было нужно — так это узнать, кто убивал, кто во всём этом замешан. Ах, а на то, что ты прошлась по мне, тебе плевать!

— Это не так, — слабо возразила я, ощущая укол вины. В словах Гаспара была правда, и бессмысленно её отрицать. В то же время он был неправ. Я не могла перешагнуть через всё

то, что завертелось с момента нашего знакомства. Ненормальность происходящего, его поведение, все странные вещи, которые только усугубились за последнее время, всё это не способствовало тому, чтобы я перестала бояться и подозревать.

Весь ужас ситуации заключался в том, что с одной стороны он по-прежнему оставался тем самым Гаспаром, который был для меня самым близким человеком всё это время. А с другой стороны, я уже не знала — кто он такой. И его слова про то, что неизвестным убийцей была Анна Тагамуто, не укладывались в моей голове. Я знала, что не она одна устраивала все это. Не Анна убивала тогда в сарае, не она сожгла Габриила, это сделал Гаспар.

Два зверя в одном городе.

Гаспар нервно сжал кулаки, затем опомнился и постарался более стать более спокойным. Это ему удавалось, но сквозь маску сдержанности было видно, что внутри него бушует гигантский пожар. Одно неверное движение, и мы пропали.

Он провел рукой по лицу, пытаясь взять себя в руки.

В этот момент я подскочила, пытаясь не обращать внимания на сводящую мышцы боль в ноге, и бросилась к двери. Я не смогу уйти далеко, но хотя бы немного пройти у меня получится при условии, что Гаспар не догонит меня раньше, обогнув стол и перебравшись через тело Анны.

Приволакивая пострадавшую ногу, я выбежала из дома. Чернела улица, и тусклый свет фонарей растворялся в вязкой ночи, отчего всё казалось гораздо больше и бесформенней. Прямо перед домом лежала черная фигура, и снег вокруг неё темнел разводами. Агент Бьёрн не двигался, и я поняла, что он, скорее всего, уже мертв.

Если я хотела выжить, я должна была двигаться. Потом, если я спасусь, то подумаю о Бьёрне. Жестоко и цинично, но это была уже не игра.

Я слышала шаги Гаспара. Он вышел из дома, явно удивленный тем, что я смогла бежать. Сейчас он даст мне небольшую фору, а потом спокойно и неспешно направится за мной, как хищник на охоте.

Хотя, возможно, что я ошибалась.

— Ивана! — Крикнул Гаспар. Отзвуки его голоса стояли в ушах и разъедали всё внутри горечью, которой было наполнено моё имя, когда он его произносил.

Краем глаза я заметила, что Бьёрн внезапно шевельнулся, когда я проковыляла мимо него. Вяло и медленно подтащил руку по черному от крови снегу и выстрелил.

Я не видела, как Гаспар оседает на ступенях крыльца. Я не видела, как Бьёрн снова лежит бесформенной грудой, и жизнь медленно отлетает от него. Я не хотела думать о том, что Гаспар смотрит мне в след. Я продолжала бежать, хромать, шагать прочь. Прочь отсюда, пока ещё есть возможность — вот единственная мысль, которая оставалась в голове.

Когда я выбралась на проезжую часть, последнее, что я увидела, это бросающиеся на меня из-за поворота улицы огни машины. Удара от столкновения и хруста своих костей я даже не успела почувствовать.

Из рапорта:

"Тело женщины в доме. Огнестрельное ранение в голову. Мужчина с колотым ранением грудной клетки. Доставлен в ближайший госпиталь."

Из карты наблюдения:

"Пострадавшая находится в тяжелом состоянии. Сознание отсутствует. Оскольчатые

переломы костей ног. Перелом ребер в боковом отделе. Повреждение селезенки. Закрытый пневмоторакс. Подключена к системе жизнеобеспечения и искусственной вентиляции легких. Готовится к экстренной операции".

Глава 1

Город живет без перерыва на сон. Каждый его район — как пульсирующий участок сердца, который вовлечен в работу. Огни отражаются в небе и в воде, благо ее тут предостаточно. Не замирающую ни на секунду жизнь Ванкувера бдительно охраняют пики Львиной горы, похожие на головы морских львов, наблюдающих за тем, что происходит там, внизу.

Если свернуть в сторону от шумных районов, оставить далеко позади один из берегов реки Фрейзер, которая впадает в узкий залив, а затем проехать на немного разбитом автобусе Транслинк, то город меняется. Здесь почти нет туристов, совсем мало хороших машин. Но в то же время достаточно спокойно, чтобы стоять на балконе, выкуривая косячок, и не переживать, что лицемерие мужчины, облаченного в одни трусы, может кого-то оскорбить. Донго Туаре не волнуют такие мелочи. Он глубоко затягивается дурманящим дымом и выдыхает кольца. Те плавно вылетают в пространстве между домами, и уносятся вверх. Донго провожает их взглядом, растягивает в улыбке широкие губы и, подтянув трусы, возвращается в квартиру. Шлепки его босых ног нарушают тишину, и Донго Туаре думает, что надо бы как-нибудь купить хороший ковер. Он проходит в свою спальню, где воздух полон пьянящего аромата мускуса, сандала и тонкого запаха марихуаны. Донго никогда ничего не боится, но когда внезапно включается свет, который вгрызается в его глаза, он почти испуган. Сквозь пелену тумана, щуря слезящиеся глаза, Донго видит темную фигуру, сидящую на старом кресле в углу спальни.

— Теперь мне понятно, почему Вы предпочитаете называть себя Ифритом, — голос звучит из призрачно дрожащей завесы тумана, меняется и плывет от действия наркотика. И Донго Туаре внезапно думает, что ему действительно становится не по себе.

— Ваш заказ готов, тут данные о ребенке, рожденном в указанном году от женщины, которая Вас интересует, и переданном в службу опеки, — чувствуя, как его голос больше похож на клекот, уточнил Донго. Ему нет никакого дела до того, почему гость интересуется ребенком одной из городских шлюх, его работа — найти сведения, вышелушить их из систем и баз данных, как орех из скорлупы. Его гости являются людьми без имён. Они всегда приходили в полумраке, как демоны далекой родины Донго, где шорохи в ночи смертельны.

— О, это просто замечательно, — улыбается в темноте гость Донго.

По эбеновой коже лица Донго текут капельки пота, но он старается не обращать ни на что внимания. Ему жарко так, слово вся Сахара перенеслась в небольшую комнатку и теперь удушает его зноем. Наконец он отрывает взгляд от небольшого ноутбука и смотрит на того, кто стоит за его плечом.

— Вы чрезвычайно талантливы, господин Ифрит, — в голосе говорящего с ним гостя слышится одобрение, и Донго на мгновение переводит дух. Он не может объяснить — почему его гость внушает ему безотчетную панику. Это слишком глубокое, слишком древнее ощущение, которое спасало его предков от тихих шорохов в ночи. Донго не понимает — чем занимается этот незнакомец.

— Обидно, что такой талант прячется в тени, — говорит незнакомец, и Донго чувствует, как холодный пот течет по его спине. Зря он не хотел купить оружие, рассудив, что оно ему не пригодится. Донго ощущает, как в комнате их теперь больше — он, его гость

и смерть.

— Ах, да, чуть не забыл. Ведь я должен передать Вам благодарность от одного Вашего заказчика. У него ещё был забавный ник, Кудряшка Ко.

— Мне оплатили работу, — настороженно возражает Донго.

— Считайте, что это дополнительный бонус, — улыбается незнакомец.

Он кладет перед ним небольшой чемоданчик, с тихим щелчком открывает его, чтобы Донго мог увидеть тусклые купюры. Дождавшись, когда Ифрит кивнет, его гость застегивает своё серое пальто и выходит из комнаты, насвистывая какой-то забавный мотив, похожий на детскую песенку. Донго смотрит на чемоданчик, где-то глубоко в его голове копошится мысль, что сумма слишком велика для обычного бонуса. Потом эта мысль уходит, и Донго еще некоторое время сидит на одном месте перед своими деньгами, затягиваясь новым косячком, и туман наркотика блаженно свивает кольца в его мозгу.

Позже вышедший на балкон дома, молодой человек, делает глоток пива. Из окон квартиры в здании напротив него выползают наружу клубы дыма и медленно тянутся вверх, в ночное небо с опрокинутыми звездами. Парень мгновенно трезвеет, хлопает себя по карманам брюк, разыскивая мобильный телефон, и вызывает пожарных. Они как раз успевают приехать к тому моменту, когда ревущее пламя поглощает квартиру полностью. К утру пожарные наконец заканчивают тушить выгоревшие помещения, и спасатели могут приступить к поиску погибших. К счастью, погиб всего лишь один человек, наркоман Туаре, и люди радуются, что дом отделался малыми жертвами.

Боль вгрызается в каждый уголок, каждую клеточку. По венам разливается огонь, отравы, которая заставляет тело гореть на непрерывном костре. Все кости превращены в текучий металл, и в каждой конечности методично проворачивают острые крючки, рвущие плоть. У боли есть лицо, оно выглядит как женщина с кожей цвета молочного шоколада. Волосы боли ярко рыжие, как огонь. И каждый раз, когда она появляется передо мной, эта рыжая боль, я хочу только одного — умереть.

Я знаю, что еще не мертва. Из моих рук торчат провода, а там, где находятся ноги, высятся металлические конструкции. Сознание возвращается ко мне неожиданно, и я не знаю — что может быть хуже, чем застрять в искореженном теле. Когда бред уходит, я понимаю, что рыжеволосая женщина никак не связана с болью. Мерно пищит аппарат жизнеобеспечения, сообщая на экран параметры дыхания и давления. Никто не вливает в меня огонь, просто тело бьется за жизнь и горит от лихорадки.

Позже, когда не один раз за окном гаснет и возвращается день, врачи освобождают меня от интубационной трубки. Дыхание вырывается с хрипом и ранит горло, но зато я дышу сама. Хотя, до сих пор и прикована к кровати массой креплений, спицы которых пытаются срастить мои кости. Я не задаю вопросов врачам, не пытаюсь говорить. Долгими часами я смотрю в никуда, на белый потолок, пока меня не прерывают сестры, приходящие выполнять назначения и пытающиеся разговаривать со мной.

Лица людей, входящих в палату, впитывают в себя тишину и борьбу жизни и смерти, в которой я не хочу принимать участия. Наконец, врач говорит, что мне завтра придется встретиться с специалистом, который поможет мне. Сколько бы они не работали со мной, я должна настроиться позитивно, чтобы помочь лечению. Моя голова пуста как расколотый орех. Я молчу просто потому, что мне не о чем спрашивать. Не о чем говорить. И врач уходит, явно не уверенный в том, что мне можно помочь.

Специалист, призванный заставить меня продолжать борьбу, приходит тогда, когда тени на стене начинают медленно ползти, говоря о том, что за окном садится солнце. Она осторожно придвигает к кровати стул, оставаясь в стороне от бесчисленного количества проводов, садится на его край и спокойно смотрит на меня. Рыжеволосая женщина с кожей цвета молочного шоколада и почти черными глазами.

Она смотрит на меня, и её спокойный, глубокий взгляд, фиксирует любое изменение выражения лица собеседника. Убедившись в том, что я заинтересовалась ею, женщина улыбается вежливой, тонкой улыбкой.

— Нас не представляли друг другу раньше, — она сидит так ровно и изящно, что кажется — хорошие манеры являются её второй частью, неотъемлемым составляющим — меня зовут Андреа. А Вы — Ивана. Не думаю, что цель моего визита может быть для Вас неясной. Я — специалист по реабилитации, и нам с Вами предстоит долгая работа.

Она еще сидит некоторое время, ожидая, что я что-нибудь скажу. Не увидев никакой реакции, Андреа поднимается со стула.

— Прежде чем попрощаться до завтра, я хочу, чтобы Вы подумали о том, что за окном уже наступила весна. Прошло три месяца, и Вы в любом случае не умрете. Придется найти что-то, что даст Вам цель выйти отсюда здоровой и готовой жить дальше.

За ней закрывается дверь, и палата снова погружается в тишину. Я узнала женщину, которую уже видела когда-то в зале, полном людей и музыки. Я видела эту женщину, когда рассудок боролся с реальностью и галлюцинациями. Это было так давно, что кажется теперь совсем нереальным. Но её слова что-то будят внутри лежащего в спячке мозга, и мысли медленно, неуклюже начинают ворочаться в черепной коробке.

Андреа приходит снова и снова. Она хочет, чтобы я вернулась к прежней, полноценной жизни. Но я не хочу объяснять ей, что испытываю полнейшее нежелание становиться прежней. Сейчас я понимаю, что всё время была недалекой, заикленной на мелочах эгоисткой. И пала жертвой собственной глупости. Кроме того, эта глупость повлекла за собой достаточное количество дерьма, разгрести которое невозможно.

И все же есть вещь, которая заставляет меня, наконец, обрадовать Андреа. Я спрашиваю о Бьёрне, я помню, что в последний раз, когда я его видела, он лежал на черном от крови снегу. Андреа сообщает мне, что он жив, почти поправился и рвется обратно на службу. Она считает, что мой интерес — хороший результат. Но как ей объяснить, что если бы не я, Бьёрн не был бы ранен? И я спрашиваю потому, что агент Бьёрн лежит так же ещё одним камнем на моей совести.

Мои кости срослись, но я все еще слаба как ребенок, только вставший на ноги. И Андреа постепенно заставляет меня возвращать телу прежнюю силу и крепость. Мы никогда не говорим о нем, о человеке, который является связующим звеном между нами. Не буди лихо. Его словно никогда и не было, будто всё осталось дурным сном, кошмаром, последствия которого медленно отступают назад.

Середину лета я встречаю, стоя на ногах и опираясь на трость. Андреа скрещивает руки на груди, наблюдая за тем, как я передвигаюсь по дорожке из светлого песка. Ее летний костюм из зеленой ткани безукоризнен, ни одной складки, ни одной лишней детали. Я интересуюсь мнением Андреа — через сколько я смогу уже полноценно передвигаться без трости и заниматься спортом? Женщина улыбается и заявляет, что об этом еще рано говорить. Месяц, как минимум, стоит не злоупотреблять нагрузками, а уж для реабилитации нужен почти год.

Меня выписывают тогда, когда на деревьях появляются первые желтые листья. Андреа приходит ко мне в палату, и я задаю ей вопрос:

— Вы знали его хорошо, не так ли?

Женщина стоит передо мной, на ней дорогой брючный костюм, в котором она кажется еще стройней и выше. Рыжеволосый доктор с креольскими, гаитянскими корнями выше меня на полторы головы, а так она кажется ещё прекраснее и загадочнее. Сейчас Андреа не улыбается, и её черные глаза полны вежливой отстраненности.

— Знала, — она проходит к окну, выглядывая наружу, а затем оборачивается ко мне, — я отношусь к тем людям, которые знают — за что они готовы платить, а что им не нужно.

Андреа не кажется мне сейчас добрым доктором реабилитации. Она не позволяет мне понять свои мысли. Ей был он интересен. Они спали вместе. Но потом они разошлись. И я понимаю, что Андреа слишком разумна для того, чтобы позволить себе броситься без оглядки в пропасть.

День, когда я покидаю больничную палату, полон осени. Красное кирпичное здание похоже на большой корабль, и низкие облака цепляются за высокую готическую крышу. Андреа провожает меня до самого низа невысокой лестницы, ведущей к входу. Ее рыжие волосы убраны в прическу, и ветер не выбивает ни единой пряди. Достоинство и манеры Андреа не позволяют мне ни разу вспомнить об огромной разнице между этой изящной королевой и мной, выглядящей избитой и помятой. Желтое такси подъезжает к нам, и я слегка хромаю, направляясь к машине. Андреа кладет руку на рукав пальто и улыбается мне, ободряюще и мягко. Как должен улыбаться врач своему излечившемуся пациенту.

Мир вокруг продолжает жить своей жизнью. Городские улицы по-прежнему полны огней, рекламных баннеров и машин. Мимо моего такси кружится карусель беспечного существования, и я наблюдаю, как за стеклом окна торопятся по своим делам люди.

— Ты выглядишь не очень, девочка, — нарушает тишину салона мужской голос. В зеркало водителя на меня смотрят глаза Саула, знакомые и незнакомые одновременно. Он посмеивается, качая головой и видя моё удивление.

— Откуда ты тут? Куда ты исчез? Зачем оставил те фотографии, и что всё это значило? — Вопросы сыплются из меня на одном дыхании, и их слишком много.

— Не спеши, Ивана, не спеши. Я знаю, ты хочешь всё знать, но дай мне сперва доехать без приключений.

Саул смеется, и его голос заполняет пространство машины.

Мой дом все тот же, привычный, небольшой и аккуратный. На столбике крыльца висит обрывок ленты полицейского заграждения. Его концы шелестят на ветру, как страницы старой книги. Я стою перед ним, и безучастное к происходящему здание не отражает того, что происходило тут несколько месяцев назад. словно ничего и не было. Я хотела бы в это поверить, забыть бы всё и никогда не вспоминать. Но позади меня стоит Саул, и его фигура — лучшее напоминание о том, что прошлое никогда не остается молчаливым призраком. Оно возвращается.

— Есть много вещей, которые привели к тому, что случилось, какие-то из них — моя вина, — Саул спокойно осматривается. Он одет очень хорошо, исчез знакомый мне сосед. Теперь передо мной уверенный в себе немолодой мужчина в сером пальто. И я озвучиваю свою догадку:

— Всё, что ты мне рассказывал, было ложью, так? Ты жил, притворяясь, будто твой дом, пикап и сиделки на веранде — это настоящая твоя жизнь. И это ты стрелял, — я

медленно начинаю осознавать смысл его слов, — и убил Тагамуто?

— Это был хороший снайпер, — разводит руками Саул.

— Ты из бюро, Саул? Из агентства безопасности? Ты знал про Анну всё это время и выслеживал её? И Гаспар помогал тебе в этом? — Я кажусь самой себе слишком маленькой и глупой, запутавшейся в происходящем так сильно, что выгляжу мухой в паутине. Саул улыбается мне одними глазами.

— Просто постарайся забыть всё и живи дальше. Ты решила все свои проблемы и можешь строить всё сначала, остальное уже не твоя забота.

И круг, наконец, замыкается.

Саул смотрит на часы, но затем, после небольшого раздумья, всё же отвечает на мой вопрос:

— Я всегда знал, что ты похожа на свою мать. Для вас обоих важнее правда, даже если она будет стоять слишком дорого. Твоя мать смогла отказаться от меня, когда узнала о том, что война не всегда играет по честным правилам. Для неё солдат должен был защищать невинных, а не расстреливать тех, кто может оказаться мирным жителем, а может и наоборот — переодетым боевиком. Она предпочла правду и смогла жить дальше без меня. Теперь ты идёшь той же дорогой. Можешь отрицать это, а можешь просто принять как факт, но всё осталось в прошлом, и вспоминать об этом нет смысла. Ты умная детка, и я уверен — теперь у тебя всё наладится. Просто живи и попробуй выбрать в этот раз золотую середину.

Я смотрю ему вслед. Мне хочется спросить его о многом, но я молчу. Саул тоже молчит. Затем улыбается мне так, что превращается на мгновение в того дядю Саула, который хвалил мой пирог и рассказывал истории из своего прошлого.

Желтое такси отъезжает от дома, и я а поднимаюсь на крыльцо. Отрываю от столбика и выбрасываю прочь кусок ленты. Дверь открывается со скрипом, пропуская меня внутрь. Тишина и пустота. Словно тут много лет никто не жил.

Глава 2

Когда из моего дома вынесли последнюю коробку и закрыли дверь, я не чувствовала ощущение грусти. Это следовало сделать очень давно, не тратя время на жизнь в развалинах прошлого. Поэтому я протянула ключи молодожаво выглядевшей женщине, агенту по недвижимости, и села в машину. Теперь у меня был маленький автомобиль, и я могла оказаться так далеко, как только пожелаю. Просто поехать туда, куда глаза глядят.

Именно это я и собиралась сделать.

Накануне мне позвонили с международного номера. Я не ответила, мне вообще не хотелось ни с кем разговаривать. В этот вечер я сидела на своей кухне, в последний раз пила сваренный в старой турке кофе и прощалась с домом.

Ночь застала меня возле небольшого мотеля далеко за пределами города. Покачивалась на ветру вывеска, оповещающая, что тут двадцать четыре часа в сутки есть комнаты и горячий кофе. Последнее заставило меня свернуть на старую стоянку, которую уже много лет никто не приводил в порядок. Получив ключи у администратора, похожего на гнома с ватной бородой, я нашла свою комнату. Тут явно не мешало проветрить, и после того, как в открытые форточки двух маленьких окон ворвался свежий воздух, я направилась туда, откуда тянулся запах съедобного.

Полупустая забегаловка, в которой обычно коротают время дальнотбойщики или путешественники, казалась погруженной в дремоту. Девушка с волосами цвета бирюзы и чего-то зеленого принесла мне тарелку и поставила большую чашку кофе.

— Тихо у вас, — я оглянулась. Она одернула импровизированный фартук из темной ткани.

— Иногда у нас бывает и чересчур шумно, — официантка оглядела меня и почему-то стала выглядеть так, будто спряталась в ракушку. Неторопливо доев кусок мяса, который был похож на темную кляксу, и допив кофе, я расплатилась и направилась к выходу. Официантка что-то говорила такому же гному, как и тот, что заведовал комнатами мотеля. Я подумала, что, скорее всего, все они тут родня. Столкнувшись со мной взглядом, гном и бирюзовая девушка внезапно срочно занялись делами, будто поверхность стойки была завалена пылью, а на столах лежали груды мусора.

Ночь вползала в комнату вместе с порывами воздуха. На потолке крались друг за другом тонкие трещины, и можно было представить себе, будто над кроватью кто-то нарисовал большую карту. От одеяла пахло стиральным порошком, тем, что отдает цитрусовыми так сильно, что начинает кружиться голова. Где-то в комнате дальше кто-то проверял струны гитары, и те звенели тонкими, мелодичными птицами.

Утро было пасмурным. Кто-то взял и стянул тяжелые облака вниз так, что те цеплялись своими рваными краями за вершины деревьев. Вернув ключи гному, на котором сегодня была та же клетчатая рубашка в красное с синим, я снова наткнулась на быстрый взгляд. Он поспешно отвел глаза в сторону, когда понял, что я заметила, что он разглядывает меня. Казалось, той парочке в забегаловке, и гному за импровизированной стойкой администратора было страшно интересно посмотреть на меня. Но при этом очень неудобно выказывать своё любопытство.

— Эй, — я постучала лежащим возле звонка вызова администратора карандашом по стойке. Гном, делавший вид, что наводит порядок в своих бумагах, подпрыгнул и повернулся ко мне. — Не будете Вы так любезны рассказать, что это во мне так пугает народ?

Невысокий человечек поправил очки и нервно кашлянул.

— Что Вы, совершенно никого не пугает, — пробормотал он. Видя, что я продолжаю смотреть на него, гном вздохнул, порылся в огромной свалке всевозможных бумаг и вытащил газету.

— Уж простите, но просто так неожиданно всё это, — забормотал он, протягивая мне пожелтевший и сложенный вчетверо комок бумаги. С первой страницы на меня смотрела я сама. Рядом в черной траурной рамке на мир взирала Анна Тагамуто. Дополняла галерею фотография сурово смотрящего в объектив агента Бьёрна. Большими буквами по странице растекалось название "Выжили вопреки".

— Я заберу это, — гном кивнул, опасливо наблюдая за мной, пока я складывала газету. Было не сложно понять, какой вопрос вертелся у него в голове. Гному и его семье очень хотелось узнать — каково было там, во время всего происшедшего. — Было страшно, — сказала я, и по красным пятнам, которыми покрылось сморщенное личико, поняла, что правильно угадала с вопросом.

Прошло восемь часов, как я оставила позади придорожный мотель. Погода хмурилась и предвещала грозу. Где-то вдалеке прогремел гром. Шоссе продолжало виться неровной лентой, и кое-где ватные облака почти цеплялись за неё. Стрелка показывала, что бензина хватит еще надолго, так что я не планировала останавливаться до ночи.

Первые тяжелые капли ударили в лобовое стекло. Вскоре дождь заливал окна так, что казалось, будто с неба на землю падает не дождь, а целое озеро. Мимо меня проехали две фуры, они сбросили скорость и были похожи на ползущих он воде гусениц. Где-то вдалеке

небо разорвалось надвое молнией, и новый раскат грома показался уже глуше и тише. Гроза уходила.

Тяжелое свинцовое одеяло началось сдергиваться, и из-под него показалась тонкая лазурная полоска чистого неба. Где-то у горизонта еще вспыхивали молнии, и ворчал гром, но дождь уже прекратился. Прохладный, разряженный воздух наполнял легкие и был настолько приятным, что его можно было бы разлить по пузырькам и продавать как лекарство от плохого настроения.

В небольшой город, окутанный облаком из цветов и зелени, я въехала ближе к вечеру. Тихое местечко, расположенное почти в центре страны, от которого было одинаково далеко и до моря, и до столицы. Невысокие дома стояли вдоль спокойных улиц, по которым почти никто не ездил. Наверно я почти сразу поняла, что хочу остановиться именно тут.

Мне удалось только снять небольшую квартиру. Везде, куда бы я ни приходила, повторялось одно и то же — "нет, извините, у нас сейчас нет подходящих предложений... Нам очень жаль... Может в другой раз". Только когда я уже начала думать, что зря уехала и порвала со всем, мне подвернулась высокая, сухопарая дама, которая явно ценила деньги больше, чем непонятную предвзятость. Она взяла с меня оплату вперед за месяц, а я получила маленькую квартирку. Я не знала — как долго пробуду здесь, но предпочла не терять шанс.

Очень скоро я научилась разбираться в моих соседях. Те явно изучали меня как неведомого зверя — то ли он умеет петь, то ли кусается. Потом, спустя пару недель их любопытство медленно сошло на нет, а затем меня и вовсе перестали замечать.

Где-то за пределами приютившего меня местечка кипела жизнь. Люди, собирающиеся по вечерам в небольшом баре, бурно обсуждали новости, и их громкие голоса были слышны, как рокот волнующегося моря.

Вместо прежней работы в ленивой, обстоятельной атмосфере дизайнерской фирме, я занималась совершенно другими делами. Местная социальная служба нуждалась в помощниках, готовых выполнять необходимые поручения для её подопечных. Так я научилась различать, когда у старой хозяйки лавандового дома может подскочить давление, когда стоит побеседовать о пустяках с маленьким старичком, похожим на печеное яблоко. У всех них были разные привычки и разные жизни. Но было нечто общее. Оно пряталось в их глазах, выражение, которое делало всех их похожими на маленькие фонарики. И чем больше к ним проявляли внимания, тем сильнее разгорался огонек внутри них.

Мы все были глубоко ранены, каждый из нас по-своему. В ком-то торчал острый нож предательства, кто-то был сплошь обожжен болезнью. Другие прятали от взгляда язвы, оставленные разочарованием, или пытались баюкать сломанные кости своей уверенности в жизни. И я понимала, что всё в жизни чересчур условно. Мой собственный груз казался подчас туманным и нереальным на фоне чужих бед. А иногда превращался в многотонный монолит.

Я возвращалась в офис социальной службы, когда на углу улицы столкнулись две машины. Сбежавшиеся люди помогали водителю одной из них выбраться из кабины, и тот, волоча за собой поврежденную ногу, стонал и требовал, чтобы полиция приехала как можно скорее.

— Я купил машину месяц назад, и этот козел должен мне возместить её ремонт! — завопил он в ответ на уговоры подумать сперва о своем здоровье. Второй водитель, молодой, но уже начинающий полнеть, мужчина бегал вокруг своего автомобиля, оценивая

повреждения. Я стояла неподалеку, наблюдая за происходящим. На газоне возле дороги лежало тело сбитой кем-то кошки. Маленькое, уже окоченевшее и отпустившее всё, что делало её живым клубком песочной шерсти.

— Не знаете, может это чья-то кошка? — обратилась я к стоящей рядом пожилой даме. Лицо её выразило полнейшее недоумение, которое затем сменилось негодованием.

— Вам важнее какая-то дохлая кошка? Там человек умирает! — Воскликнула она, всплеснув руками.

— Насколько я чувствую запахи, если он и умирает, то явно от того, что в нем по макушку плещется спирт, — отозвалась я. Вышло достаточно громко, и, похоже, что водитель, чью ногу уже пытались пристроить в подобие самодельной шины, тоже услышал меня. На мгновение он перестал голосить и закатил глаза, словно готовился отправиться в иной мир. Неодобрительные взгляды стали поворачиваться в мою сторону. Не дожидаясь коллективной проповеди, я отошла в сторону и направилась дальше, к невысокому кирпичному зданию социальной службы.

Раковая опухоль общества, если оно состоит больше чем из двоих человек, это сплетни. К вечеру о моем ужасном пренебрежении к людям, почти ненависти к их страданиям, знала добрая половина городка. Когда я прошла к стойке, усы немолодого мужчины, заведовавшего единственным баром в городе, сердито дрогнули. Он всем видом выражал свое неодобрение, но воздержался от высказываний.

— Так это Вы у нас человеконенавистница? — Прозвучало спустя полчаса за моей спиной. Я не обернулась. Женщина уселась на высокий стул рядом и помахала бармену.

Была она не настолько молода, чтобы носить огромные серьги. Да и костюм, украшенный леопардовым принтом, был слишком кричащим и броским. Вместе с тем, женщина держалась так уверенно, словно ей принадлежал и этот бар, и город, и весь мир в придачу. Она улыбнулась бармену, наливающему ей виски. Она улыбалась ему и всем, кто был вокруг, и такая улыбка заставила пожилого мужчину внезапно расправить плечи и выглядеть моложе на тридцать лет.

— Нельзя так ненавидеть людей, особенно, когда они страдают, — покачала головой женщина, поворачиваясь ко мне. У нее были зеленые с желтым глаза, уходящие к вискам. Я не могла понять, осуждает она меня или просто хочет высказать своё мнение, поэтому молча отпила свой виски.

— Нельзя их ненавидеть потому, что тогда опускаешься до их уровня, — женщина наклонила ко мне голову совсем близко, так, что её глаза практически были рядом с моими. На дне зелено-желтых омутов плескался смех.

— Я не ненавижу кого-либо вообще, — вежливо отозвалась я.

— Неправда, — женщина выпрямилась, покачивая одной рукой свой стакан. Длинные ногти второй постукивали по поверхности стойки. — У Вас на лице написано, что вы ненавидите весь мир и в первую очередь — саму себя. Люди убегают от своих проблем в тишину лишь в двух случаях, когда они стары душой и смогли выбрать спокойствие, как лучшее, что может дать этот мир. Ну, или же если они столкнулись с чем-то настолько потрясшим их привычную жизнь, что нужно время понять и принять всё.

С детства я терпеть не могла слушать советы и наставления. Мне казалось, что всё нужно понять и определить самостоятельно, не полагаясь на чужую голову. Но сейчас я не могла не согласиться с правотой слов соседки по барной стойке. Пепельные волосы, уложенные в ворох кудряшек, не дрогнули, когда женщина резко покачала головой.

— Виновата, не представилась. Самар. Я живу тут уже больше десятилет, и поэтому конечно в курсе всех сплетен и новостей.

— Ивана.

— Очаровательное имя, — улыбнулась Самар, — так вот, поверьте мне — каждый раз, когда я вижу обиженное животное, я готова выпустить кишки тому, кто это сделал. Я не ненавижу людей, я просто считаю, что в большинстве своем все мы — мусор, скот, живущий только для себя. Ну, саму себя я считаю такой же скотиной, что уж душой кривить.

Самар засмеялась над собственными словами, и я не смогла не улыбнуться вслед за ней.

— Позвольте мне дать Вам один совет, Ивана, — перестав смеяться, произнесла Самар, — когда Вы, наконец, сможете поставить все на свои места, не раздумывайте и уезжайте. Уезжайте и делайте то, что хотите сделать, но не можете сейчас признать. Быть правой — не всегда нужно, иногда правда превращается в жернов на шее, хороший и отлично топящий тебя на дне омута.

Было что-то в ней от кошачьих, и немигающие раскосые глаза, смотревшие прямо мне в лицо, лишь усиливали это сходство. Я покачала головой.

— Не все так просто.

— Всё в этом мире просто, — Самар обратила внимание на свой полупустой стакан и недовольно вздохнула. Помахала бармену, подзывая его к себе, — Самую большую тень отбрасывают очень маленькие камни, Ивана, так что надо просто сначала увидеть то, что есть. А не то, что кажется.

Я смотрела, как эта странная женщина улыбается бармену. Затем обратила внимание, как присутствующие в баре мужчины оглядываются на Самар, явно пытаюсь выглядеть лучше и моложе, чем они были на самом деле.

Самар довольно жмурясь отпила новую порцию виски. Она действительно получала удовольствие от всего, не заботясь о косых взглядах женской половины присутствующих. Надо было быть достаточно сильной и независимой, чтобы иметь роскошь плевать на мнение остальных. Я покачала свой стакан, наблюдая, как тусклый свет преломляется в жидкости на дне.

— Хороший виски, — подмигнула мне Самар.

Затем похлопала меня по плечу и ушла, оставив после себя пряный аромат сандала, корицы и уверенности.

Звонок разбудил меня ровно в три часа ночи. Моргая и щурясь, чтобы разобрать сливающиеся в одно пятно цифры, я подтянула телефон к уху. Этот голос был мне не знаком, но по тону было ясно, что его владельцу много лет.

— Я говорю с Ивановой?

— Да, — я скосила глаза на циферблат небольших электронных часов возле кровати.

— Простите, вероятно, я не рассчитал разницу в часовых поясах, — я могла даже представить себе говорившего. Невысокий пожилой мужчина, из тех, кто занимается антиквариатом или же живет за городом, разводя цветы. — Мне просто очень нужно было связаться с Вами.

— Вы от Нины? — Я могла предположить, что у сестры какие-то проблемы, и не смотря на то, что она дважды пыталась меня прикончить, всё же Нина решила опять напомнить о себе.

— Нет, — разуверил меня мой собеседник, — но я думаю, что всё же Вы знаете нашего

общего знакомого.

Маленькие камни. Большая тень. Большая тень — это обман зрения.

— Полагаю, что Вы сейчас повесите трубку.

Он почти угадал, первым моим побуждением было закончить разговор. Вопреки извращенному желанию спросить — как, почему, где и что, поскуливавшему где-то глубоко внутри. Приняв моё молчание за согласие, старик продолжил:

— Если у Вас есть возможность, нам лучше бы встретиться. Это не телефонный разговор.

Через полчаса я забронировала билет на самолет.

Говорят, что тут всегда жарко и всегда весело. Не верьте им, тут сосредоточены все страсти мира. Город, переживший не одно разрушение взбунтовавшейся природы, продолжает пульсировать как огромное сердце. На улицах смешиваются краски и музыка, причудливые колониальные дома смотрят на мир, посмеиваясь тем, кто проходит мимо них пару сотен веков. Черное и красное, красное и желтое, бриллиантово-зеленый и неожиданно серый асфальт. Этот город опрокидывает на прибывшего всё то, что окружающий мир предпочитает прятать. Современные прекрасные Содом и Гоморра в обрамлении ночных кошмаров и дневных торжеств.

Новый Орлеан.

Здесь везде на путника смотрят сотни глаз, и, порой, пустота не является собой. Вот почему уезжая отсюда люди уносят с собой легенды и шепот. И, кто знает, что было правдой в окутанном бурбоном и наркотиками воспоминании, а что всего лишь привиделось.

От международного аэропорта до города не так уж далеко. Поэтому я оказываюсь у пункта своего назначения через час после того, как мой самолет приземлился. Я рассчитываю, что смогу закончить все и попасть на вечерний рейс обратно. Сейчас я стою у невысокого дома, построенного очень давно и отремонтированного несколько лет назад в рамках восстановления города после катастрофы. Постучать изящным молоточком по импровизированной наковальне я не успеваю, хозяин дома открывает дверь. Он высок, широк в талии, и, могу поклясться, выглядит так, словно его высекли из обсидиана. На черной коже свет теряется и исчезает без следа. Вместе с этим великан выглядит так же добродушно, как и угрожающе одновременно.

— Я Ивана, — нарушаю я первая тишину. Черный великан улыбается и отходит в сторону, показывая мне жестом, что я могу войти.

Здесь тихо. Большие напольные часы, видевшие не одно поколение хозяев дома, медленно отсчитывают секунды. В доме время явно остановилось, смешав колониальную роскошь и современную технику. Молчаливый обитатель дома идет вперед по коридору, который снизу и до плеч мне украшен деревянными панелями. Открыв дверь, мужчина снова улыбается мне и машет рукой, указывая внутрь.

— Надеюсь, что Вы простите мне наш беспорядок и гробовую тишину, — раздаётся старческий голос. В инвалидной коляске возле окна сидит пожилой мужчина. Его волосы абсолютно белые, а когда-то голубые глаза выцвели до ледяной прозрачности.

— Артур не говорит с рождения, — коляска отъезжает от окна. Старик протягивает мне руку, и я осторожно пожимаю длинные, тонкие пальцы, похожие на хрупкий фарфор. Темная одежда подсказывает, что передо мной священник. — Выпейте с дороги чаю, — он кивает Артуру, и тот бесшумно, при всей своей массивности, исчезает в дверях.

— Спасибо, отец, — мне немного неудобно, я никогда не общалась со священниками

так близко. Они казались мне всегда слишком серьезными людьми, чтобы обсуждать с ними обычные земные заботы. Глаза цвета льда на солнце вопреки моим предубеждениям выглядят понимающими.

— Вы сказали, что нам необходимо поговорить, — я осторожно приближаюсь к цели своего визита.

— Да, именно так, — кивая белоснежной головой, соглашается старый священник, — только сначала я хочу показать Вам одну вещь. Возможно, она поможет мне сделать наш разговор более понятным при всей его странности.

Кресло подъезжает к книжному шкафу, сделанному из красного дерева. Священник оглядывает полки, затем достает картонную папку. Подъехав к небольшому овальному столу, он аккуратно развязывает завязки своими почти прозрачными пальцами и достает небольшой альбом для рисования.

Открываю слегка испорченные временем страницы. Плотная бумага, подходящая для набросков и зарисовок пряталась под темной обложкой. Листки скрепляла свернутая в кольца пружина серого цвета. У каждой вещи остается лицо её хозяина, и этот альбом — не исключение. Пустые страницы, одна, другая, третья. Слово их не захотели оживлять изображениями. И лишь на четвертой темным карандашом набросаны черты лица, аккуратно наложенные тени, складки на воротнике рубашки — всё это выглядело как превосходная копия фотографии. Я превосходно знала эту фотографию потому, что она очень нравилась моей матери и стояла у нее в комнате. Именно мать настояла на том, чтобы я улыбалась, глядя в объектив камеры, когда закончила старшую школу. Мне же хотелось как можно скорее убраться подальше от шумной толпы выпускников и их родителей.

На этом рисунке я выглядела совсем иначе, чем на фото. Каждую линию художник наносил карандашом так, будто модель стояла прямо перед ним. И он видел её иначе, разбавляя реальность внешности своим домыслом.

Я пролистала все страницы до самой последней. Затем закрыла альбом и осторожно положила на стол. На обратной стороне обложки альбома стояла дата изготовления — год, в который я закончила школу и сфотографировалась для матери.

Старый священник всё так же смотрел на меня, и я не могла разобрать выражения его светлых глаз.

— Я полагаю, что это и было причиной нашей встречи, — мне казалось, что тишина в доме стала более густой.

— Отчасти, — священник благодарно улыбнулся Артуру, который поставил на стол поднос с чашками.

— Вы хотите сказать, что всё это имеет отношение к тому, что произошло, — я смотрела на то, как бледные пальцы осторожно удерживают тонкий фарфор.

Сделав глоток, старик поставил чашку на поднос. Он явно не торопился объяснять свои мысли.

— Вы знаете его гораздо дольше, чем я, насколько мне понятно. Показав его рисунки, Вы хотите заставить меня бояться или жалеть его? И первое, и второе невозможно.

— Я могу догадываться о многих вещах, даже не смотря на то, что меня в них он никогда не посвящал, — священник показался мне внезапно не таким уж старым, слишком ярко вспыхнули огоньки в его глазах, — но мне хватило времени, чтобы понять — его нельзя переделать или загнать в рамки.

— Вряд ли кто-то решился бы на такое, — я покачала головой, — сомневаюсь, что он

позволял кому-либо приблизиться к себе так близко.

— Но Вам он это позволил, — от этого замечания, сделанного мягким голосом, мне стало некомфортно, — настолько, что Вы даже смогли влиять на него.

Я осторожно дотронулась до альбома, лежащего передо мной.

— Это не так.

— Есть люди, живущие так, что мир работает только для них и их желаний. Но они глубоко одиноки, настолько, что нуждаются в ком-то, кто станет их другом. И если они его находят, то не уже не готовы им делиться ни с кем. В какой-то мере это можно сказать и про него, если бы я мог описать всю его историю понятным для Вас языком. Обычно он вычеркивает людей так же легко, как если бы они были песком на подошве его обуви. И до сих пор я думал, что никто не был настолько близок к нему.

— Выходит так, что в убийствах есть доля моей вины?

Священник покачал головой, словно я отказывалась понять очевидное.

— Каждый раз он делает это не ради ощущения власти, не для подавления комплексов. Вы сделали его жестокость не скрытой чертой характера, а собранной и мощной силой.

Я не испытывала страха от всего услышанного, несмотря на то, что оно полностью соответствовало моим догадкам. Мне хотелось понять сущность Гаспара, заглянуть туда, куда раньше не получалось. И сейчас, когда передо мной находился человек, знающий его лучше меня, и я могла попытаться понять хоть что-то.

— Никто не может обвинять кого-то, — священник улыбнулся мне, — есть то, что происходит независимо от нашей воли.

— Но Вы знали о том, что с ним творится, — я не могла понять — как этот человек мог спокойно рассуждать о том, что происходило с его подопечным. Он наблюдал и ничего не предпринимал для того, чтобы его изменить. Остановить.

Священник бросил взгляд в коридор, туда, где занимался своими делами немой Артур.

— Я сделал то, что мог и что должен был сделать, — возразил старик.

Священник подъехал к другому шкафу, на полках которого стояли фотографии в разнообразных рамках, и протянул мне одну из них.

Мужчина в черном костюме, здоровая версия старого священника, стоял вместе с двумя другими перед объективом. Не составляло большого труда понять — кто из них наш общий знакомый. Я моргнула, прогоняя внезапно возникшее ощущение того, что мне не хватает этого взгляда Гаспар, способного понимать и видеть всё насквозь.

Несмотря на мягкое выражение лица, священник выглядел так, будто знал мои мысли.

— Вы понимаете, что однажды его поймут, — я перевела взгляд с фотографии на альбом, хранивший на каждой странице разнообразные изображения того, что окружало Гаспара.

— И если так получится, то Вы будете этому очень рады потому, что хотите увидеть его на электрическом стуле, — старик кивнул.

— Возможно.

Великан Артур снова появился в комнате, чтобы забрать поднос. Когда его фигура исчезла в темном коридоре, священник закашлялся судорожным и глубоким кашлем. Приступ прошел так же внезапно, как и начался, спустя пару минут. Но я успела заметить, что на розовом платке, который старик приложил к губам, остались темные пятна.

— Вы умираете, — спокойно заметила я, встретившись с ним взглядом.

— Да, — согласился священник, — поэтому я и позвонил. Хотел побеседовать с Вами,

чтобы понять — кто Вы на самом деле.

— Надеюсь, что встреча оправдала ожидания.

Священник улыбнулся снова, но улыбка не дошла до голубых глаз.

— Вы пытаетесь понять его, но всё равно не можете, Вас пугает мысль о том, что он легко убил кого-то, сочтя это нужным в своих и Ваших интересах. Вы и хотите избавиться от него, но при этом боитесь, что он врос в Вас слишком глубоко. Поэтому я бы хотел, чтобы Вы взглянули на всё с другой стороны. Правда иногда находится гораздо глубже, чем мы думаем.

— Мне это не нужно.

Священник больше не улыбался. Он смотрел на меня, и его взгляд становился всё более острым и пронзительным. И на дне его отчетливо плескалась осуждение.

Я взяла альбом со стола, не желая оставлять эту вещь здесь.

— Прощайте, святой отец.

Глава 3

Я выехала на двадцать восьмое шоссе в девять утра. Солнце нагрело металлический корпус машины так, что весь салон исходил жаром, как большая духовка. Конец августа был теплым, и сложно было понять — от жары или от приближающейся осени начинает тускнеть зелень вокруг. Время от времени я сверялась с навигатором, который убеждал меня в том, что я еду в нужном направлении. Судя по его данным, мне оставалось колесить по шоссе еще минут сорок.

Спустя полтора часа я всё еще продолжала трястись по дороге, уходящей в сторону от шоссе. Асфальт тут явно был положен во времена динозавров, и к концу пути от покрышек останутся только клочья. Жаркий воздух отдавал гарью — в соседнем графстве горели леса. Туманные клочья дыма были видны в просветах между деревьями, когда я была на шоссе. Ненасытный бог смерти упивался огнем в диких местах.

Впереди наконец замаячили светлые пятна домов. Навигатор пискнул и сообщил, что машина уже на месте. Он явно врал, или же врали данные спутника — до точки назначения оставалось еще несколько добрых сотен метров.

Небольшие домики с невысокой оградой, разделяющей их территории, выглядели очень мило. Со всех сторон поселок окружал лес, и он подступал к домам небольшими кустарниками и молодыми деревьями. Лет через десять, если люди не будут бороться за свои владения, деревья вытеснят их и будут спокойно расти там, где сейчас зеленела трава и росли какие-то поздние цветы на маленьких клумбах.

Старый трейлер стоял особняком почти на самой границе поселка и леса. Возле него было пусто, росла похожая на сорняки трава. Я припарковалась на обочине, вылезла из машины и направилась к трейлеру. Когда-то светлая дверь была теперь покрыта грязными серыми и желтыми разводами. Ручка висела вбок, держась на двух шурупах из положенных четырех. Я постучала, не думая о количестве дверной грязи, которая останется на руке. Никакого ответа не последовало, и я постучала снова. Дверь вздохнула и подалась назад.

Внутри был такой же печальный вид, как снаружи. Грязные, рваные занавески на одном окне. Мусор, окурки, обрывки бумаг, газет на полу. В небольшой раковине лежала грудка разнообразной посуды — начиная с тарелок и небольших кастрюль и заканчивая одноразовыми стаканчиками, вилками. И повсюду, где только можно было, стояли и лежали бутылки. Пустые, покрытые паутиной, недавно опорожненные и совсем старые. Хозяин трейлера лежал на низкой постели, которая не видела свежего белья очень давно. Даже на

ней находились бутылки, словно трейлер принадлежал только им одним. Мужчина выглядел неопрятной кучей одежды, сваленной на покрывало. Да и запах, стоящий в помещении, явно мог отравить всё живое, решившее заглянуть сюда.

Прислонившись к небольшому столику напротив постели, я оглядела спящего. Потом осторожно пнула ботинком одну из бутылок, заставляя её с дребезжанием покатиться в сторону и рассчитывая разбудить мужчину этим звуком. Нулевой эффект.

Ругаясь и кашляя, он подскочил лишь тогда, когда я вылила ему на голову воду из пластиковой бутылки, взятую из машины. То, что находилось в трейлере, я не рисковала трогать. Мужчина отплевывался и стряхивал воду с лица, а я ждала, когда он, наконец, придет в себя, и крутила в руках пустую бутылку. Наконец, он поднял на меня голову, щурясь, словно у него болела голова.

— Привет, Бьёрн, — я помахала ему бутылкой и лучезарно улыбнулась.

Он явно был мне не рад. Но я подозревала, что скорее всего сперва его одолевает дикое похмелье, а уж затем — абсолютное нежелание встречаться со мной взглядом. Я дотянулась до пакета, стоящего на полу возле моих ног, выудила банку пива и бросила её мужчине. Сколько бы он не пил, с координацией у него не было проблем, и банку Бьёрн поймал моментально.

Пил он жадно, неряшливо, и я поняла, что в этом трейлере он гниет морально и социально уже давно. Из города он уехал почти сразу, как выписался из больницы. Так мне заявил очень общительный полицейский из управления, которому я сказала о своём желании поговорить с Бьёрном.

Мы оба, я и Бьёрн, сбежали подальше от происшедшего, и я отдавала себе отчет в том, что он может выкинуть меня в любой момент из своего трейлера, если я скажу что-то не то.

— Спасибо, — хрипло произнес он, опустошив банку. Затем в его глазах блеснуло раздражение, — зачем ты приехала?

— Это чересчур грубо, агент Бьёрн, — заметила я, — после того, как я тащилась в это забытое всеми место три часа.

— Я больше не агент, — судя по тому, как звучал его тон, это его задевало. Бередило что-то внутри.

— Агенты бывшими не бывают, — дурашливо заявила я. Бьёрн явно протрезвел достаточно, чтобы разозлиться, но начать говорить я ему не дала.

— Ты задолжал мне. Не скажу, что это приятно, но, все-таки я думаю, что пора отдавать долг.

Он коснулся давно не бритого подбородка, на котором росла уже небольшая борода, и покачал головой.

— Ты ведь знал, что творит Тагамуто. А если не знал, то догадывался, но закрывал глаза.

— Я пытался остановить её, — слабо сопротивляясь, возразил Бьёрн.

— В тот момент, когда было уже слишком поздно, — согласилась с ним я, — ты фактически подставил меня, зная, что Анна невменяема.

— Она проходила все психологические проверки с успехом.

— А я умею вскрывать замки и еще делаю парочку вещей, которые неприличны для законопослушного гражданина, — видя удивление на лице Бьерна, я развела руками, — Господь Бог только знает, кто из нас на самом деле маньяк, преступник, а кто — невинный одуванчик. А вот ты — кто ты?

— Что ты хочешь? — Он начал испытывать дискомфорт. Кажется, половина дела сделана.

— Я хочу, чтобы ты помог мне, — заявила я.

Присутствие Бьёрна делало машину меньше, а салон — теснее, но я не обращала на это внимания. Сообщив мужчине, что сперва мы приведем его в порядок, я направила автомобиль по шоссе к ближайшему мотелю. Душ, еда и нормальная кровать — вот три лекарства в рецепте от доктора Иваны.

Создающий впечатление огромного и опасного мужика, который может одним ударом сломать челюсть, Бьерн был сейчас молчалив и угрюм. Если первое было его чертой, то второе явно относилось к моему появлению. Но если я смогла перешагнуть через всё, то и он сможет. Нам было ради чего объединить усилия.

Горячая вода и бритва явно послужили с пользой. Вытираясь полотенцем, мужчина был доволен, как не пытался это скрыть. С него словно сбросили лет десять, и миру явился вновь прежний Бьёрн Гис. Я сидела на ручке старого кресла, щелкая каналы такого же старого телевизора, когда бывший агент вышел из ванной комнаты.

— Пицца, кофе, картошка, — я махнула рукой на стол, где стояли коробки с едой, и продолжила искать какую-нибудь интересную программу. Солнце, падающее прямо на меня в окно, нагревало джинсы, и ноги начинали плавиться от жары.

— Так что же ты хочешь? — Бьерн держал пластиковый стаканчик с кофе и выглядел совершенно по-человечески. Я отложила пульт в сторону и повернулась к нему:

— Хочу поймать Гаспара Хорста. Если не получится, то — остановить.

Бьерн медленно поставил стакан на стол.

— Нет.

— Что "нет"? — Я не могла не заметить, как его лицо напряглось.

— Я не буду в этом участвовать, — судя по тому, как заходили желваки на его скулах, он не шутил.

— Проблема в том, что отказаться ты не можешь. Обелить твоё имя, доказать его вину, восстановить справедливость, отправить его за решетку, — я продемонстрировала ему загнутые пальцы. С Бьерном явно творилось неладное, его лицо пошло красными пятнами.

— Остановить — значит...

— Остановить, — закончила я за него фразу. Бьерн нервно потер лицо.

— Ивана, ты зря решила, что я помогу тебе.

— Я знала, что ты так скажешь. На этот случай я подумала, что сообщу о твоём соучастии в делишках Тагамуто, — пожалала я плечами, — не думай, что я глупа. Ты можешь придушить меня и избавиться от проблем. Но ты — полицейский до глубины души, и твоё тайное желание — найти Гаспара. Так что, думаю, что ты согласишься.

— Даже не представлял, что ты настолько хитра, — эти слова можно было расценивать как фактическое согласие. Я улыбнулась ему:

— Быстро учусь.

Умение исчезать необходимо лишь тогда, когда на кону стоит слишком много. Мы не прячемся. Небольшая квартира, снятая на последнем этаже дома, где большинство жильцов — такие же иностранцы, как и мы, это наше логово. Неприметное, обычное и безопасное настолько, насколько может таковым быть.

По утрам я слышу, как Бьёрн качается и заставляет мышцы вернуться в прежнюю

форму. Тяжелое ритмичное дыхание сопутствует каждому движению. Я закрываю глаза, переворачиваюсь на другой бок и сплю еще полчаса. Бьёрн — наша силовая и стратегическая часть. Я — помощник на подхвате. Мы тратим много времени на изучение карты города, всплывающих в Сети сведений и отслеживаем новости. Забираем у разных неприметных людей — школьников, студентов, бодрых стариков сделанные фотографии. Всё это — работа Бьёрна на темной стороне нашей задачи. Я прихожу в банк, снимаю наличные, решаю вопросы, связанные со всем самым, что ни на есть, обыденным. Кроме того, я догадываюсь, что Бьёрн задействует и свои ресурсы, ведь у него предостаточно всевозможных знакомств и связей.

К концу месяца мы получаем достаточно сведений, чтобы быть готовыми к следующим шагам. Бьёрн ворчит, что для его работы это омерзительно долгие сроки, ему удавалось находить всё, что требуется за неделю. Я напоминаю ему о том, что обычно полиция чаще проваливает дела, чем раскрывает, торопясь закончить расследования в короткие сроки. Он возмущенно фыркает, но соглашается.

Когда я остаюсь одна, то могу уделить время своим тренировкам. Бьёрн настоял на том, что я должна знать приемы, способные поразить цель на близких дистанциях. Больше всего мне нравятся ножи. Сбалансированные и острые, они сами ложатся в руку. И я раскраиваю раз за разом мягкое чучело, заставляя лезвие попадать в цель. Вначале ножи просто брякались на пол, а теперь я с удовлетворением наблюдаю, как они подрагивают в фантоме.

Остановить — значит убить.

Осень начинается так незаметно, что границу между ней и туманным, нежарким летом сложно заметить. Бьёрн всё чаще выходит на охоту, а по возвращении подолгу стоит возле стены, на которой развешана карта, прикреплены разнообразные фотографии и газетные вырезки.

Мы сидим в тишине, а за окном идет дождь. Я не отвлекаю Бьёрна от его мыслей, просто сижу по-турецки напротив и просматриваю новостные сводки.

— Он больше не убивает, — произносит неожиданно Бьёрн. Эта фраза требует продолжения, и я молчу, прокручивая вниз страницы.

— Я долго пытался понять, что связывает вас двоих. Мне казалось, что простого объяснения всему происходящему тут недостаточно.

— Иногда самые запутанные вещи на самом деле очень просто объясняются, — я знала, что однажды нам придется это обсудить. Бьёрн смотрит на меня, и его тяжелый взгляд выдает происходящую в нём борьбу. Я заметила её уже давно, еще тогда, когда нашла его в старом трейлере.

Бьёрн болен своими тайными демонами, и они не останавливаются ни на секунду, разрушая его. Он знает, кем была Анна Тагамуто, но никогда не признает этого, для него Анна никогда не будет выглядеть тем, кем была. Иначе остатки мира Бьёрна расколуются вдребезги.

Анна мертва, а Гаспар Хорст — нет. И Бьёрн не остановится, подстегнутый моими словами о справедливости, чтобы найти более подходящую цель для своего внутреннего хаоса, который требует от него действий. Для него посадить Гаспара за решётку — вопрос собственного спасения.

Проснувшись далеко за полночь, я слышу, как в другой комнате Бьёрн отжимается от пола. Старый пол под линолеумом неопределенного цвета скрипит, и я сбиваюсь со счета, попытавшись понять — сколько раз Бьёрн уже проделал это упражнение.

А за стеной продолжают напрягаться мышцы и выпирать рыбацкой сетью вены на руках Бьёрна, всё ещё надеющегося обрести покой. Наши демоны пока молчаливы и сдержаны. Но когда они открывают свои пасти, они оглушительно кричат и рвутся на свободу.

Глава 4

Тренировочный лагерь Абу-Хамиз.

Песок здесь везде. Внутри палаток, построенных бараков. На лице, в волосах. В оружии, в двигателях машин. Песок пытается подчинить себе всё, медленно и упорно. Когда поднимается ветер, он бросается в глаза, засыпая их мириадами песчинок. У песка нет имени, нет начала и конца. Никто не знает — откуда он берется в таких количествах, продолжая своё неумолимое наступление. Кое-где еще борются за жизнь оазисы, ожесточенно и без отдыха. Но колодцы пересыхают, реки меняют свои русла, озера иссыхают, уступая под натиском песков.

Каждое утро от лагеря в пустыню отъезжают машины, и их следы выются по песку темными линиями. Глухой рокот взрывов раздается слишком далеко от любой живой души, кроме тех, кто участвует в испытаниях. Затем проводятся замеры и проверки конструкций, уцелевших или не уцелевших после взрыва. Инженеры и те, кто курирует их работу, оживленно обсуждают результаты. Несколько человек в европейской одежде явно изнывают от жары. Те, кто невидимы, но полностью экипированы для боя, живьем плавятся в бронежилетах и амуниции. Ведь днем здесь отметка термометра ползет до пятидесяти градусов по Цельсию, а вот ночью падает почти на сорок пять градусов вниз. Но это не помеха для невидимых глаз в прицелах снайперских винтовок и тех, кто отслеживает малейшие передвижения членов отряда по пустыне. Поэтому необходим контроль — полный, ежесекундный и непрерывный.

Опасность тут прячется везде, и если на секунду ты замешкался, то уже мертв...

Прерывая свой рассказ, Бьёрн неуловимо, как мне кажется, берет меня в захват.

— Ты проиграла, — он не обращает внимания на мой хрип, и я стараюсь как можно меньше дергаться. Останутся, чего доброго, огромные синяки. Бьёрн беспощаден, и каждый раз, когда я не успеваю, он преподает мне урок боли и поражения. Каждый день мы деремся как в последний раз.

— Ты не прожила бы там дольше часа, — слова бывшего военного звучат хуже, чем просто плохая оценка за урок. Бьёрн выпускает меня и молча наблюдает за тем, как я с шипением вдыхаю воздух в поврежденное горло.

— А сколько ты протянул? — Интересуюсь я, когда удается отдышаться.

— Два года, — Бьёрн отступает на шаг, давая мне подняться и приготовиться к новому бою, — соберись. Иначе завтра тебе могут так же легко свернуть шею, а ты и не заметишь этого.

Уже два месяца, как мы торчим в сыром и туманном городе. С каждым днём мне кажется, что мы просто топчемся на одном месте. А вот Бьёрн становится всё более спокойным, и в его глазах медленно тает смятение. Он прячет его еще глубже, но зато оно теперь не командует его рассудком. Мне кажется, что у каждого из нас свои причины найти нашу цель.

Уклоняясь от ударов и блокируя выпады Бьёрна, я размышляю о том, что должна так же спокойно, как и мой партнер, выстоять при встрече с Хорстом. Бьёрн требует, чтобы я сомневалась во всём, во всех, кроме себя. Он говорит, что только уверенность в своих действиях позволяет выжить. Я уверена, что Бьёрн иногда не верит даже самому себе. Тогда

как я знаю, что должна сделать, и не допускаю других вариантов.

В вечер следующего дня идет мелкий дождь, и он смешивается с холодным туманом. Словно в воздухе повисло рыхлое, мокрое облако. Бьёрн открывает передо мной дверь машины и протягивает руку, помогая выйти из салона. Я настояла на том, чтобы обувь исключала каблуки больше шести сантиметров, чем они выше, тем неуверенней я стою на земле. Стеклопанная дверь вращается по кругу, пропуская нас внутрь блестящего огнями здания. Пока Бьёрн называет наши имена секьюрити, я осматриваюсь. Отмечаю количество людей, расположение камер наблюдения. На всякий случай.

Несмотря на то, что в оставшейся позади жизни я была дизайнером, разбирающимся в живописи, то, что выставлено на обозрение публики, я не могу воспринимать и оценивать. Для меня это — брызги, пятна, полосы и кляксы. Было бы жаль потраченных на билеты денег, если бы мы пришли просто полюбоваться выставкой.

Внутри слишком много людей, и я почти сразу теряю Бьёрна из вида. Меня это не очень волнует потому, что мы оба собираемся пройти все помещения и осмотреться. Наше правило — даже если случилось что-то из ряда вон выходящее, один будет ждать другого в условленном месте. Излишняя беготня и паника остались в прошлом.

Двигаясь мимо людей, беспечно болтающих друг с другом, смеющихся и смотрящих на стены с картинами, я оглядываюсь. Организованное Бьёрном отслеживание дало информацию о том, что Хорст появится на выставке. Мы оба думаем одинаково — что это не сулит ничего хорошего. У платья длинные рукава до запястья. На левой руке у меня в наручных ножнах покоится небольшой нож. Возможно, он мне может не понадобиться, но теперь я ощущаю себя более защищенной. Это всё оружие, которое у меня есть. В полном людях помещении стрельба — явно дурацкая затея.

Часть выставки располагается в большом зале, и стены-стенды разделяют его на небольшие пространства. Я обошла почти все, но ни один мужчина, хотя бы немного похожий издали на Хорста, им не оказался. Было бы очень забавно, если он оказался бы на широком балконе. Сошло бы за неоригинальное клише — встреча под вечерним тусклым небом. Балкон опоясывал здание и служил для того, чтобы люди могли подышать свежим воздухом или побыть в тишине. Кроме нескольких воркующих парочек, тут никого не было.

Я шагнула обратно в светлое, шумное помещение и увидела Гаспара. Точнее, только его фигуру, двигавшуюся между людьми. Я знала, что это он. Такую уверенность нельзя было никак объяснить, но она меня не обманывала. Гаспар направлялся в противоположный конец зала, и я поспешила за ним. Кажется, по пути пришлось кого-то невежливо толкнуть, получив возмущенный взгляд вдогонку. На всё это было плевать, единственное, что я хотела и собиралась сделать — догнать Гаспара.

Когда я добралась до стены, то его уже не было. Единственным выходом в этом конце выставочного пространства была служебная дверь, и Гаспар покинул зал через неё.

Дверь на крышу оказалась пластиковая и довольно таки презентабельная. В мою последнюю вылазку на чердак за человеком Саула всё было гораздо хуже. Я осторожно приоткрыла её, опасаясь получить неожиданный удар. Но пока всё было тихо.

Гаспар стоял у самого края взлетной площадки, там, где небольшое ограждение создавало иллюзию безопасности. И он был там не один. Перед ним находился другой мужчина, лица которого я не могла различить в темноте. Но страх, густой и вязкий, как карамель, растекался в воздухе волной. Его можно было ощутить на языке — горьковатый, лихорадочный привкус.

В этот момент я очень сильно пожалела о том, что безоружна. Я не тот человек, который может вести переговоры, да и вряд ли с Гаспаром они возможны. В любом случае, я не сомневалась в том, что произойдет в ближайшие секунды. Выбора не было.

— Хорст! — голос оказался слишком высоким и дрожащим, как у девятилетнего ребенка. Но я действительно поняла, что разница слишком велика между тем, чему меня учил и что пытался вколотить Бьёрн, и тем, что происходит в реальности. Гаспар не повернулся. Словно я обращалась не к нему. В его фигуре не изменилось ровным счетом ничего, будто он не слышал меня. Я сделала шаг вперед.

— Уберите его от меня! — Завопил тот, кто стоял возле края крыши. Очевидно, он рассчитывал, что я смогу это сделать, но я так уверена не была. Моя нога сдвинулась на миллиметр вперед, и в тот же момент рука Гаспара выбросилась вперед, отправляя мужчину вниз с крыши.

Я не успела даже закрыть рот, оставаясь стоять как истукан. Только что, на моих глазах убили человека, спокойно и хладнокровно. Если раньше я знала, что делает Гаспар, но отказывалась признавать, что он и тот человек, которого я видела и знала — одна и та же личность, то сейчас я убедилась в этом собственными глазами.

После того, как я подставила его под пули Бьерна и Тагамуто, вполне логично, что он отправит и меня полетать с десятого этажа. Но на этот случай я была уверена в том, что Бьёрн — в моей команде, и продолжит охоту до конца.

Гаспар отошел от края крыши и направился ко мне. Спокойно и неторопливо, будто всего лишь вышел подышать свежим воздухом, и внизу не лежит размазанный по асфальту человек. Чем ближе Гаспар подходил, тем отчетливее я могла разглядеть его. Он выглядел так же, как мой старый знакомый, и в то же время был совершенно другим. Взгляд был спокойным и холодным, он смотрел на меня как на пустое место — ни эмоций, ни ненависти.

Я не шевелилась, думая лишь о том, что не успею дотянуться до ножа. Гаспара отделял от меня один шаг, и моё будущее выглядело весьма уныло и бессмысленно. Не надо было за ним гнаться, нужно было подождать Бьёрна и скоординировать действия. Похоже, что я капитально сглупила.

Тишину улицы разрезал испуганный крик. Ясно, там внизу тело обнаружили прохожие.

Гаспар двинулся вперед и приблизился на тот самый шаг, который окончательно сократил расстояние между нами. Я приготовилась дать отпор, ожидая нападения, но вместо этого он прошел мимо меня и открыл дверь.

Черт возьми, он просто уходил!

— Гаспар, — позвала я его, всё еще не веря своим глазам. Это было что-то невероятное. Зная его, в самом фантастическом сне нельзя было предположить, что он не воспользуется шансом отомстить. Мужчина, спустившийся вниз по лестнице на несколько ступеней, остановился и оглянулся.

Секунду Гаспар смотрел на меня, и взгляд его был нормальным. И пустым одновременно. И это было неожиданно. Я ожидала увидеть что угодно, но только не равнодушную пустоту, словно он стёр все эмоции.

Я бы сделала так, если бы человек причинил мне сильнейшую боль. Если бы он ранил меня в самое сердце.

Потом Гаспар развернулся и продолжил спускаться вниз по лестнице.

Я стояла наверху, собирая разваливающиеся мысли воедино. Не время обдумывать

ситуацию, если меня застанут здесь, тот вполне предсказуемо решат, что я столкнула того бедолагу.

До зала выставки еще не докатилась волна новости, и тут по-прежнему было шумно илюдно. Без труда выбравшись наружу, я спустилась вниз, смешиваясь с толпой. Где-то у самого выхода меня внезапно схватили за руку, и я машинально повернулась, собираясь врезать нападающему. Но не стала. Рыжеватые волосы Бьёрна казались ещё ярче в электрическом свете.

— Ты видела его? — Он явно был зол от неудачных поисков, тогда как добыча нагло проскользнула прямо перед его носом.

— Лучше нам убраться отсюда, — я стряхнула его руку со своей и кивнула в сторону приближающихся разноцветных огоньков на машинах полиции. С этим Бьёрн не стал спорить.

Он несколько раз пытался начать разговор о том, что произошло, пока мы добирались до убежища. Я игнорировала эти попытки. Что я ему могла сказать?

Можно признать, что мы забрались слишком глубоко. Но отступать некуда. Мы оба не бросим начатое. Единственное, что заставляет меня серьезно задумываться, так это то, что я не вполне доверяю Бьёрну. Часы показывают ровно три, но за окном такой же мрак, как и в восемь утра и в двенадцать ночи. Я сижу в квартире, вынужденно коротая время за просмотром новостей. Ничего не происходит. Охота, которая казалась самым разумным решением, сейчас превращается в какой-то мутный провал во времени.

Единственное, что изменилось, в сети появились фото с Гаспаром. Несколько фотографий, сделанных в разное время, и на всех них он в компании одного и того же человека. Красивый мужчина, каждая черточка лица которого говорит о породе и уровне социального положения. В его поведении, жестах и взглядах, которые беспристрастно фиксирует объектив, проскальзывает то, что говорит достаточно за себя. Положительно, он слишком заинтересован в Гаспаре. Сторонний наблюдатель не заметит деталей, но я их вижу. Внимание и полная концентрация на лице, когда они беседует. Вежливая улыбка, а в глазах плохо скрываемое восхищение. Камера — опасная штука, она умеет остановить время и поймать то, что, как нам кажется, мы отлично прячем.

Пока я разглядываю статьи и заочно знакоплюсь с влюбленным в Гаспара доктором психологии, звонит телефон. Он вибрирует и мелко подпрыгивает на столе, сдвигаясь в сторону. Номер скрыт.

— Здравствуй, девочка.

Я сменила по требованию Бьёрна свой телефон на одноразовые трубки. Моя симкарта не проходит ни по одной базе данных. И, не смотря на всё это, я сейчас слышу далекий голос Саула. Вопрос — как он нашел меня, явно кажется бессмысленным.

— Здравствуй, дядя, — отзываюсь я.

— Туманные и сырые места вредны для здоровья, — Добрый дядюшка Саул. Я молчу.

— Девочка, я очень расстроен тем, что ты не слушаешь советов.

— Мне разное говорят, — раньше мне казалось, что между Гаспаром и Саулом нет никакой связи. Теперь я понимаю обратное.

— Я просил тебя начать все с начала.

Я продолжаю слушать добрый, рассудительный голос.

— Уезжай, Ивана. Оставь всё это и начни жить для себя.

— Ты начал контролировать всё еще до того, как он приехал в город? — задаю я вопрос.

— Тебе стоит подумать, что правда, которую ты рвешься узнать, может оказаться тем, что не захочется знать всю оставшуюся жизнь, — голос становится более холодным. Саул бросает трубку.

Я пружина на рожон потому, что мне нужно порвать этот круг. Нужно поставить точку в нашей истории с Гаспаром. Нужно остановить его. Нужно добиться справедливости для всех нас. И я знаю, что не остановлюсь. Знаю это с той самой минуты, как вышла из дома священника, растившего Гаспара.

Вновь звонит телефон. Всё тот же скрытый номер продолжает настойчиво разрывать тишину. Звонки прекращаются. Через пару минут приходит смс:

«Если ты не слушаешь совета друга, то послушай совета своего отца».

Я сижу, глядя в медленно гаснущий экран телефона и тусклые буквы. Всего одна фраза, которая взрывает остатки моего разрушенного мира.

Судьба тасует колоду карт и иронично смотрит на то, как смешиваются короли, дамы и валеты. Она всего лишь тасует карты, чтобы затем наблюдать за переплетениями их судеб. Мать молчала о Сауле не потому, что не могла простить любимого человека, она не хотела смотреть в глаза правде. Она просто оставила прошлое за закрытой дверью, а сама пошла дальше. Правда, это прошлое не отпустило её, оставив вечное напоминание о себе в моём лице. Мне хочется засмеяться и заплакать от осознания того факта, что ложь окружает меня со всех сторон, но разве это что-то изменит? Изменит ли то, что я всегда неосознанно понимала правду, хоть и пыталась её отрицать? Стало ли легче от того, что теперь я знаю истину?

"Правда похожа на жернов", — сказала женщина в баре. Кажется, сейчас я пытаюсь так же повесить себе на шею жернов, стараясь добиться поимки Гаспара. От этого и пытается уберечь меня Саул, пытаюсь проявить отцовскую заботу.

Но для совета новоявленного отца слишком поздно. Тот отец, который вырастил меня и следил за тем, как я расту и взрослею, погиб в автомобильной аварии, и его я спросить не могу. А других советов мне не надо.

Я постараюсь извлечь уроки из прошлого.

— Сколько минут нужно для того, чтобы дойти до черного выхода?

Бьёрн проверяет оружие. По окну машины стучит дождь, без света фар кажется, что мы провалились в темную пустоту.

— Меньше двух, — я сверяюсь с планом здания. Бьёрн уверен, что сегодня будет новый труп, и его поведение напоминает сейчас бомбу с часовым механизмом.

Тик-так.

Вопрос наших фальшивых документов. Вопрос выезда через границу. Вопрос планирования наших действий. Мы не говорим никогда о том, что будет после того, как окажемся на родине. Иногда мне кажется, что мы оба живем только сегодняшним днем. И это очень помогает держаться.

Следуя заранее обговоренному плану, я должна обойти здание с одной стороны, почти перед парадным входом и добраться до противоположной стены к черному входу. Я тянусь к ручке дверцы, но Бьёрн ловит мою свободную руку и задерживает на месте. В темноте салона можно и не видеть его лица, но я знаю это выражение.

— Не вздумай его убить, — говорит он мне. Я не нуждаюсь в напоминании.

— Убьешь его сам — и мне придется разделаться с тобой, — отвечаю ему, и Бьёрн хмыкает. Он не верит мне ровно в половину, тогда как мы оба знаем — ему хочется убить Гаспара и хочется засадить его на скамью подсудимых. Неудобная дилемма.

Здание, явно помнящее не одно столетие, нависает темной громадой. Даже в такой мрачной и дождливой ночи оно подавляет своей архитектурой.

Неудобство заключается в том, что неизвестно — сложится ли весь продуманный план воедино. Пока я прохожу вдоль окон к черному входу, Бьёрн обходит здание с другой стороны. Наша задача — попробовать заставить цель врасплох.

Старинные здания имеют одно преимущество для тех, кто хочет оказаться внутри — не в каждом из них есть хороший, крепкий замок. Наверно потому, что сюда никому не приеду в голову забраться. Слишком невыгодно и опасно.

Согласно данным наблюдения, сегодня тут остается лишь один человек. Идеальный момент прямо так и просится в руки. Но, все идеальное очень опасно.

Слишком легко удастся справиться с замком. Если бы я не была уверена в том, что никто не знает о наших движениях, я бы решила, что нас ждут. Мы не пользуемся связью, она лишь на крайний случай. Свет маячит где-то далеко за поворотом коридора. Я осторожно наступаю на ногу, чтобы движение больше походило на перекатывание стопы по полу. Пистолет с глушителем словно вплавился в ладонь, наверно я сжимаю его чересчур сильно.

Тишина гулкая, лишенная страха. Это всего лишь дом, дремлющий поздно вечером. Я медленно крадусь вдоль стен и неожиданно понимаю, что внутри есть кто-то ещё. Это говорят не всё пять чувств, а то самое, шестое, находящееся где-то в коже, как кошачьи вибрисы. Свет приближается, превращаясь в небольшую лампу в маленькой комнате. Около низкого журнального столика стоят мягкие кресла. На декоративной каменной панели — две вазы. Но сама комната пуста.

Ловушка.

Я остаиваюсь, так и не успев оказаться в пределах полосы света. Это спасает меня. Прямо там, где я должна была стоять, сделай я еще один шаг, в стену проходит пуля. Позади меня — тяжелая темная занавеска, прячущая небольшой альков. Сдернув с шеи шарф, я швыряю его бесформенным комком вперед. Из темноты кажется, что кто-то метнулся вглубь, и я успеваю вжаться в стену прежде, чем мимо меня проносятся двое. Пока они сообразят, что их провели, я смогу получить фору в несколько секунд.

Я не успеваю нажать кнопку гарнитуры, чтобы сообщить Бьёрну о проблеме. Темный дом превращается в длинный лабиринт, и я надеюсь, что выход где-то неподалеку. На повороте в еще одну комнату, дверь которой с грохотом отлетает в сторону, я торможу. Позади меня — неизвестные, а впереди, в тени, движение. Отступление отрезается со всех сторон.

В отличии от преследователей мой пистолет не снабжен глушителем, и грохот выстрела оказывается слишком громким в пустом доме. В темноте начинается возня, похожая больше на молчаливую грызню собак, рвущих клочья мяса. Мне кажется, что теперь их трое, и я снова стреляю в этот шевелящийся мрак.

Не пытаясь больше разобраться в происходящем, я отступаю, пригибаясь и держась как можно ближе к стене и подальше от свары. Лучше быть живой, чем бесполезно подохнуть.

Со второго раза мне удастся включить связь с Бьёрном, и сквозь шум и звуки драки позади я слышу его голос. Он требует, чтобы я уходила. Так условлено — я не жду его, он не

ждет меня. Запасные варианты отхода продуманы, и главное, что требует Бьёрн, это слаженная работа, подчиняющаяся плану. Сейчас я ухожу.

Машина заводится сразу, хотя меня сильно потряхивает, и руки мелко дрожат. Сложно забыть — как это, когда прямо над головой с омерзительным звуком проходит пуля. К смерти нельзя привыкнуть, сколько бы она не оказывалась рядом. Я еду и вслушиваюсь в тишину, царящую пока не только в машине, но и в наушнике. Бьёрн молчит, и это меня дергает, как больной зуб.

Он включается только через пятнадцать минут. Слышно неровное дыхание, и затем — голос. Я действительно рада слышать его живым и сдержанно злым.

— Я скоро буду, — говорит Бьёрн. Сложно понять — что его снова раздражает, но то, что мы живы и здоровы, если не психически, то хотя бы телесно — уже хорошо.

Мы встречаемся в небольшой забегаловке на обочине дороги. Я кутаюсь в куртку, которая почему-то никак не может согреть меня. Адреналиновый выброс пошел на спад, и теперь тело дает ответную реакцию. Знобит так, словно окунулась в прорубь. Глядя на приближающегося Бьёрна, я размышляю — сколько времени понадобилось ему на войне, чтобы перестать обращать внимание на смерть?

— Он был там? — спрашиваю я, когда Бьёрн опускается напротив меня. Он кивает.

— Не один, — добавляет Бьёрн, — кажется, что нас ждали.

— Мы не могли допустить ошибки, — это исключено, поэтому я не сомневаюсь, когда возражаю. Бьёрн пожимает плечами. Мы оба устали. Бьёрн трет лицо руками, пытается стряхнуть с себя оцепенение. Впереди ещё дорога обратно. Он может молчать или отрицать, но в доме была расставлена ловушка. И ставил её Гаспар либо на нас, либо на тех, кто оказался там вместе с нами.

Глава 5

Раньше мы позволяли себе размышлять, оценивать свои эмоции, но сейчас времени на это больше нет. Происшедшее дает понять, что всё гораздо опаснее, чем казалось прежде. Бьёрн исчезает куда-то, отделавшись скупой фразой о необходимости своих дел, едва мы только успеваем перевести дух и поспать каких-то три — четыре часа. Грязь и слякоть на улице позволяют не особо переживать за номера машины, но на всякий случай я отгоняю её в безымянный склад мусора, где привожу её в порядок и скручиваю номера.

Мой отец вытаскивал меня много раз из добрых рук полиции. Я была черной овцой в приличной семье, бессовестной и лишенной понимания того, что может делать воспитанная женщина, а что — нет. Я не пыталась объяснить тот факт, что меня не устраивали диктуемые всем законы, что они казались мне хитрыми лазейками, в которых застревало добро, но проскальзывало зло. Но это было позже. А сперва мне просто нравилось головокружительное ощущение приключения. Видимо, этой чертой характера я обязана Саулу. Все вокруг считали, что я отбилась от рук, сестра — что я плохо кончу.

А вот родители так не думали.

Иногда мне казалось, что сквозь их неодобрение и расстройство проскальзывает улыбка. Наверно, они, в какой-то мере, считали меня просто сорванцом, заменой желанному, но так и не получившемуся сыну. Особенно мать, которая всегда прощала мне мои проступки, но при этом на её лице застывала далекая печаль, оттенявшая глубокие красивые глаза. Я никак не могла понять — что её мучает, ведь она была счастлива с отцом. Теперь я знала, что дело было в дяде Сауле. В моём отце Сауле, на которого я видимо была чересчур похожа.

Сейчас я думаю, что родители ни в коем случае не одобрили происходящее. Игры с законом и игры со смертью — вещи разные.

Дверь в квартиру была приоткрыта, всего лишь маленькая щель, незаметная с первого взгляда. Достаточно для того, чтобы понять, что внутри кто-то есть. Ждать Бьёрна можно было долго и бессмысленно. Рано или поздно в коридор выйдет кто-то из жильцов, и всё может перейти в нежелательные последствия.

Я осторожно отворила дверь, стараясь не упустить ничего из вида.

Вторгшийся гость полусидел-полулежал на полу возле двери в ванную. Он слышал мои шаги, но даже не повернулся. Одна рука висела под неправильным углом как плеть. Второй рукой мужчина попытался заклеить рану под ключицей, где под грязью из смешавшейся старой и свежей крови была непонятна глубина повреждения. На полу вокруг гостя валялись выпавшие из шкафа бинты и лекарства.

Рубашка заскорузла от крови, часть её превратилась в лохмотья. Очевидно, что он отодрал несколько кусков ткани, чтобы попытаться смастерить давящую повязку. Кажется, когда я вошла, ему почти удалось прилепить широкий пластырь. Недостаточно для гемостаза, но вполне сошло бы для минутной передышки. Оружия у него не было. Да и будь оно, вряд ли Гаспар смог им воспользоваться — вывернутый сустав делал руку бесполезной.

Он не поднимал головы, но и не шевелился. Просто прижимал кулак к ране, пластырь на которой начинал слегка розоветь. Грязные, спутанные волосы падали на лицо и прятали его за своими косыми тенями, но выражение подавляемой боли скрыть не могли.

— Кажется, теперь ты можешь меня убить, — пробормотал Гаспар, поднимая голову и смотря прямо на меня. Зрачок чернел в глазах, заполняя почти все пространство; только едва заметная линия светлой радужки еще напоминала о себе, но терялась в расширенной темноте.

Говорил Гаспар медленно и с трудом, что подсказывало о том, что его мучает жажда, естественная при хорошей кровопотере. Он смотрел на меня, продолжая ожидать моих действий. Признаться, я действительно на какое-то мгновение опешила. Затем заперла дверь на замок, наклонилась за лежащим на полу широким бинтом и шагнула к сидящему у стены.

— Твой нож не настолько заточен, чтобы моментально перерезать мышцы на шее, так что приготовься к большой грязи, — с пугающей искренностью сказал Гаспар. Он просто сидел и смотрел на меня, ожидая того, что я сделаю.

Я присела рядом. Казалось, что мы попали в колесо времени, каждый раз проживая одну и ту же череду событий. Всё это было, повторялось и происходило вновь с нами или с тени, кто оказывался рядом. Гаспар смотрел немигающим, пристальным взглядом мне в лицо, но я не обращала на него внимания. Под рубашкой тоже прятались раны, но больше всего кровоточила рана на плече. В прорехи рубашки показывались гнилостно-пурпурные синяки на груди. Он тихо зашипел, когда я дотронулась до висящей плетью руки. Попытался защищаться правой, но это получалось плохо. Никак, если быть точнее.

Хирург из меня никудышный, но попробовать стоило. Я взялась за руку, придерживая поврежденный сустав. Кажется, в глазах Гаспара на секунду мелькнул страх. Все мы боимся боли, и боги, и люди. Он не закричал. Просто сдавленно застонал, скребя пальцами по полу. Опухший сустав стал немного меньше, и я понадеялась, что вывих удалось вправить.

— Почему ты пришел сюда? — Поинтересовалась я, когда Гаспар вроде как немного отдышался. Рана на плече продолжала кровить, пластырь сменил цвет на красный, и это означало лишь то, что надо что-то срочно предпринимать.

Я оторвала от бинта достаточное количество, чтобы смастерить подобие салфетки, и подгрести к себе флакон с антисептиком. Прошло больше двенадцати часов с драки в особняке, но, если я не ошибаюсь, то этой ране меньше трех-двух с половиной часов. А это значит, что ничего хорошего не значит.

Гаспар дернул целой рукой. В лучшие времена это, наверно, означало пожатие плечами. Он пришёл сюда потому, что это было единственное место, где его ожидало что-то конкретное. Например, смерть.

— Почему не убил меня тогда, на крыше? — Задала я следующий вопрос, осторожно сдирая пластырь и открывая рану, — Я думала, что ты очень хочешь это сделать, как только подвернется удобный случай.

Антисептик зашипел, покрывая рану белой пеной. Достаточно для первичной дезинфекции.

— Там где заканчиваюсь я, начинаешься ты, — Гаспар подтянул тело вверх, устраиваясь удобнее. Эта фраза несла в себе слишком много смысла, чтобы оказаться простым и понятным объяснением. Я стиснула зубы так, что кожа на щеках заболела. Столько времени моим огромным желанием было поймать его, растоптать, изменить настолько, что он потерял бы себя как личность. А теперь я сижу по локоть в кровище, пытаюсь ему помочь. — Человек, которого я скинул с крыши, пытался подставить меня вместо себя в небольшой афере. Теперь его никто не станет трогать, а он больше не побеспокоит меня.

Прозвучало это так, словно Гаспар считал, будто ему уже нечего терять.

Соорудить подобие давящей повязки на его массивном плече оказалось далеко непростой затеей. Прошло достаточно времени, прежде чем я закрепила концы бинта и решила, что все-таки справилась. Оставив Гаспара на полу, я добралась до полки в ванной комнате, где стояли лекарства. Пузырек с обезболивающим был наполовину пуст — кажется, я слишком часто таскала таблетки после кулаков Бьёрна. Спарринги с ним становились иногда похожим на банальное избиение — только кости трещат да синяки цветут.

Гаспар уже стоял, опираясь на спинку стула, когда я вернулась в комнату. Выглядел он нехорошо, но это было обманчивым впечатлением.

— Кто тебя ранил? — Поинтересовалась я, протягивая ему таблетки и стакан воды. Гаспар проглотил лекарство одним движением, закинув его в рот. Если бы взял сперва таблетки, потом стакан, то это дало бы мне преимущество в скорости. И он мог бы не успеть поймать момент, когда я ударила бы первой. Вот почему я была уверена, что даже умирающий он был бы опасен.

— Это не так важно, — неожиданно Гаспар улыбнулся. Мы стояли друг напротив друга, оба в грязи и высыхающей крови. Где-то за стеной раздавался громкий женский голос, торопливо выплевывающий слова.

— Ты искала меня. Хотела увидеть или что-то еще?

— Я видела, как тебя ранили в тот вечер, — я не лгала. Я должна была убедиться в том, что он жив. Или мёртв.

— Жалела, что я тогда не умер? Хочешь это исправить?

Темными были глаза Гаспара, несмотря на их настоящий цвет. Темными и нечитаемыми. Словно кто-то захлопнул дверь и потушил обычные яркие искры. Когда-то я хотела увидеть это, надеялась, что такой момент придет, и искры прольются водопадом, исчезнут и погаснут.

Теперь же я смотрела в глаза Гаспара и понимала, что не хочу ничего. Всё, что двигало

мной, потеряло смысл.

Сейчас я ощущала опустошенность. И ничего больше.

Не говоря ничего, я прошла к небольшой тумбочке, в которой лежали мои вещи. Завернутый в бумагу и для верности спрятанный среди нескольких книг, которыми я обзавелась на новом месте, альбом всё еще хранил аромат пряностей и тепла. Гаспар молча следил за мной, пока я рылась на полке и возвращалась обратно.

— Это твоё, — я протянула ему альбом. Он осторожно взял альбом, бросив на меня быстрый взгляд, словно желая прочесть мои мысли. Я открыла дверь, стараясь больше не смотреть на Гаспара: — Уходи.

Когда Бьёрн вернулся, в квартире не оставалось и следа от вторжения. Я убрала и вымыла пол дважды, ожесточенно соскабливая высыхающую кровь с гладкого линолеума, выкинула целый пакет грязных бинтов и испачканных кровью флаконов. Казалось, что всё происшедшее смылось вместе с мутной водой.

Бьёрн выглядел весьма довольным, было достаточно одного взгляда на его лицо, чтобы понять — он явно получил что-то, что приближает его к заветной цели. Обычно Бьёрн не был многословным, но сегодня он собирался рассказывать долго и много. Причина его приподнятого настроения крылась в том, что с ним связалось его начальство. Как всегда бывает в таких ситуациях, о провалившихся и опозоренных забывают, но те, кто приближаются к пахнущему успехом повороту событий, становятся очень нужными и ценными. Уверена, что Бьёрн понимал это. Но для него было крайне важно отмыться от позора. Ещё бы, я прекрасно помнила строки, говорящие о том, что бесполезность органов правопорядка проявилась во всей своей красе, раз уж никто не смог своевременно поймать и обезвредить убийцу. Моя рожа рядом с фотографиями Бьёрна и Тагамуто, снабженная пафосным описанием бедного гражданского лица, пострадавшего при всем этом содоме, так же подливала масло в огонь.

Случись это еще вчера, я была бы только рада. Но сегодня был уже не тот день. Сообщать Бьёрну о том, что я перегорела, и желание продолжать погоню погасло, было бы глупо. С другой стороны, какая мне теперь разница, что будет дальше?

— Ты не можешь вернуться обратно, — заявил Бьёрн, — не сейчас. Мы подошли уже совсем близко, и осталось всего-то ничего.

Я подавила желание оглянуться на пол у стены, где несколько часов назад сидел Гаспар. Узнай Бьёрн, насколько мы близки были к финалу, он свернул бы мне шею за то, что я отпустила Гаспара. Бьёрн считал его своей добычей, гонка за которой придавала ему дополнительную силу. А тут добыча, фактически, махнула хвостом и ушла.

— Какая у меня теперь роль, если ты будешь работать вместе со своим ведомством?

Бьёрн кривовато улыбнулся. Улыбка вышла хищной и неприятной.

— Ты сможешь мне поймать его. Наверно только ты сейчас знаешь его слабые места лучше всех.

— Я — наживка, — сухо подытожила я, понимая, что ею и была с самого начала для Бьёрна. Как и для Тагамуто, как и буду всегда для тех, кто преследует Гаспара. Кажется, история имела омерзительную привычку повторяться снова и снова.

— Назови это так, — согласился Бьёрн. Он не собирался уступать, — завтра у нас будет поддержка, некоторые дополнительные ресурсы. Мы наконец-то закончим всё это.

— И расскажем всем о том, что Тагамуто обожала убивать людей, а город получил целых двух убийц вместо одного?

Бьёрн положил обе руки на стол:

— Есть вещи, о которых никто не говорит, Ивана. Их лучше похоронить и никогда не откапывать.

Говорить, что у него относительное понятие правды, я не стала. В любом случае, существовала огромная разница между тем, что прятал каждый из нас, и что хотел спрятать и переложить на чужую ответственность Бьёрн при помощи правосудия.

Небольшая поддержка, если её можно было так назвать, выглядела, как четверо мужчин и одна женщина очень опасного вида. Бьёрн не заставлял меня выйти из машины, пока беседовал с ними. Я выбралась сама через минут шесть-семь, когда поняла, что меня уже тошнит от тишины и приторного запаха освежителя. В скупых взглядах, которые изредка бросали на меня товарищи Бьёрна по охоте, было сложно понять — сомневаются ли они в том, что я имею значение, или подозревают меня.

Определенно, каждый агент, полицейский и прочий служитель порядка сперва подозревает всех, а уж потом вникает в детали.

Я стояла как истукан и разглядывала хмурое, низкое небо. Старый пустырь, каких оставалось достаточно в черте города, соответствовал всем требованиям безопасности, раз уж именно тут проводилась встреча. В полукилометре от унылого пространства, начиненного мусором и ржавым металлическим ломом, возвышалось двухэтажное здание, отдаленно напоминающее поставленную набок коробку. Окна без стекол, забитые криво досками, и висящая на едином вздохе крыша, того и гляди, готовая провалиться внутрь. Идеальное место для встречи, словно с какого-то фильма про бандитов сошло в реальность.

Очевидно, агенты просчитали далеко не всё потому, что неожиданно раздался выстрел. Негромкий, но омерзительный звук, словно чьи-то кожистые крылья рассекли воздух. Я резко пригнулась к земле, замирая как кролик.

— К машине! — Рывкнул Бьёрн, бросаясь вперед, ко мне. Я видела, как его собеседники метнулись в сторону, отходя за свои автомобили. Вполне возможно, что кто-то окажется раненым.

А если и нет, то вряд ли стрелок ограничится одним выстрелом. Бьёрн практически впихнул меня в машину, предварительно выждав несколько мгновений. Забрался сам и потребовал, чтобы я не поднимала головы и примостилась на заднем сидении ниже линии окон.

Я молчала и следовала всем его приказам, стараясь казаться тише воды и ниже травы. Когда машина резко рванула с места вбок, моя голова хорошенько приложилась к двери. В ушах загудело.

Мы ехали настолько быстро, насколько это было возможно. Бьёрн молчал, он только один раз обернулся, чтобы проверить — как я там. Больше он не отвлекался, а я и не пыталась его отвлечь.

Остановил машину Бьёрн в неприглядном местечке, где из десяти уличных фонарей светил лишь один. Здания растекались как чернильные кляксы вдоль дороги, и не в каждом окне был свет. То строение, что стояло слева, вообще выглядело как заброшенный цех. С одного пустыря да в другой.

Я держалась позади широкой спины Бьёрна, пока мы пробирались сквозь забор из ржавой сетки и проходили по узкому двору. Вход в здание был забит досками.

Бьёрн жестом велел мне дожидаться его, а сам исчез в вязкой ночи. Вернулся он через несколько долгих секунд, чтобы мы уже вдвоем прошли вдоль неряшливой стены здания и

оказались перед провалом. Такие двери обычно ведут вниз, в склады и помещения для хранения. Ни лестниц, не ступеней не осталось, и нам предстояло спускаться просто так.

Было сложно справиться с желанием уцепиться за руку Бьёрна, чтобы не потерять в крошечной тьме. Под ногами хрустел мусор, откатывались в сторону камни и куски штукатурки. Эхо разносило чересчур громкий звук по помещениям, и, казалось, что мы бродим по извитому тоннелю.

Где-то за поворотом призрачно моргнул свет. Я решила, что мне показалось. Но свет появился вновь. Бьёрн стал ступать еще медленнее и тише, и я последовала его примеру. Было件нятно, о чем он думает — никому и ничему нельзя верить. Тем более сейчас.

Бьёрн не расслабился и тогда, когда его окликнули. Хорошо, что в отличии от меня, агент не терял никогда бдительности. Я допускала слишком много ошибок, позволяя себе отвлечься тогда, как Бьёрн всегда был начеку.

Он опустил свое оружие только тогда, когда свет оказался достаточно ярким, чтобы показать лица троих из той четверки. Вид у них был очень злой.

— Наш человек ранен, — подтверждая мои мысли, заговорил тот, что казался самым безликим из них всех, — нам надо знать всё, что происходит. В противном случае мы превратимся в кучку овец, которых легко можно пустить в расход.

Бьёрн медленно начинал злиться, я видела это по тому, как он становился внешне всё более спокойным. Парадокс, но спокойствие Бьёрна было на самом деле опасной маской.

— Я рассказал всё, что знал. В офисе получили мои доклады и все имеющиеся сведения.

— Мы ознакомились с ними, агент Гис. Но вот то, что произошло на пустыре, доказывает, что Вы знаете не всё. У нас есть несколько вопросов к Вашей спутнице. Бьёрн словно невзначай сделал шаг вбок так, что я оказалась за ним.

— Всё, что мне удалось узнать от Иваны, так же описано в докладах на имя начальников отдела и офиса.

Возможно это было правдой, но по глазам агентов я видела, что они не убеждены словами Бьёрна. У них и вправду были основания считать, что я знаю еще что-то.

— Будем надеяться, что это так, — произнес собеседник Бьёрна, — если бы я не видел след от прицела снайпера прямо на вас обоих, когда вы отходили, я бы подумал, что следует вернуть Ивану домой для подробного расспроса.

Я подумала о Сауле. Агент был прав, считая, что я рассказала Бьёрну не всё. Потяни Бьёрн и его коллеги за эту веревочку, мы погрязли бы в крови и лжи. И правосудие вряд ли бы оказалось на нужной стороне. Очевидно, что Саул имел большие возможности. И ему не хотелось, чтобы я шла за Гаспаром, не думаю, что целью его стрелков была я или Бьёрн, иначе мы бы остались там, под мокрым снегом в грязи. Его люди были везде — они подчистили всё после Тагамуто, они, судя по всему, вывезли Гаспара. Его люди контролировали въезд в город агентов, чтобы проследить за их передвижением. Это означало только одно.

— Я вызвал подкрепление и связался с местными властями. Ранение агента является преступлением, подпадающим под федеральную юрисдикцию. С этой минуты оно находится на контроле у главы отдела.

Бьёрн выглядел и довольным, и напряженным одновременно. Он ожидал продолжения, и оно явно должно было внести какие-то перемены в его положение.

— Агент Гис, Вы подключены к работе в этой операции. Бюро пересмотрит Ваше дело об отстранении, — старший агент протянул ему руку, которую Бьёрн слегка пожал,

тщательно скрывая эмоции.

Вот и пришел твой час возвращения в строй, Бьёрн.

Глава 6

Я едва увернулась от летящего прямо в голову кулака. Казалось, что все мышцы в теле того и гляди разорвутся от напряжения. Уже больше часа Бьёрн заставлял меня отбиваться и нападать на него, будто бы мы находились на ринге. После той стрельбы на пустыре Бьёрн стал совершенно другим. Он превратился в ходячую машину для убийств, наконец-то получившую выход своей накопившейся злости. Было сложно понять — что именно так сильно изменило того человека, который не хотел поддерживать безумные затеи Анны Тагамуто.

Мы больше не жили в той квартире. Получив обратно свой значок и полномочия, Бьёрн перетащил наш скромный арсенал в новое место. Теперь мы делили более уютную квартиру из двух комнат в противоположном районе. Я не говорила вслух, но часто размышляла о том, что все эти меры предосторожности — пустой звук. Если меня легко нашел Гаспар, то люди Саула найдут и подавно.

Гаспар был везде. И всё чаще — в компании того красивого мужчины, лицо которого постоянно украшало то одну, то другую колонку новостей. Было как-то ожесточенно тихо и пусто при взгляде на того, кто еще недавно являлся главным человеком в жизни. Главным — потому, что мы настолько увлеклись погоней за ним, что вся наша жизнь, всё время и все мысли были посвящены только ему. Остановка и попытка выдрать его, как сорняк, оказывалась почти что пропастью, падение в которую не могло гарантировать того, что внизу, в конце полета, не разобьешься об острые камни.

Вновь уворачиваясь и отбивая удар, я неожиданно поняла, что так сильно меняет Бьёрна. Его персональные демоны смотрели на него глазами Гаспара и не смолкали, очевидно, ни на секунду.

— Ты не считаешь, что тебе следует меньше думать о Хорсте? — Было немного сложно драться и говорить.

Бьёрн разрезал воздух резким движением и яростно двинулся в атаку. Однако, он был гораздо пронзительнее, чем казался. Или же у нас была одна общая точка соприкосновения с огромным потенциалом энергии.

— Не понимаю — о чем ты, — каждое моё слово вырывалось по отдельности, резкое и окутанное свистящим выдохом.

— Понимаешь, — Бьёрн наступал, и я продолжала отбивать его выпады, — ты сама сказала, что наша главная цель — восстановить справедливости и заставить его заплатить за всё.

— Я думаю, что наша цель может стать огромной навязчивой идеей. И тогда мы просто потеряемся.

— Я не остановлюсь до тех пор, пока сам не увижу его за решеткой.

Я сделала подсечку, мало надеясь на успех, но Бьёрн неожиданно потерял равновесие. Он явно не ожидал этого, и теперь хмурой тучей поднимался с пола.

— В таком случае ты рискуешь потерять самого себя. Превратишься в одержимого погоней психопата.

— В отличие от тебя, Ивана, я контролирую себя и всё происходящее. И знаю, чего хочу.

Это походило на ссору, и продолжать разговор было опасно. Мне не хотелось портить отношения с единственным человеком, с которым мы вместе пытались расхлебывать

заваренную кашу.

Прошло около недели. Столица жила своей жизнью, не подозревая о том, что творится на её улицах. Я могла лишь наблюдать за небольшими отголосками того, что делали полиция и агенты. Бьёрн делился со мной тем, что было необходимо, но всё больше я убеждалась в том, что их действия легко предсказуемы и не так уж сложны, чтобы поймать рыбку.

Но и вернуться домой Бьёрн мне не давал. Он что-то чуял, подозревал и считал, что я в безопасности только тут, у него на виду.

Пружина сжималась медленно, но необратимо. Это было настолько же очевидно, как и то, что Гаспар словно провоцировал своих загонщиков, постоянно оказываясь на виду. Так, чтобы те его видели и щелкали зубами от злости. Бьёрн говорил, что бюро удалось найти некоторые зацепки, которые можно было использовать для начала работы по предъявлению обвинения.

Зима уже почти вступила в город, каждое утро было холоднее предыдущего. Возможно, к концу недели выпадет снег. Накануне Бьёрн стал ещё более оживленным, чем обычно. Я поняла, что что-то сдвинулось с мертвой точки, и это не могло не внушать всё больше и больше опасения, что как и в прошлый раз, ничего хорошего не произойдет.

Прежде, чем набрать номер, который я заучила наизусть, решив, что он может еще пригодиться, я осмотрела все углы и все дыры. Кто знает, что еще придумали и те, и другие стороны, считая, что мы с Бьёрном можем что-то скрывать. На кухне я включила воду, и та шумно загремела по железной раковине. Пусть создает эффект работы. Выходить на улицу было не так-то просто. Паранойя давно превратилась в реальность, и наблюдение больше не было моим бредовым вымыслом. Теперь можно было звонить.

Хотелось надеяться, что старый священник ещё жив. Я слушала гудки и спрашивала себя — понимаю ли я, что это нарушает моё собственное утверждение, что я хочу избавиться от Гаспара в своей жизни?

Наконец мне ответили.

Голос старика был по-прежнему ясным и звучным, словно никакая болезнь не могла его поставить на колени. Он заговорил настолько спокойно и доброжелательно, будто бы ждал и был готов к моему звонку.

— У меня не так много времени, — напомнил священник, — поэтому я рад вновь услышать Вас. Возможно, что мы больше никогда не побеседуем. Что Вас беспокоит, Ивана?

— Иногда я задаюсь вопросом — стоил ли он того, чтобы разрушать всю свою жизнь, — меня неожиданно прорвало, — если я и хотела чего-то, то вряд ли уж того, чтобы оказаться вовлеченной в странные взаимоотношения с человеком, живущим по своим законам.

— Его законы просты и естественны, как и всё вокруг нас. Законы джунглей, законы общества, с которого содрали маску приличий и ценностей. Так живет большинство, просто оно хорошо маскирует свои поступки.

Его слова были достаточно жестокими и правдивыми. Они напоминали о Нине, о Габриэле. Об Анне Тагамуто.

Дав мне время на осмысление своих слов, священник заговорил снова:

— Вы никогда не будете свободны друг от друга потому, что оба не хотите этого. Вы можете уравновешивать его. Назовите это гравитацией, которая позволяет вам обоим быть невероятно целыми вблизи друг друга. Чем крупнее объект, тем сильнее эта сила. Чем сильнее ваши страсти и демоны, тем сильнее связь. Возможно, это будет более точным названием тому, что не позволяет вам с ним расстаться.

Чем было поведение Гаспара в последние дни? Провокацией, вызовом, адресованным тому, кто столкнется с ним, не прилагая усилий. Гаспар хотел, чтобы о нём знали. Он ушёл в открытую мной дверь, но продолжал напоминать о себе. Отпустить его и вычеркнуть меня — это было одно и то же. Призрачная иллюзия свободы, за которой прячется ощущение нехватки чего-то. Жизнь может и становится спокойной, но почему-то вместо ожидаемого покоя — пустота.

Ветер ударил в окно, перебивая даже размытый шум от текущей из крана воды. Непогода все крепчала и крепчала, напоминая о своих правах.

Хотя Бьёрн и его коллеги были действительно уверены в своем превосходстве, я их настроение не разделяла. Теперь моя роль в ситуации была полностью исчерпана, и мне не оставалось ничего иного, как попробовать навсегда закрыть эту страницу. Да, как ни странно, но это казалось вполне логичным финалом. Слишком много людей и средств пущено по следу, и эта дикая охота должна завершиться вопреки желанию некоторых. Пора было думать о жизни после всего, о спокойной жизни, даже если она была просто эфемерным призраком, мыльным пузырем.

Я не стала предупреждать заранее Бьёрна, просто поставила его перед фактом. Сказала, что мой рейс послезавтра. Он не отговаривал меня, ведь в последнее время все его мысли были посвящены лишь операции по поимке Гаспара. Глядя на Гиса я иногда думала — не совершила ли ошибку, вытащив из старого трейлера и подтолкнув его к этой охоте?

Я пнула маленький камушек, а теперь тот несся вперед огромной лавиной, превращая самого Бьёрна в сосредоточие хаоса.

Парк Тернем-Грин был похож на тихую гавань. Темные стволы деревьев тянулись вверх, как мачты кораблей. Весь день шел дождь со снегом, и лишь к вечеру погода дала городу передышку. Где-то за пределами парка ездили машины и автобусы, шумели улицы, но здесь было тихо. Только подмерзшая земля, покрытая кашей из мокрого снега и голые деревья.

В центре парка находилась церковь, большое темное пятно на серо-белом фоне. На столбе возле края дорожки висела надпись, оповещающая о том, что гуляющие имеют честь ходить по земле, на которой когда-то гремела битва правительственных отрядов и повстанцев. Слабый ветер был достаточно промозглым и заставлял прятаться в теплый шарф, чтобы закрыться от сырости. Выпавший снег медленно таял, превращаясь в темную грязь. Она хлюпала под подошвами и покрывала все пространство парка.

Было пустынно, наверно никто в здравом уме не додумался бы в такую погоду слоняться по парку. Поэтому я могла блуждать сколько душе угодно и не встречать никого на аллеях. Мне хотелось побыть одной. Подышать воздухом города напоследок, чтобы хотя бы один вечер прошел так, будто я просто приехала сюда увидеть столицу гордого королевства как рядовой турист. И я бродила между деревьев, а над городом висели тяжелые облака, угрожающие новым потоком мокрого снега.

Стоящий рядом с церковью памятник павшим солдатам сливался с деревьями. Шесть ступеней, поднимающихся к мемориалу, были припорошены снегом. Казалось, что обелиск вырастает прямо из земли.

Я миновала и церковь, и памятник, когда краем глаза заметила движение. Кто-то выходил из тени на дорожку аллеи. Сказками о Потрошителе меня можно было уже не пугать, но всё равно хотелось избежать ненужных проблем.

Тусклый фонарь, на лампу для которого городской бюджет явно поскупился, с переменным успехом начинал разгонять вечерние сумерки. Именно его свет позволил мне

понять, что приближающийся по дорожке человек — Гаспар. Вряд ли это простое совпадение.

Он остановился, сохраняя между нами расстояние в несколько шагов. Темная куртка и достаточно глубокий капюшон позволяли ему скрывать лицо от зевак. Сейчас же он капюшон откинул с головы, открываясь свету фонаря.

— Здравствуй, Ван, — произнёс Гаспар. Интересно, знал ли он о том, что я выбралась в парк так, что за мной никто не проследил?

— Как твоё плечо? — Я не стала поддерживать его попытку начать вроде как нормальный диалог.

— Почти прошло, — Гаспар улыбнулся, тонкие лучи морщинок разбежались к вискам. Сколько бы я не знала о нём правды, какое дерьмо не творилось бы, но когда он улыбался, я всё никак не могла выкинуть из головы те вечера, когда наше общение было почти, что нормальным. Да, я скучала по Гаспару, так же чертовски остро, как и пыталась его выкинуть из своей жизни.

— Рада за тебя, — было совсем не сложно прятать разочарование и досаду на саму себя за равнодушием и грубостью.

— Тебе не стоит бродить по чужому городу одной.

Я задрала голову, прищурившись:

— Мне дает советы по безопасности психованный убийца?

Гаспар приподнял брови, демонстрируя неодобрение такому прозвищу.

— Я просто не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Тогда ты опоздал ровно до того дня, как очутился на моей дороге, — я видела, что такие мои слова не доставляют ему удовольствия, и продолжала произносить их — я уже сказала, что хочу никогда больше не сталкиваться с тобой. Так что тебе опять нужно?

Гаспар стоял, глядя на меня, и я злилась всё сильнее. Как же я ненавидела его за то, что он вывернул мою жизнь наизнанку, а я при этом не могла честно признаться в том, что нахожу в этом куда больше удовольствия, чем от тихого, размеренного прозябания.

— Ты так хотела избавиться от меня, но при этом вновь оказала помощь, — голос Гаспара звучал сдержанно и спокойно, — выходит, что я задолжал тебе извинение.

Настал мой черед вскинуть брови от настоящего удивления. Было странным слышать это от Гаспара, ведь он никогда не рассматривал ситуацию иначе, как с позиции пользы для себя.

— Я не хотел, чтобы ты видела мир таким, каким он показал себя. Но я не буду извиняться за то, что сделал в остальном.

— Ты убивал людей, — напомнила я скорее самой себе, чем ему. Я знала, что невозможно любить того, чьи руки в крови. Невозможно любить сумасшедшего.

Невозможно отрицать то, что любишь его.

— Да, — согласился Гаспар, — убивал. Тех двоих, которым было поручено сломать тебе все кости, если понадобится, чтобы ты подписала дарственную на дом. Твоего бывшего, который заказал твоё убийство и спал еще до свадьбы с твоей сестрой. Всех, кто был опасен для тебя. Мне перечислять дальше?

— Ты не боишься, что на мне сейчас записывающая аппаратура? — Такая откровенность Гаспара демонстрировала тот факт, что он снял все маски и идёт ва-банк.

— На тебе её нет, да и никогда не будет. Ты не любишь все эти штучки так же сильно, как и попытки ограничить твою свободу, — удовлетворенно заметил Гаспар. Боже, как же

злило то, что он знает меня лучше, чем я сама. Одного он не мог знать — один раз я таскала на себе маячок, который показывал Анне Тагамуто моё местоположение.

— Возвращайся к своему другу, Гаспар, — отозвалась я, — возможно, что его, как и доктора Андреа, устроит временное благополучие. А потом ты снова заскучаешь и сменишь свои развлечения. Для тебя люди вокруг — просто ходячие игрушки, которые имеют ценность до тех пор, пока ты не разберешь их по винтику. А потом выкинешь на помойку, в лучшем случае, или прикончишь, если они тебя разозлят.

На высоких скулах заходили желваки. Кажется, я задела его, но, вместе с этим, в глазах промелькнуло удовлетворение. Он понял, что мне не всё равно.

— Однажды я предложил тебе бросить всё и начать новую жизнь, — с неба медленно начал падать мокрый снег, и его тяжелые хлопья оседали на волосах и плечах Гаспара, — но ты всё время пытаешься смотреть на детали, избегаешь всей картины. Усложняешь жизнь, придумываешь новые стены вокруг себя. Ты ревнуешь меня, но отказываешься признавать то, что мы должны быть вместе.

— Что с тобой делали, Гас? — Перебила я, не желая слушать его чересчур точные описания своих мыслей, — били в приюте? Оскорбляли? Унижали? Сколько вас внутри тебя самого — двое? Трое? Один отвечает за твою темную сторону, второй — за светлую?

Гаспар начинал злиться. Только его злость была холодной и тихой, хорошо сдерживаемой. Лишь отблески пляшут в глазах, да губы сжались почти в одну линию.

— Ты провоцируешь меня и пытаешься разозлить. Хороший ход, но бесполезный.

— Я поняла. Ты потому не отпускаешь меня, что это дает тебе возможность ощутить себя целым. Живым и нужным.

Последнее слова повисло в затихшей аллее. Было уже слишком поздно испытывать страх — Рубикон пройден. С последней фразой я оставила бессмысленные попытки убежать от правды, всё это время терпеливо дожидавшейся меня.

Неожиданно Гаспар улыбнулся — почти нежно:

— Я никогда не принесу извинений за то, что произошло. Оно того стоило.

— Я не буду смотреть на мир твоими глазами, — у меня мерзли ноги, словно холод от земли полз вверх по костям.

— Мне не нужно это, просто без тебя меня нет.

Мокрый снег валил уже хлопьями, парк погружался в ночь. Мир жил своей жизнью и разваливался на части, этаким круговорот абсурда. Я видела в глазах Гаспара то, что мы никогда не произносили, но всегда признавали как должное. Дополнять друг друга, собирать разбитые куски одного и уравнивать другого. Только вдвоем мы составляем одно целое. Сейчас, снова ощущая тепло его рук, я понимала, что оказалась на своем месте. Там, где я в безопасности, где всегда будет мой дом.

Губы Гаспара были прохладными и твердыми, как мерзлая земля вокруг. Но поцелуй от этого не был холодным, напротив — растекался огнём по венам, как жидкое золото, шептал о том, как долго оно плавилось, ожидая своего часа.

Затем я ушла. Я знала, что, хоть сейчас Гаспар и не помешает мне уйти, он никогда меня не отпустит. То, что только что между нами произошло под холодным лондонским небом, требовало заключительной паузы, чтобы каждый из нас мог наконец-то достигнуть точки невозврата и принять её как должное.

Мы связаны, и эту связь невозможно никак и ничем разорвать — она всё равно приведет нас друг к другу.

В аэропорт я приехала заранее, за три часа до начала регистрации на рейс. Вокруг сновали люди, похожие на деловитых муравьев, толкающие свой багаж или тянущие за руку капризничаящих детей. Я сидела напротив большого табло с расписанием вылетов самолетов. А за окном была почти ясная погода, и в небольшие просветы облаков пробивалось слабое лондонское солнце.

На экране широкой плазмы, висящей справа на стене, крутились новости. Я отвлеклась от созерцания пассажиров и стала знакомиться с событиями, которые появлялись на экране. Из-за шума и приятного автоматического голоса, объявляющего посадки и регистрацию, было абсолютно ничего не слышно, и приходилось довольствоваться только изображениями.

Затылок закололо тонкими иглами напряжения, пружина, сворачивавшаяся столько времени, наконец-то развернулась с накопленной силой. Поэтому, к появившейся записи я была уже готова. Я знала, кого выводят и сажают в полицейскую машину, старательно закрывая от камеры. Гаспар сдался команде Гиса, прекращая ставшую теперь бессмысленной игру в прятки. Он сделал этот шаг, желая, что бы я узнала об этом, где бы не находилась, и поняла его послание.

Теперь на него повесят не только его убийства, но и всё то, что делала Анна Тагамуто, сделают тем самым маньяком, в поисках которого расшибались федералы.

Но разве он не являлся настоящим Художником, создавшим мозаику из разнообразных ситуаций, людей и их действий?

Мой самолет отрывал шасси от взлетной полосы.

Гаспара везли в тюрьму.

Глава 7

Интерлюдия

Это была случайная встреча. Вряд ли она даже помнит о ней.

Я в окружении таких же отъявленных негодяев, какими нас считают обитатели соседних домов. За то, что мы удрали из приюта, нас ожидает закономерное наказание. Воспитатель не скупится на силу при вколачивании послушания в ублюдков шлюх и наркоманок. Но сейчас совершенно не думается о том, как будут распухать и багроветь синяки. Если, конечно же, повезет только на синяках. Одному парню сломали руку, но он всё равно продолжать сбегать. Нас манила свобода, и за неё можно было заплатить цену в виде воспитательных избиений.

Она кружила по небольшой дорожке перед темной машиной, припаркованной возле дома напротив — невысокая, беспокойная как ртуть, с пушистыми волосами по плечи. Из дома вышла достаточно молодая женщина в светлом костюме — подобные строгие и изящные вещи не носили простые женщины. Я видел однажды по новостям английскую королеву, и эта женщина была одета почти как королева.

Рядом с ней вышагивала маленькая девочка, чуть старше меня или же моя ровесница. Такие девочки похожи на невероятных, идеальных во всем кукол, которые вежливо улыбаются несовершенному миру, но не соприкасаются с ним, чтобы его пыль не оседала на их золотых локонах и светлых туфлях. Она составляла резкий контраст с той, что мерила шагами территорию перед машиной. Я не мог не видеть, как в сдержанном взгляде куколки, брошенной на сестру, читается явное раздражение и неодобрение. Еще бы, ведь она была похожа на встрепанную птицу, которую поймали, засунули в маленькое подобие взрослого платья и заставили проводить время так, как она явно не хотела проводить теплый, летний день.

Мать девочек, (а я был уверен, что это их мать) не разделяла неодобрения младшей дочери. Но когда она что-то сказала старшей, это явно было порицанием. Мне не нужно было быть рядом, чтобы понять это. Слишком часто с таким же лицом обращались к моим соседям по комнате, или на занятиях, когда в классе царила неразбериха. Затем, из дома вышел мужчина, в окружении хозяев. Попрощался и направился вниз. Он был одинаково ласков с обеими дочерьми, потрепал младшую по голове, заставив покраснеть от возмущения, что теперь её прическа подпорчена большой отцовской ладонью. Понимающе положил руку на маленькое плечо старшей. Затем открыл дверь, ожидая, что дети заберутся на заднее сидение. Было ясно, что это состоятельная семья, посетившая с визитом людей в желтом, как лимон, доме, скорее похожем на миниатюрный дворец. Этот дом служил украшением улицы, и наш небольшой особняк всегда терялся на его фоне.

Мне было не так много лет, но я уже знаю — как выглядят люди, когда они несчастны. И мне не составляет труда понять, что смешная девочка, вынужденная играть роль учтивой и изящной куклы, с которой так хорошо справлялась её сестра, так вот, эта хмурая девочка на самом деле несчастна, как птица в клетке. Если я всеми силами хотел бы покинуть приют, хотел свободы и невероятных возможностей, прячущихся за его стенами, то и она хочет свободы от своей невероятно скованной условностями и состоянием жизни.

В то время как мои соседи начали опробовать то, что мог дать мир для развлечения и

отдыха, начиная с сигарет, выпивки и заканчивая забористым косячком и горячими девчонками, не по возрасту активными с парнями, я уже знал каковы мои цели в жизни. Я не страдал фанатизмом, но искал всё, что может дать мне выход на свободу. Для того, чтобы получить желаемое, нужно хорошо потрудиться, так говорил наш священник, усыновивший меня позже. Я был благодарен ему за то, что он помог мне вырваться из этого проклятого приюта, ада на земле, как мне казалось. Ведь там царили насилие, насилие и безвыходность — тупик для тех, кто не смог пережить издевательства старших, воспитателей и сломался.

Я трудился, зная, что пот и страдания сейчас — это вклад в будущее. Я солгал бы, если бы сказал, что каждую минуту вспоминал девочку, встреченную мной несколько лет назад. Не вспоминал, но всегда помнил, как одно из светлых воспоминаний за эти годы. Тогда оказалось бы сложно объяснить — чем она так запала мне в душу. Но я был еще слишком мал, чтобы задаваться этим вопросом. Просто так легче было не вспоминать о боли и унижениях, щедро отсыпавшихся на долю каждого из нас.

Я хорошо помню тот ноябрьский день. Мне нужно было подготовиться доклад по истории, и я воспользовался компьютером в библиотеке святого отца. Как обычно бывает в таких случаях, я начал искать материал, а уже позже просто щелкал мышью и листал всевозможные страницы. Её лицо невозможно было не узнать, несмотря даже на то, что прошло столько времени, и это была уже молодая девушка, а не неуклюжий подросток. Фотография на странице местных новостей графства сообщала о каком-то мероприятии, в котором приняли участие студенты колледжа. Я сидел и смотрел на ее лицо, совершенно кардинально отличающееся от всех тех, кто окружал ее на снимке. Она была по-прежнему похожа на перелетную птицу, случайно залетевшую на птичий двор зоопарка, и теперь ей не дают выбраться на волю. Да вдобавок тыкают пальцами зеваки.

И я снова видел на дне её глаз тоску, и от этого мне становилось больно где-то глубоко в груди.

Она приехала со своим женихом на встречу со старшими партнерами фирмы, в которой я стажировался после окончания университета. Было сложно не замечать того почти пренебрежения, с которым относился к ней этот мужчина, красивый и при этом — холодный и скользкий, как змея. Он замечал ее не больше, чем стул, стоящий возле окна. А она слушала разговор, который вели старшие партнеры и ее жених, и улыбалась — так, как должна улыбаться воспитанная женщина, даже если ей скучно или неприятно. Я смотрел прямо на неё, на убранные в аккуратный хвост волосы, на напряженную линию спины. И мне хотелось, чтобы она сняла заколку, позволив волнистым, непослушными волосам лежать так, как им вздумается. Хотелось провести рукой по слишком прямой спине, заставляя эту ненастоящую линию исчезнуть, уступив место мягким изгибам. Господи, я просто не мог понять, как можно не обращать на нее внимания так, как это делал её напыщенный жених. Я просто взял бы её за руку, увел бы прочь. А затем, держа обеими ладонями её лицо, сказал бы, что этот мир принадлежит только ей. И никто, никто не вправе держать её в этих проклятых рамках.

Той ночью я лежал без сна, просто глядя вверх, в темный потолок. Как-то незаметно вышло, что я уже не смог бы сказать — был ли хотя бы один день, когда я не думал о ней. Нет, таких дней не было. И я тогда часто думал, что если бы мне предложили в виде чуда свою собственную семью, я бы выбрал только её, эту девушку из параллельного мира. Чтобы у меня была возможность делить с ней её заботы и защищать о всего, что может сделать её уязвимой. Когда я только поступил в университет, то смотрел на своих одноклассников и

порой с содроганием думал — не дай, боже, что с ней может кто-то вести себя так же фривольно и нагло, как вели себя молодые люди со своими знакомыми девушками. Одна эта мысль вызывала невообразимое отвращение.

И в тот вечер мне подумалось — а был ли вообще смысл в этом моём многолетнем союзе с призраком? Я жил двумя жизнями — в одной проживая дни обычного человека, а в другом — старательно храня образ близкой незнакомки.

Я никогда не был скромным и невинным созданием, я был человеком, мужчиной из плоти и крови. И до этого дня, и после него я встречался с женщинами; видел, как мне улыбаются некоторые мужчины. Я жил полной жизнью, подразумевая под её полнотой хорошее вино, красивых девушек, отдых в разнообразных местах мира и успех, гарантирующий мне хорошую карьеру.

Я смог вырваться на свободу.

Но тогда, глядя на неё в светло-бежевом платье с кружевным воротником, прикрывающим грудь и шею, я понял, что никогда не был на самом деле свободен. И, может, если бы я взял и подошел к ней, представившись и заведя самый пустяковый разговор, всё было бы иначе. Но, скорее всего, она была с тем, кто подходил ей, её семье и однозначно был той кандидатурой, которую её общество принимало без всяких возражений.

Да, на утро я сказал себе, что всё закончено.

Говорят, что если чего-то очень сильно хочешь, то получаешь это в тот момент, когда ждешь меньше всего. Наверно, так должно было случиться, так было спланировано с самого начала, и я просто следовал голосу своей судьбы, когда решил, что хочу пройтись теми же дорогами, что и она, увидеть место, где она живет.

Но всё же я не стал кривить душой, когда стал работать в местном департаменте строительства, после того, как узнал, что она переехала в этот же город. Я знал, что теперь у меня есть то, чего не было раньше, у меня было положение и свобода. И я мог пользоваться ими. Например, для того, чтобы помочь ей, если наступит такой день, когда она будет нуждаться в помощи друга. Или чтобы узнавать то, что сочту нужным для того, чтобы наблюдать издалека.

Но вышло так, что сперва она оказала помощь мне, когда судьба столкнула нас наконец лицом к лицу — меня, избитого местными торчками, и её, спрашивающую меня, не вызвать ли ей медиков. Я знал, что не стоит пренебрегать осторожностью, но если бы мне сказали, что для нашей встречи мне придется сломать все кости, я не раздумывал бы. Она стоила этого. А мои кости прекрасно справлялись с переломами уже много лет.

Дом, в котором она жила, одна — к моей неожиданной радости, был полон убаюкивающей тишины. И мне казалось, что я мог бы тут оставаться вечно. Я не скрывал от себя удовлетворения, что неприятный, самовлюбленный жених, а потом и муж, наконец, разошелся с ней. Это было несправедливо с одной стороны — радоваться их разрыву. А с другой стороны я, наконец, видел, как с нее медленно спадают все эти цепи прошлого. Не знаю, возможно, я хотел для неё свободы, но в то же время не собирался отпустить от себя. Мне всегда казалось, что мы крепко связаны, соединены, даже если не подозреваем об этом. Наши дороги всегда шли рядом.

Было приятно наводить порядок, заниматься какими-то пустяковыми делами, требующими мужских рук. Кто-нибудь назвал бы это просто извечным комплексом приютского парня — искать место, где повеет теплом. Но это было не так. Всё дело было только в ней. В её быстрых движениях, за которыми пряталось смущение. В её

настороженности, которую я понимал, но под которой пряталось желание найти такое же тепло и отдушину. Каждая встреча, каждый вечер, проведенный с ней, был невозможно теплым и невероятно болезненным. Она была настолько настоящей, а не просто плодом воображения и нескольких воспоминаний, что иногда становилось больно дышать при виде улыбки, с которой она встречала меня.

Не раз и не два приходили ко мне мысли о том, что своё будущее я вижу только с ней. Но размышлять об этом, а уж тем более — говорить с ней, было слишком рано. И я молчал, молчал до тех пор, пока не понял, что она снова собирается уйти.

Эти невероятные, непонятные женщины с их логикой! Они так легко поддаются силе привычки, что могут закрыть глаза на то, что так очевидно со стороны. Готовы простить пренебрежение, унижение — всё, словно они слепые или святые.

Было ли в моей жизни ещё такое разочарование, переходящее в неопишное бешенство — не уверен. Однако, в тот момент, когда я догадался, что её блудный бывший муж вновь пытается вернуться, и она колеблется, раздумывая над тем — дать ли ему шанс, я был готов абсолютно на всё.

Начались ужасные дни неопределенности, в которые я не мог рассказать ей свои планы на то будущее, которое мы могли бы построить. А она не знала — поддаться ли на силу привычки к человеку, с которым встречалась и жила несколько лет. Или же отказаться от него. Не без тени удовлетворения я отмечал, что ей необходимо моё присутствие, наши вечерние посиделки, разговоры ни о чем и обо всём одновременно. Я так долго шел к этому, что не мог заставить себя ускорить события.

А затем всё начало развиваться так невероятно, что ни остановить, ни предотвратить происходящее было вне наших возможностей.

Город захлестнули смерти. Это было похоже на то, что кто-то, безуспешно борющийся с собственными демонами, уступил их голосам и выплеснул тщательно сдерживаемую до сих пор необходимость убивать. Судя по тому, как часто происходили убийства, этот одержимый хотел накормить свою темную сторону, а потом спрятать снова на некоторое время. Меня на тот момент мало всё это волновало, мои собственные демоны всегда жили на коротком поводке. Голова была занята ей и работой, отнимающей всё больше времени. Я видел, что мне не разорваться, пытаюсь удержать её и справиться с тем грузом обязанностей и дел, которые всегда обрушиваются на того, чья карьера идет в гору.

Вскоре я понял, что она встречалась несколько раз со своим бывшим. Мне всегда удавалось контролировать эмоции, хотя я хорошо знал, что они во мне часто доминируют над логикой. Но в этот раз я сорвался и оказался на одной из частных вечеринок. Там мне встретила Андреа, врач, специализирующийся на реабилитации.

Андреа прекрасно понимала, что между нами нет ничего серьезного. Ее это устраивало, а мне не приходилось иметь дела с женскими попытками затянуть меня в ненужные отношения.

Как то поздним вечером, Андреа смотрела на то, как я открываю бутылку и разливаю старое вино по высоким бокалам. Затем, с обычной для нее, мягкой и в то же время чересчур твердой интонацией, спросила:

— Она бросила тебя?

Я протянул один бокал ей. Взял свой, сделал глоток, и только затем поинтересовался:

— Что ты имеешь в виду?

Андреа улыбнулась мне, и в её улыбке светилось понимание.

— Поверь, невозможно обмануть женщину, особенно в постели. Ты восхитительный любовник, но для тебя есть какая-то другая женщина, которой ты заинтересован, но не позволяешь себе быть с ней ближе. Или же она отказала тебе, и ты безуспешно пытаешься доказать себе, что можешь вычеркнуть её из своей жизни. Между нами всегда есть третий, тот, о ком ты думаешь даже тогда, когда мужчине не полагается думать.

Я смотрел на Андреа, не видя смысла прятать от нее взгляд. Она была права, и мы оба знали это.

— Я волнуюсь о ней, — еще один глоток. Дорогое вино уже не казалось мне таким восхитительным. Андреа слегка покачала головой.

— Как давно, Гаспар?

Вино превратилось в безвкусную жидкость, и я отставил бокал.

— Слишком давно.

— Тогда ты должен решить для себя — хочешь ли оставить её в прошлом или пытаешься оправдать нашими встречами свои эмоции, — Андреа выглядела слишком красиво со своей внешностью, в которой смешивались и пряные мотивы далеких саванн, и манеры элитной школы для молодых леди. Она была проницательна, и я знал, что мы с ней никогда не могли быть кем-то больше, чем просто хорошие друзья. Но в такие моменты, как сейчас, мне не хотелось, чтобы её черные глаза, полные острого ума, заглядывали слишком глубоко. В то же время, этот совет Андреа прозвучал как нельзя кстати, чтобы сдвинуть меня с мертвой точки.

Решив для себя, что будет честнее просто перестать встречаться с Андреа ради проведенных вместе ночей, утром я отправился на очередное деловое собрание в комитете градостроения. Город рассматривал предложение о постройке сети торговых центров и супермаркетов. Я не видел в этой идее ничего хорошего, о чем и сказал своему начальнику. Компания, внесшая предложение, не казалась надежной, а её финансовое состояние было больше похоже на мыльный пузырь. Об этом я сообщил еще накануне, а сегодня просто собирался наблюдать за ходом обсуждения. Я просто делал свою работу.

Возле широкого зеркала, украшавшего стену комнаты для джентльменов, стоял мужчина. Я подошел к светлой раковине, включая воду и ощущая, как приятный холод распространяется от рук вверх по телу. Стояли жаркие дни, и иногда было практически невозможно дышать в деловом костюме. Мужчина поправлял галстук, явно нервничая, и это выдавали его суетливые движения.

Я поднял глаза в отражение и неожиданно понял, что это — её бывший муж. Он выглядел так, словно спрыгнул с обложки журнала или рекламного щита. Есть такой тип людей, которые рождаются победителями по жизни, и все вокруг уверены, что перед ними — второй Александр Македонский или Уинстон Черчилль. Но судя по тому, как его руки поправляли ленту галстука, словно не могли придать ей нужное положение, сейчас он был явно не в выигрышном положении.

Мужчина заметил мой взгляд и улыбнулся. Улыбка вышла кривой, и его идеальное лицо показалось мне уже не таким совершенным. Словно дрогнул умело наложенный грим, и под ним проступило неуверенное и раздраженное выражение.

— Тяжелый денек, — ему явно хотелось поговорить. Я сперва подумал, что не стану отвечать. Мне было сложно продолжать разговор с тем, кто стоял между ней и мной. Затем, мне пришла мысль, что так я смогу узнать о нем больше. Понять — почему она решила выйти за него. И почему он сейчас вновь пытается вернуться.

— Да, непростой день, — всё, что требовалось от меня, это просто поддакивать. Мужчина дернул снова галстук.

— Вечно эти проблемы приходят неожиданно и сразу, — он натянуто рассмеялся, так, что сразу стало понятно — ему абсолютно не весело, — Не знаю, когда всё складывается не так, как планируешь, хочется просто сорваться. Особенно, когда в этом виноваты безмозглые бабы, — красивые голубые глаза в обрамлении светлых ресниц повернулись ко мне.

Я вытер руки бумажным полотенцем. Идея поговорить с бывшим мужем Иваны была совершенно не удачной, и во мне оставалось всё меньше и меньше спокойствия и благоразумия.

— Все проблемы решаются очень просто. Надо всего лишь сделать выбор, пускай он и кажется абсурдным, — я смял бумажное полотенце, зашвырнул его в корзину, как мяч, и вышел.

Человек даже не успел осознать того, что он умер, и после смерти в его глазах всё еще стояло выражение недоумения. Второй разрушил этот вневременной пузырь, выйдя из помещения и подойдя к напарнику. Я стрелял, зная, что этого, второго не так-то просто убить. Слишком уж он был массивный, и пули словно застревали в его мышцах. Третий или четвертый выстрел попал в цель, и он завалился набок. Где-то там, в глубине строения была она. И, когда я, приложив достаточно усилий, вытащил тела и сбросил во что-то вроде старого колодца, наступил самый ужасный момент. Я был весь в крови. Темная ткань куртки скрадывала её брызги, но тяжелый запах смерти ничто не могло скрыть.

Ровно четыре дня я искал её. И, если бы не старый долг одного из нужных мне людей, возможно, я так бы и не смог бы найти место, в котором её держали. Было слишком сложно оставаться неподалеку и наблюдать за двумя огромными вышибалами, которым обычно поручали вытрясти из должников деньги, а заодно и дух, если те были несговорчивыми. Ждать — и думать, что уже слишком поздно, что она может быть уже мертва — это было похоже на медленный огонь, от которого пузырится и плавится кожа, разрывая мозг болью.

Теперь, когда всё было позади, когда я слышал её дыхание, ноги словно приросли к грубому деревянному полу. Ни шагу вперед, к шаткой перегородке. С куртки медленно капала чужая кровь, и я боялся сдвинуться с места, боялся, что она увидит меня. Она не готова была принять меня таким. Ей показалось бы диким то, что было для меня привычно и рационально.

Чем ближе я становился к ней, тем дальше она уходила. Я видел это в её глазах, слышал в тоне голоса. Она оказалась пронизательней, чем Андреа, чтобы позволить появиться подозрениям. И мне было интересно — может ли она так же хорошо видеть мои поступки, как я мог предугадать её. Я знал, что теперь поселился в её голове, всецело занимая мысли, и это доставляло мне удовольствие, похоже на то, что получаешь, приблизившись к заветной цели. Мы оба падали всё ниже и ниже в попытках узнать правду друг о друге, и чем мрачнее было воображаемое дно пропасти, тем сильнее становилась наша связь. Я не мог отрицать того, что большинство моих поступков были провокацией, попыткой выманить её из того убежища, в котором она прятала свои грани личности.

Ровно через четыре дня в дверь моей квартиры позвонили. На пороге стоял немолодой мужчина, и его кожа была выдублена погодой и годами, отчего казалось, что он похож на корявое, но сильное и устойчивое дерево. Он оглядел меня, не выказывая ни малейшего неодобрения тому беспорядку, который царил сейчас в квартире. На секунду мне показалось,

что в его взгляде промелькнуло одобрение, будто он был очень доволен тем, что видит перед собой. Затем незнакомец улыбнулся, тонко прищулив глаза с тяжелыми, нависающими веками.

— Полагаю, что нам стоит с Вами побеседовать, — заявил он, — меня зовут Саул, и я знаю о том, что Вы сделали в некоем старом сарае.

Каждый из нас однажды заключает сделку с дьяволом. Вопрос только в том, находится ли он в этот момент перед тобой, или же он внутри тебя, и всё происходящее — это его гротескный спектакль. Как бы там не было, ты произносишь кодовое слово, и позади тебя захлопываются двери. На невидимый договор опускается такая же призрачная печать. Сделано.

Саул считал, что сейчас роль дьявола принадлежит ему.

— Вы считаете свои действия обращением к некоему адресату, — Саул стряхнул пепел с толстой сигары, — но пока он не отвечает Вам, не так ли? Я улыбнулся, восхищаясь тем, как спокойно этот старый шпион сего смотрит мне в глаза. Не вопит, что я арестован, и не пытается забраться мне в голову, чтобы понять ход моих мыслей.

— Я всегда находил очаровательным старомодную манеру отправлять открытки. Мне кажется, лет пятьдесят назад люди жили более ярко.

Саул кивнул, соглашаясь.

— Не могу понять, что удерживает Вас от более широкого размаха, — красные искры пробежали по его сигаре.

За окном раздался чей-то громкий смех. Затем завизжали колеса тормозящей машины, и снова наступила тишина.

— Но должен сказать, что в этом городе уже есть кое-кто, оставляющий свои открытки.

— Очень неприятно, — я пожал плечами, — этому неизвестному явно хочется, чтобы на него обратили внимание.

Саул поднял на меня свои глаза цвета поблекшей смолы с зеленоватыми разводами вокруг зрачков, и я знал, что он думает. "Как и ты". Но он был в корне не прав. Я не нуждался во внимании миллионного города. Мне не нужно было, в отличие от того одержимого, кормить своих демонов, чтобы они не начали есть меня. Когда ты берешь под контроль всё, что прячется в тебе, управляешь всем разумно и позволяешь себе не притворяться, ты становишься независимым. Теперь ты стоишь на вершине пирамиды власти, а не твои тайные желания.

— Так какую цель Вы преследуете в нашей беседе? — Наконец поинтересовался я, решив, что не стоит тратить зря время, если мой собеседник видит слишком хорошо и четко вещи, которые не замечали другие. Саул затушил остаток своей сигары, и улыбка на его лице приняла совершенно безмятежный вид.

— Я хотел попросить Вас помочь мне поймать этого малого.

Стараясь скрыть свой интерес и некоторое недоверие к такому предложению, я перевернул песочные часы, заставляя их содержимое высыпаться тонкой струйкой в нижнюю часть колбы.

— Я не специалист по поимке таких личностей, — глядя на золотистый песок, похожий на змеиную шкуру, я раздумывал над этим предложением. Саул не изменил положения, продолжая спокойно сидеть на своем месте.

— Мы оба хорошо знаем, что ни уговаривать Вас, ни угрожать я не буду. Вы преследуете свою цель, и я не встану у Вас на дороге. Единственное, что я хочу, так это получить Вашу

помощь.

"Потому, что Вы — такой же, как он. Вы оба убивали".

Сидящий передо мной мужчина, кем бы он ни был, он не мог знать, что меня не преследуют ночами лица тех, кого я оставил превращаться в холодный прах. Они были безликими тенями, но я помнил каждое имя. И каждый из них имел определенную причину оказаться на моей дороге в неподходящий для него час. И если я знал, что это стоит того, то убивал. Поэтому я решил, что готов согласиться на предложение Саула. Более того, я подумал, что он мне нравится своим цинично-философским взглядом на происходящее.

— Хорошо, попробую помочь, — песок почти вытек из верхней части хрупких часов. Время сомневаться закончилось.

Иногда наше общение с Ней подходило к краю, за которым неизбежно маячила необходимость принять определенное решение. Я был готов ко всему — даже если придется бросить всё и оказаться на другом краю земли, другим человеком, начинать всё с начала. Но она не была готова и не хотела перемен. Я неожиданно подумал — что если в один прекрасный день она подойдет совсем близко, заглянет за край и, испугавшись, уйдет? Смогу ли я позволить ей узнать так много и дать уйти от меня?

Между ней и Андреа есть большая разница. Если Андреа не тратила своих усилий на то, что казалось ей слишком нерациональным и лишенным значимости, то она оставалась исследователем. Тем, кто пойдет до конца, желая увидеть причину происходящего, истоки всей истории, и заглянуть так глубоко, как только сможет. Она не ставила материальную сторону жизни выше своих стремлений вырваться за пределы возможного. Тогда, как Андреа жила в границах, за которые она никогда не выйдет, не смотря на её тонкий ум, позволяющий гораздо больше, чем она делала. И потому, я знал, что с самого начала не ошибся в своем выборе, и она оставалась тем, кто стоил затраченных усилий. Это было понятно мне на том уровне, на котором не нужно слов и рассуждений.

Именно поэтому, обдумывая слова Саула, я размышлял — как можно использовать его помощь на пользу ей и мне, нашим отношениям.

— Возможно, однажды, мой мальчик, Вам пригодится моя помощь, — произнес Саул, поднимаясь со светлого плетеного стула.

— Не сомневаюсь в этом, — я улыбнулся своему гостю.

Помощь Саула вытащила меня из той ловушки, в которую мы с Ивановой так необдуманно попались. Белые стены, высокие потолки. Монотонный мерзкий писк приборов. Позади осталась кровь на блеклом снегу, много крови. Люди в черном камуфляже, огни машин, расплывчатые пятна лиц врачей. Я проваливался в черноту и возвращался вновь, видя вновь и вновь, как Ивана убегает прочь, бросая позади раскрывшуюся правду о настоящей Анне Тагамуто. Бросая позади меня.

Голос Саула раздавался где-то рядом в черноте, говорил, что теперь я в надежных руках. Что-то ещё он говорил о том, что я наконец-то вернулся обратно, но слова его сливались вместе, и смысл их ускользал.

Я знал, что выживу, но так же знал, что ничто больше не будет как прежде. Операционная лампа растекалась светлым пятном, и этот свет медленно начинал тускнеть. Голоса врачей затихали где-то очень далеко. Фигура убегавшей Ивановы была единственным, что оставалось осознанным и цветным видением, и боль от него была сильнее, чем нытье послеоперационных швов.

Саул стоял рядом, наблюдая за происходящим, даже в накинутом поверх серого

костюма халате он был чужой в этой стерильно белоснежной операционной. Выражение лица Саула говорило, что он доволен всем и не испытывает беспокойства. Это было пугающим, как и то, что только теперь я понял, что этот пожилой мужчина похож со мной внешне. В жизни бывают всякие нелепые совпадения, но теперь я внезапно прозрел, глядя в его глаза и видя там самое неподдельное беспокойство. И это откровение не стало приятным.

Я не нуждался в отце, который спустя годы решил придти за мной.

Я попытался закричать, но наркотики уже забрали себе моё тело. Если бы я мог шевелиться, то попытался бы сбежать как можно дальше от человека, который позволил мне оказаться в преисподней и не вспоминал обо мне, не искал меня всё это время.

Он подошел, пользуясь тем, что врачи готовились к операции и сказал, наклонившись надо мной и стянув с лица маску, чтобы я мог видеть его лицо:

— Ты в надежных руках.

"У меня другой путь", подумал я, проваливаясь в густую черноту.

Туманы всегда окутывают улицы столицы этого огромного острова. Неважно — тепло или холодно, но туманы всегда живут здесь вечно. Кто знает, может они обладают колдовскими способностями переносить людей или прятать местных монстров, которые время от времени всеми силами напоминают о себе горожанам.

Недостаток света на улице с избытком компенсировался яркими лампами. Комнаты квартиры, расположенной в пентхаусе, были отделаны в светлых тонах. И это придавало им удвоенное количество света и пространства. Сегодня здесь было достаточно людей, не замечающих того, как туман за окном проползает тяжелыми кольцами и мечтает проникнуть внутрь.

— Ты умеешь развлечь людей, Ги.

Голос молодого человека был полон нетрезвого веселья. Он держал в руке бокал и явно уже набрался достаточно — ярко блестящие глаза и оживленная речь говорили сами за себя. Я улыбнулся, демонстрируя удовольствие от похвалы.

— Это было удачным стечением обстоятельств, Эдуард. Не просто собрать вместе людей, которые всегда хотят утопить друг друга в своих же бокалах.

Мужчина расхохотался. Белоснежные зубы блеснули, ловя свет ламп. Прекратив смеяться, Эдуард отсалютовал бокалом.

— Боже, с нашей первой встречи прошло достаточно времени, а я все никак не могу поверить, что ты умеешь так беспощадно и зло говорить о людях, которые в тебе души не чают.

Я улыбнулся, покачивая головой и демонстрируя, что Эдуард заблуждается.

— Ты слишком преувеличиваешь, — заметил я. Эдуард прищурил глаза:

— Я психолог, мой дорогой, и я редко заблуждаюсь. Даже при всём том, что только благодаря моему отцу меня не выкинули за все мои проделки из университета и дали диплом.

Несмотря на его бурное студенческое прошлое, он был слишком умен, почти что гениален. При этом Эдуард был почти не способен скрывать своих мыслей и чувств, оставаясь человеком с душой нараспашку. И это импонировало мне с момента нашей первой встречи, которая произошла случайно, в парке, где я гулял каждый день, а Эдуард любил заниматься пробежкой. И это оказалось как нельзя кстати — завести знакомство с одним из

золотых людей столицы оказалось удачным совпадением, которое помогло мне освоиться в новом месте. На редкость проницательный человек, Эд часто замечал то, что другие не видели в упор. И я иногда задумывался — когда он доберется до истины, что я — ни секунды не тот, за кого себя выдаю в новом месте своей жизни, что будет тогда?

Эдуард внезапно стал серьезным, словно его беззаботный вид выключили, нажав на какую-то кнопку.

— Послушай, — он осторожно положил свою руку с ухоженными ногтями на моё плечо, — ты знаешь — как я к тебе отношусь.

Да, это я знал.

— Я мог бы сделать для тебя гораздо больше, чем просто пить на твоих вечеринках и отвлекать от работы, — у Эдуарда были длинные ресницы и лицо модели с глянцевого разворота. Женщины наверно были готовы устроить небольшую войну ради этих ресниц и его огромного наследства.

— Дружба — это одно из самого ценного, что может быть в нашем продаваемом и покупаемом мире, — произнёс я почти шутливо. Год назад эти слова причиняли бы мне ужасное ощущение неудовлетворенной жажды мести. Вызывали бы острое желание крушить всё, думая о том, что осталось позади. Но сейчас прошлое выглядело слишком дряхлым и призрачным, воспоминания причиняли боль, но я уже смог затушить её, спрятать как можно глубже.

Мстить кому? Самому себе за бессмысленную любовь?

Эдуард вспыхнул, светлая кожа пошла нервными красными пятнами:

— Ты прекрасно знаешь — что я имею ввиду! Я знаю, что ты не тот, кто будет строить из себя монаха-праведника. Но, нет же, ты всё никак не можешь покончить со своей привязанностью, хотя и пытаешься изобразить свободу от любых обязательств.

— Ты просто пьян, Эд, — я убрал руку Эдуарда, но остался стоять на том же месте, не обращая внимания на то, что он стоит чересчур близко и нарушает моё личное пространство.

— Ты любишь её. С твоими мозгами, с твоим умением находить золотые жилы это верх глупости — лелеять мысли о какой-то девке, — Эдуард выглядел так, будто готов в любой момент броситься в драку.

— Осторожнее, Эдуард, — предупредил я его. Если в нём осталась хоть капля ума, он не продолжит дальше. Но, очевидно, алкоголя в его голове было гораздо больше.

— Судя по тому, как эта тема тебя задевает, она явно лежит за пределами дозволенного. Кого ты хочешь трахнуть, но никак не можешь? — сейчас в каждой черточке красивого лица полыхала неприкрытая ярость и разочарование.

За стеной шумела музыка. В комнату заглянула одна из женщин, явно привлеченная относительной пустотой помещения. Увидев Эдуарда, она встрепенулась и подлетела к нему, обвиняясь вокруг мужчины, как боа-душителю. Ещё одна охотница за богатым мужем.

— Желая хорошо закончить вечер, — я подмигнул им обоим, — надеюсь, что Вы приглядите за ним.

Кинув уничтожающий взгляд в мою сторону, Эдуард позволил девушке увести себя. Я остался один.

Год назад я сказал бы, не сомневаясь — женщина, которой я заинтересован настолько, что готов на всё, эта женщина стоит того, чтобы убивать. Сейчас я думал, что эта женщина сумела разбить мне сердце. Она забрала меня из тьмы на свет, а потом заставила меня испытывать разочарование и боль, которые всё никак не проходили и продолжали

ворочаться внутри клубком острых ножей-противоречий. Я не мог быть с ней, но существование без неё было всего лишь иллюзией жизни.

И это было ужасно.

Глава 8

«CBSNews»

Наконец-то, после почти трех лет долгой и кропотливой работы, органы правопорядка смогли найти серийного убийцу, известного как Художник. Мы следим за развитием новостей.

«*** TV Channel»

На прошлой неделе была проведена экстрадиция убийцы, приводившего в ужас жителей города N.. В данный момент он находится в следственном изоляторе окружной тюрьмы Рикер-Айленд. Мэр города возложил цветы на могилу агента Тагамуто, погибшего при попытке задержания преступника в 20** году.

Интервью Сары Никитич с доктором психиатрии Ровеной Алишер:

С.: — Как Вы считаете, удастся ли в таком громком деле стороне защиты доказать факт невменяемости их клиента?

Др. Алишер: — Я не располагаю данными психиатрической экспертизы, но могу лишь сказать, что мы имеем дело с определенным типом преступника, который может обойти моих коллег.

С.: — То есть, имеются обходные лазейки...

Др. Алишер: — Да, насколько мне известно, с подобными лицами случаются такие прецеденты, когда им удается оказаться в больницах для принудительного лечения преступников.

С.: — Повлияет ли на присяжных, по Вашему мнению, история его жизни? Ведь, как стало известно общественности, в юном возрасте Художник подвергался разнообразным видам насилия и жестокому обращению в приюте.

Др. Алишер: — Мне сложно отвечать так категорично за настроение присяжных, но я абсолютно уверена, что в первую очередь гражданский долг каждого из нас — думать о том, что приносят действия любого человека обществу. Тут мы видим абсолютную опасность и непредсказуемость.

С.: — Значит, контролировать таких людей нельзя?

Др. Алишер: — У них имеется что-то вроде триггера, спускового крючка, который возвращает темную сторону обратно. Вполне возможно, что раннее лечение у специалистов остановило бы формирование преступного образа мышления. Нам не известен его триггер, а значит, мы не можем контролировать момент переключения его сторон. В поступках Художника можно отметить наслаждение, удовольствие от содеянного. Очевидно, что тут упущено время для исправления психологических искажений личности. Для того, что бы понять, что им руководит, нужно много времени на изучение...

С.: — ...если он окажется в больнице для душевнобольных.

Др. Алишер: — Да. В этом случае. А если его признают вменяемым, то изучать останки преступника будет явно бессмысленным занятием. Мы должны всегда помнить о том, что каждое действие имеет так же под собой основу в виде выбора. Сознательный выбор асоциального поведения и насилия — это факт, забывать о котором нельзя.

«Today News»:

Первое слушание по делу Художника проходит сегодня, ** февраля 20** года.

К сожалению, оно закрыто для представителей прессы, и мы не можем подробно осветить весь процесс происходящего в здании суда. Возле него собралась огромная толпа, некоторые держат в руках плакаты с агрессивными требованиями смерти преступнику, обвиняемому в более, чем пяти убийствах. Люди хотят спать спокойно, зная, что насилие обуздано. Я думаю, что с их настроением вполне можно согласиться.

Обвиняемого привозят под конвоем и усиленной охраной полиции, такие меры предосторожности оправданы вдвойне. Без охраны толпа вполне пойдет на линчевание, и как вариант — преступник может предпринять попытку сбежать. Наше общество прекрасно помнит подобные случаи.

Нам удастся заснять момент, когда Художника выводят из автомобиля, несмотря на плотно окружающую его цепь агентов. Кажется, что этот человек явно выглядит неплохо для того, чтобы остаться в памяти как вполне симпатичный гражданин, оказавшийся серийным убийцей.

Наш источник в суде согласился сообщить некоторые детали происходящего. Прямо сейчас прокурор произносит обвинительную речь, предваряющую слушание. Перечисление содеянного Художником, кажется, производит должное впечатление на суд.

Мы продолжим держать вас в курсе новостей, а пока прерываемся на небольшую рекламу. Оставайтесь с нами на канале «Today News»!

Николай Л., эксклюзив для Today News:

... Прямо сейчас проходит слушание по делу серийного маньяка Художника, обвиняемого в ряде жестоких преступлений. Мне удалось проникнуть в зал суда, и, пока имеется такая возможность, я знакомлю вас с происходящим.

Прямо сейчас вызывается первый свидетель со стороны обвинения, старший агент Бьёрн Гис, заместитель начальника ***кого отделения агенства. Напомню, что два года назад он был тяжело ранен при попытке захвата преступника. Погибшему тем вечером агенту Анне Тагамуто посмертно присвоено звание ****, и сейчас настал момент, когда её смерть наконец-то оказывается оправданной.

Прокурор: — Агент Гис, Вы дали присягу отвечать правду и только правду.

Гис: — Да.

Прокурор: — Расскажите, пожалуйста, как Вы вышли на след обвиняемого.

Гис: — Агент Тагамуто и я проводили долгую работу по расследованию серии убийств. В них четко прослеживался одинаковый подчёрк, что дало нам возможность предположить, что все они совершены одним и тем же лицом. Выйти на преступника мы смогли после того, как обнаружили неопровержимые доказательства его причастности к убийствам.

Прокурор: — Были ли определенные мотивы для совершения убийств у других лиц?

Гис: — Сперва мы проверили эту версию. Но, нет — они не имели подоплеки личного или корыстного плана. Жертвы не были знакомы между собой и не имели проблем с законом или другими лицами.

Прокурор: — Как вы вышли непосредственно на обвиняемого?

Гис: — Нам помог анонимный информатор.

Прокурор: — Спасибо, агент.

Надо сказать, что всё это время обвиняемый сидит молча и внимательно слушает допрос агента. Мне сложно сказать, но, кажется, что его выражение больше смахивает на удовлетворение услышанным.

Адвокат обвиняемого: — Агент Гис, расскажите, пожалуйста, как так получилось, что

вам не удавалось найти определенных улик, указывающих на то, что все убийства принадлежат моему подзащитному?

Гис: — Насколько Вам известно, все улики предоставлены суду. Сперва убийца действовал крайне осторожно, старательно подчищая за собой все следы.

Адвокат: — А потом внезапно сорвался и стал их оставлять?

Гис: — Нам удалось выявить ДНК на некоторых местах преступления. Этого было достаточно, чтобы предъявить обвинение.

Адвокат: — Вы были знакомы с моим подзащитным ранее?

Гис: — Нет.

Адвокат: — Интересно, но как тогда получается, что Вы смогли узнать его в вечер Вашего ранения, находясь почти в коматозном состоянии от потери крови?

Судья: — Это не имеет отношения к делу.

Адвокат: — Прошу прощения, Ваша честь. Но я хочу приобщить к делу видеосъемку от ведомственного здания, на которой мы видим, что мой подзащитный беседует с женщиной, а затем появляется машина агента Гиса, и женщина садится в неё.

Гис: — Это был один из наших информаторов.

Адвокат: — То есть, Вы практически рассекретили одного из своих информаторов прямо перед предполагаемым преступником? Полагаю, что это могло привести к последующим событиям, в которых Вы, агент, и Ваш информатор, Ивана Вачовски пострадали, а Анна Тагамуто была убита?

Поднимается возмущенный шум. Судья стучит молотком, призывая к тишине.

Адвокат: — У меня всё, Ваша честь.

** февраля 20** года. Судебное слушание продолжается. Защита вызывает своих свидетелей. Мне удается заметить, что адвокат говорит тихо что-то обвиняемому, явно стараясь быть убедительным. Кажется, что ему это не очень удается. Надо сказать, его подзащитный держится очень достойно — он всё время молчит, слушая происходящие в зале допросы свидетелей. Я сказал бы, что немного удивлен его выдержкой. Но, думаю, что он просто пытается произвести хорошее впечатление на суд.

Новым свидетелем защиты на сегодня становится эксперт лаборатории ***ского университета, Натан Зарембо. Прежде, чем начать допрос, адвокат просит разрешения у судьи включить экран для демонстрации некоторых изображений. Судья разрешает.

Адвокат: — Доктор Зарембо, скажите, пожалуйста, можете ли Вы прокомментировать изображение, которое я сейчас показываю уважаемому суду?

Др. Зарембо: — Да, вполне. Перед нами представлены структурные данные двух ДНК человека.

Адвокат: — Прошу Вас, расскажите более подробно.

Др. Зарембо: — Как известно из элементарного курса биологии, каждая ДНК несет в себе уникальный генетический код, состоящий из определенным образом закодированной последовательности аминокислот и белков. На данном изображении представлены два разных кода.

Адвокат: — То есть, это ДНК двух разных людей?

Др. Зарембо: — Да, судя по данным, это близкие родственники.

Адвокат: — Насколько близкие?

Др. Зарембо: — Из того, что я вижу, можно сделать вывод, что это не сибсы, поскольку совпадений около пятидесяти процентов. Скорее всего, это лица, имеющие одного общего

родителя.

Обвиняемый делает резкое движение, словно хочет встать со своего места. Прокурор хмурится, пытаюсь понять — к чему ведет защита.

Адвокат: — Ваша честь, прошу приобщить к делу данные экспертизы. На изображении справа ДНК моего подзащитного, взятая на исследование при начале расследования дела Художника два с половиной года назад. Согласно утверждениям следствия, у обвиняемого не было родственных связей и близких членов семьи. Вторая ДНК была получена при проведении экспертизы в рамках следствия, и принадлежит она Иване Вачовски. Результаты исследования были запрошены агентом Тагамуто за месяц до её гибели.

В зале начинается легкий гул. Очевидно, что нас ожидает неожиданный поворот истории в деле Художника.

Несмотря на то, что белых пятен в этом деле достаточно много, и обвинению с большим трудом удалось доказать причастность обвиняемого к нескольким убийствам, новая загадка либо поможет суду, либо окажется дополнением в биографии обвиняемого. В любом случае, адвокат собирается вызвать завтра последнего свидетеля, и я надеюсь, что это внесет ясность в сложившуюся ситуацию. Кстати, впервые за все полтора месяца слушания обвиняемый явно вышел из своего молчаливого настроения. Надо сказать, что хотя он и выглядит как человек, проводящий половину суток в тюремной камере, но всё же держится с достаточной уверенностью. Мне кажется, что он презирает всех в этом зале, особенно сейчас, когда что-то коротко бросает своему адвокату прежде, чем конвой уводит его из зала.

Мы ожидаем нового свидетеля защиты, и он явно запаздывает. Сложно представить — откуда на этот раз адвокат попытается найти лазейку для того, чтобы оправдать перед судом своего подзащитного, называемого всеми Художником.

Проходит более пяти минут. К судье приближается один из приставов, передавая какую-то записку. Судья по выражению лица господина судьи, там явно что-то неприятное. Он объявляет перенос слушания. Я вынужден прервать свой обзор до следующего заседания...

«*** TV Channell»

Мы прерываем нашу программу в связи с выпуском экстренных новостей. Новые данные по громкому процессу.

«CBSNews»

** февраля 20** года. Судебный пристав, обязанный вручить повестку в суд свидетелю защиты Гаспара Хорста, не смог найти адресата. Дом Иванны Вачовски пуст и, по утверждению пристава, внутри возможно — следы борьбы. Ранее, во время процесса защита объявила о совпадении ДНК и возможном родстве Иванны Вачовски и Гаспара Хорста. Полиция возбудила уголовное дело по факту исчезновения Иванны и просит всех, кто видел её, связаться с детективами. Специальный агент Бьёрн Гис будет вести дело о пропаже Иванны Вачовски

Обращаем внимание всех наших зрителей на указанные внизу номера. Пожалуйста, если у Вас появилась информация, свяжитесь с сотрудниками полиции.

«*** TV Channell»

** марта 20** года. 00 часов 23 минуты. Полковник отдела внутренней разведки Саул Харпер пропал без вести, его машина найдена брошенной возле Парка Пауэллс Ков, некоторые личные вещи обнаружены на берегу Ист Ривер. Возможно, что это самоубийство, однако полиция пока не освещает детали происшедшего. Окончательное заключение будет

озвучено после тщательного расследования. Саул Харпер героически служил стране и был высококлассным военным тактическим специалистом, чья работа особо ценилась Национальной разведкой. По некоторым данным полковнику принадлежала частная военная фирма Spirit Of Fair, входящая в ассоциацию PSCAL.

(Ассоциация частных военных и охранных компаний, координирующая их деятельность в Ираке — «Private Security Company Association of Iraq» (PSCAI) — прим. автора.)

«CBS News»

** марта 20** года. 14 часов 35 минут.

При перевозке Гаспара Хорста, известного общественности как серийный убийца Художник, в окружную тюрьму Рикер-Айленд до вынесения окончательного приговора, кортеж попал в пробку при выезде на Гранд Централ-Паркуэй. Камеры видеонаблюдения фиксировали движение кортежа, однако на съездах с транспортных развязок произошла авария, послужившая причиной кратковременного коллапса движения. Грузовая фура, принадлежавшая частной военной фирме, не справилась с управлением и вылетела на соседнюю полосу. Среди пострадавших и погибших Гаспара Хорста не было обнаружено, что позволяет предположить, что он остался в живых. Объявлена операция по перехвату, в ней задействованы полиция и сотрудники криминального следственного отдела бюро. В операции принимает участие специальный агент Бьёрн Гис, который ранее возглавил дело об исчезновении Иваны Вачовски, являющейся ключевой фигурой в деле Хорста. Власти принимают меры по обеспечению безопасности граждан. От официальных комментариев представители полиции отказываются.

Означает ли это, что история Художника и Иваны Вачовски продолжает ожидать своего часа?...

Больше книг на сайте - Knigoed.net